П-66

ЕМИЯ НАУК СССР

ДОКЛАДЫ

ГРУППЫ ВОСТОКОВЕДОВ НА СЕССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

20 марта 1935 г.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

П-66

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ДОКЛАДЫ

ГРУППЫ ВОСТОКОВЕДОВ НА СЕССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

20 марта 1935 г.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
XVII

2498

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Июнь 1936 г.

Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Ответственный редактор академик А. Н. Самойлович

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Ученый корректор В. А. Заветновский

П 5252

Библиотека Книгохранилища Филиала А.Н. СССР

Сдано в набор 26 ноября 1935 г. — Подписано к печати 22 июня 1936 г.

198 стр. (6 табл. + 5 фиг.)

Формат бум. 72×110 см. — 13 1/8 печ. л. — 15,75 уч.-авт. л. — 48461 тип. зн. — Тираж 1000

Ленгорлит № 15701. — АНИ № 1062. — Заказ № 3056

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Конрад, Н. И. Надельная система в Японии	5
Невский, Н. А. Тангутская письменность и ее фонды (с 6 табл.) . .	57
Баранников, А. П. Легенды о Кришне («Bhāgavata Purāṇa» и «Prem Sāgar» Лаллу джи Лала)	81
Якубовский, А. Ю. Восстание Тараби в 1238 г.	101
Фрейман, А. А. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане (с 5 фиг.)	137
Воробьев, П. И. К истории русско-китайских отношений в XVII в. .	167

Н. И. КОНРАД

Надельная система в Японии

Изучение надельной системы в Японии в VII—X вв. должно вестись по двум основным направлениям, взаимно дополняющим друг друга:

1. Во-первых, необходимо выяснить, что такое эта надельная система сама по себе, каково ее конкретное содержание и как она должна быть определена с точки зрения своей социально-экономической сущности.

2. Во-вторых, необходимо выяснить ее историческое место — в двойном смысле: из чего она исторически выросла — и под влиянием каких факторов, и чем сменилась — опять-таки под влиянием каких исторических факторов.

Изучение этой системы тем более важно для японской исторической науки, что это изучение может пролить свет:

1) на вопрос возникновения японского феодализма,

2) на вопрос о рабовладельческом строе в Японии,

3) на вопрос о специфике процесса развития японского феодализма в целом.

Настоящая работа стремится разрешить первую из двух указанных вначале задач: мне хотелось бы в этой работе ответить на вопрос, что такое надельная система сама по себе — в своем конкретном содержании и в своей социально-экономической сущности. В виду известной законченности и законности этой одной темы, я считаю себя вправе опубликовать эту часть своей общей работы, полагая, что второй части должны предшествовать два подготовительных исследования:

а) изучение до-тайковского строя, обычно именуемого «эпохой разложения родового общества», и

б) изучение надельной системы в Китае, в особенности в эпоху Суй и Тан, а также в Корее.

Эти две предварительные работы, в значительной части уже подготовленные, в соединении с настоящей, позволяют в дальнейшем написать одну главу японской истории — одну из самых важных и труднейших.

Это же в свою очередь послужит первым материалом для суждения об одной из наиболее характерных и своеобразных форм восточноазиатского феодализма.

Я совершенно отклоняю от себя изучение вопроса о том, существовала ли надельная система в действительности. Это вопрос абсолютно праздный: существование надельной системы не только в статьях закона, но и на практике достаточно прочно засвидетельствовано историческими источниками (Rikkokushi, Sandai jitsuroku, Ruijū sandaikyaku, Engishiki, Shoku-Nihongi, Ruijū kokushi) и археологическими данными (обнаружение во многих местах старинных межевых знаков и следов землеустроительных работ в плане надельной системы). Упоминания о надельной системе, содержащиеся в исторических памятниках, уже давно очень добросовестно собраны такими авторитетными японскими учеными, как проф. Утида[1] и проф. Такигава;[2] подробное изложение археологических данных приводится даже в такой новейшей работе, как книга Хотта.[3] Кроме того, совершенно нелепо считать, что все обширное законодательство, которое относится к надельной системе, не имело под собой никакой конкретной почвы. И, наконец, позволяю себе выдвинуть несколько других доводов: никто не сомневается в существовании Нарского и Хэйанского строя, но этот строй в целом мыслим только в связи с надельной системой, составляющей его неотъемлемую часть, более того — его базу; никто не сомневается в появлении в дальнейшем феодального поместья (shōen), но это поместье исторически выводится только из надельной системы; никто не сомневается в существовании надельной системы (система цзюньтянь) в Китае; так почему же то, что являлось вполне закономерным для одной восточноазиатской страны на определенном этапе ее исторического развития, не может быть в той или иной мере естественным и для другой восточноазиатской страны — для Японии, тем более, что это годилось на известный период и для третьей из главных стран Восточной Азии — для Кореи? Аналогия, конечно, не обязательна, но здесь дело не в аналогии, а в закономерности общего исторического процесса.

Я утверждаю, что вопрос сводится не к самому факту существования в Японии надельной системы, а к особенностям ее существования, к некоторому своеобразию ее развития. Эти особенности есть, и их-то и нужно объяснить.

---

[1] Uchida Ginzō. Nippon keizáishi-no kenkyū. Taishō, 10, т. II, pp. 107—276.
[2] Takigawa Masajirō. Nippon hōseishi, Shōwa, 3, pp. 118—131.
[3] Dai-Nihonshi kōza, т. I (Kodaishi, Nara jidai-shi).

I

Сведения о надельной системе в Японии мы находим прежде всего в известном указе от 1-й луны 2-го года Тайка (646), изданном сейчас же после так наз. переворота Тайка (645), явившегося заключительным звеном длительной междуусобной борьбы сильнейших японских родов, борьбы, которая вёлась за землю, за людей, за общеплеменную политическую власть. Победителями в этой борьбе оказалась группа родов с родом Сумэраги в качестве своих вождей, и глава этого последнего рода с этого времени начинает носить — в качестве верховного правителя государства — титул «тэнно», сохраняющийся за японскими монархами и до настоящего времени и переводимый на европейские языки словом «император».

Указ 1-й луны 2-го года Тайка устанавливает основные положения нового государственного порядка. Если судить по «букве» закона и по его «духу», положения эти сводятся к следующему:[1]

1. Вся земля объявляется государственной, т. е. принадлежащей государству, представителем и главой которого является император.

2. Все население объявляется государственным, т. е. подчиняющимся государству в лице его главы — императора.

Эти два основных положения, имеющие общеправовое значение и составляющие, так сказать, принципиальную базу указа, обусловили в указе наличие ряда конкретных законодательных мероприятий. Одни из них носят, так сказать, негативный характер, объявляя отмененным то, что противоречит этим общим положениям: так, объявляются подлежащими ликвидации все существовавшие до сих пор формы личного владения землей и людьми, в чьих бы руках эти земли и люди ни находились, — в руках ли членов императорского дома или представителей других домов (пункт 1-й указа). Вместе с этим отменяются и практиковавшиеся до сих пор различные виды податей и повинностей (пункт 4-й). Другие из этих законодательных мероприятий имеют конструктивный характер, намечая конкретные формы нового государственного устройства — как необходимый вывод из тех же общепринципиальных положений. Поскольку ликвидируются прежние формы управления землею и людьми, должны быть введены новые. Поэтому в указе намечается введение административного районирования страны на провинции (куни) и уезды (гун), с организацией в каждом таком районе особых органов управления — как представителей

---

[1] См. Nihonshoki, Kōtoku-ki, 2 г. Taika (см. Iida Takego, Nihoshoki tsūshaku, т. V, p. 3196).

общегосударственной власти. Такими органами должны быть провинциальные управления (кокуси) с губернатором (кокусю) во главе и уездные управления (гундзи) с уездными начальниками (тайрё) во главе. С другой стороны, поскольку отменялись все прежние формы владения землей, необходимо было ввести отношение к земле в новые правовые рамки. Эти рамки и были созданы в виде системы надельного землепользования, т. е. предоставления населению для обработки государственной земли в порядке наделов. Пункт 4-й указа говорит об этом и является, таким образом, юридическим началом надельной системы. Ее фактическому проведению кладет начало, надо думать, указ от 8-й луны того же 2-го года Тайка (646), где приводится уже распоряжение о раздаче надельных участков.

Заключительным этапом в развитии земельного законодательства после Тайка в духе принципов, провозглашенных указом 646 г., является земельный закон (та-но рё), составляющий IX раздел знаменитого кодекса Тайхōрё (701). Здесь надельная система получает свой вполне разработанный вид. Однако для суждения о надельной системе одного этого земельного закона мало. Я утверждаю, что к рассмотрению должны быть привлечены еще другие части кодекса: закон о жалованиях (раздел XV) — полностью, закон о податях и повинностях (раздел X) — в своей большей части, и частично закон о дворах (раздел VIII). Без анализа всех этих законов нельзя ни выяснить конкретное содержание надельной системы, ни определить ее социально-экономическую сущность. В этом — то принципиально новое, что вводится в научный обиход настоящей работой. В дальнейшем я и перехожу к изложению в систематическом порядке содержания надельной системы в рамках тех данных, которые можно извлечь из этих трех законов. Во избежание недоразумений, должен предупредить, что характеристика всего послетайковского, т. е. Нарского и Хэйанского строя, конечно требуют привлечения данных всего кодекса, но задача данной работы — дать не картину строя в целом, а лишь его базы — надельной системы.

* * *

По общему положению вся земля является государственной собственностью и образует государственный земельный фонд. Официальной единицей измерения земельной площади считается 1 тан — мера, введенная кодексом Тайхōрё взамен прежней меры — сиро. При переводе на метрические меры величина 1-тан, повидимому, равна около 0.12 га (см. ст. 1 земельного закона и примечание к ней). 10 тан составляют 1 тё, что равно, следовательно, около 1.2 га.

Государственный земельный фонд распределяется среди населения в порядке наделов, причем основным, наиболее массовым видом надела является подушный (кубундэн). Этот подушный надел получает все население страны, но в различных размерах.

1) Этот размер зависит, во-первых, от социальной принадлежности наделяемого, является ли этот последний принадлежащим к полноправному населению (так наз. «доброму народу» — рёмин 良民) или к неполноправному (так наз. «подлому народу» — сэммин 賤民). Разумеется, первые получают больше, вторые меньше. При этом и для «подлых» размеры надела также различны, находясь в зависимости от принадлежности к той или иной из внутренних категорий, на которые распадалось это неполноправное население: несвободные, принадлежащие государству, получают полный надел; несвободные, принадлежащие частным лицам, всего $^1/_3$ полного надела.

2) Этот размер зависит, во-вторых, от пола: мужчины получают полный надел, женщины $^2/_3$ мужского надела.

3) Этот размер зависит, в-третьих, от качества земли: плохая земля дается в двойном размере.

4) Размер надела зависит, в-четвертых, от количества пахотных земель в данном районе. Если земли мало, надел может быть по необходимости уменьшен. Это правило, однако, не имеет обратного действия: при наличии большого количества пахотных земель давать надел сверх положенного размера не разрешалось.

Таким образом, земельный закон Тайхōрё в части, касающейся подушных наделов, предусматривает наличие двух социальных категорий — полноправное и неполноправное население, во-первых, наличие двух категорий неполноправных — рабов государственных и рабов частных, во-вторых. Этот закон, далее, проводит различие между мужской частью населения и женской, ставя женскую половину на низшее место (раздел IX, ст. 3 и 27). Этот закон устанавливает понятие хорошей или плохой земли (ст. 3). И наконец, этот закон считается с наличием «многоземельных районов» (хироки-гō), где земли много, а жителей сравнительно с этим мало, и «малоземельных районов» (сэмаки-гō), где, наоборот, земли мало, а население густое (ст. 13).

Сводя все эти признаки воедино, мы получаем следующую шкалу подушных наделов:

1. Стандартный размер наделов для полноправного населения:
   на душу мужского пола — 2 тана (0.24 га),
   на душу женского пола — $1^1/_3$ тана (0.16 га).

2. Стандартный размер наделов для неполноправного населения:
   a) государственные рабы (всех категорий) — в размере наделов свободных, т. е.
      на душу мужского пола — 2 тана (0.24 га),
      на душу женского пола — $1\frac{1}{3}$ тана (0.16 га).
   b) частные рабы (всех категорий) — в размере $\frac{1}{3}$ надела свободных, т. е.
      на душу мужского пола — $\frac{2}{3}$ тана (0.08 га),
      на душу женского пола — $\frac{4}{9}$ тана (0.05 га).

Как было уже указано, при плохой земле размеры надела удваивались (ст. 3). При общем недостатке земель в данной местности надел давался в размере, фактически допускаемом малоземельем (ст. 3). Впрочем, в последнем случае закон открывал возможность переселения в другие районы, где земли много, а жителей мало, и где можно поэтому получить полагающийся надел полностью.

С точки зрения надельной системы основной единицей населения, с которой закон имел дело, являлся двор (ко 戸). Это видно из того, что наделы отводились по существу на двор, а не на отдельных лиц. По закону надел получали все члены двора, достигшие 6-летнего возраста (ст. 3). Это означало, что наделы давались и на детей, которые не могли, конечно, самостоятельно получать свой надел и отвечать за него; это делали за них взрослые члены семьи. Это видно из того, что кроме пахотной земли, получаемой хотя и на двор в целом, но все же по числу душ, его составляющих, уже прямо на двор в целом отводились особые усадебные участки (разд. X, ст. 15 и 17), причем размеры этих участков определялись не числом душ, а наличием земель в данной местности (разд. IX, ст. 15). Это видно из того, что наделы на рабов фактически получали их хозяева, т. е. опять-таки двор: по точному указанию закона частные рабы не имели права образовывать самостоятельный двор, а включались в состав двора своего хозяина (разд. VIII, ст. 35).[1]

Таким образом, земельное хозяйство двора слагалось: из пахотных угодий, получаемых соответственно числу душ — как свободных, так и несвободных, — начиная с 6-летнего возраста; 2) из садовых участков и усадебной земли, получаемых на двор в целом. Первые отходили в казну со смертью их владельца, вторые — лишь в случае исчезновения двора, как такового. Периодическому пересмотру подлежала, следовательно,

[1] См. также Taihōryō shinkai, p. 233.

только первая категория земель — пахотные угодья, т. е. подушные наделы, и такой пересмотр по закону должен был производиться раз в 6 лет. В этот «передельный» год (ханнэн 班年) проверялись подворные списки, вычеркивались умершие за этот срок, вносились вновь родившиеся; соответственно этому от каждого двора либо отбирали часть земли в казну, если число умерших оказывалось больше, чем число родившихся; либо, наоборот, прирезывали новые участки, если родившихся оказывалось больше; либо же оставляли то же количество, если общий баланс смертности и рождения сходился (разд. IX, ст. 23).

В связи с наличием двух категорий угодий, получаемых двором, различалась и форма распоряжения ими. Пахотные земли, т. е. подушные наделы в точном смысле этого слова, по закону продавать было нельзя; садовые же участки, а также усадебные, можно было и продавать и отдавать в аренду. Правда, государство сохраняло за собою право контролировать и регулировать эти операции: как при сдаче в аренду, так и при продаже этих участков необходимо было испрашивать разрешение местных властей. Есть основание предполагать, что право сдавать в аренду распространялось и на некоторые угодья, т. е. на надельные земли. Таким образом, земельный закон Тайхōрē по существу предусматривал две формы юридического отношения к земле: право пользования — в отношении пахотных наделов и право распоряжения — в отношении садовых и огородных участков. Возможно, что частично, в ограниченном виде — в форме краткосрочной (на 1 год) аренды — право распоряжения распространялось и на пахотные земли. В связи с этим можно говорить о пожизненном пользовании пахотными угодьями и наследственном владении садовыми и усадебными участками, поскольку первые отбирались в казну только со смертью лица, имевшего надел, вторые же переходили к его наследникам, и если отходили в казну, то уже только в случае полного исчезновения всего двора в целом, т. е. как выморочное имущество. Это означает, что, строго говоря, принцип государственной собственности на землю фактически распространялся только на пахотные угодья.

Особое положение садовых и усадебных земель несомненно определялось самой их природой: если пахотные земли обрабатывались каждый год заново, то эксплоатация садовых участков — в особенности, если на них разводились, как это полагалось по закону (разд. IX, ст. 16), тутовые и лаковые деревья, — могла осуществляться только при длительном пользовании ими. Также, естественно, неподвижным имуществом оставались и участки под постройками.

Если в какой-нибудь местности, по удовлетворении всего населения требующимися наделами, оставались еще свободные пахотные земли, они входили в государственный пахотный фонд (кōдэн 公田) и подлежали сдаче в аренду желающим из населения, как гласит закон, — «по ценам, существующим в данной местности» (разд. IX, ст. 11), причем арендная плата шла непосредственно в Дадзёкан, т. е. в высшее правительственное учреждение.

Повидимому, здесь были возможны две формы аренды: 1) со внесением платы вперед, т. е. покупали право обработки определенного участка и пользования всем полученным урожаем; 2) с последующим отчислением в качестве арендной платы части урожая. Срок аренды свободных государственных пахотных угодий в ст. 11 земельного закона Тайхōрē особо не оговорен. Обычно считают, что этот срок указан в ст. 19, где дана цифра в 1 год, но по моим предположениям эту цифру нужно относить в первую очередь к случаям аренды надельных участков.[1]

Равным образом, при указании на репрессии, угрожавшие сдающим в аренду на срок свыше 1 года, всегда оказывается, что речь идет о сдаче в аренду надельных участков. В виду этого возможно, что аренда государственной земли могла и не ограничиваться этим годичным сроком, даже по букве закона.

Остающийся от аренды свободный фонд пахотной земли обрабатывался, поскольку это было возможно, «казенной рабочей силой» (кōрики 公力), как гласит закон (разд. IX, ст. 34), т. е., повидимому, государственными рабами, или, если это оказывалось невозможным или недостаточным, и привлекаемым в порядке рабочей повинности населением. Если же и это оказывалось почему-нибудь невозможным, и пахотные угодья, оставшиеся на руках у государства, не обрабатывались и такое положение тянулось не менее трех лет, — эти земли «как заброшенные» (арэта 荒田) могли просто передаваться желающим из населения, повидимому, совершенно безвозмездно, только с обязательством через 6 лет вернуть их в казну (разд. IX, ст. 29).

Указанный фонд состоял из пахотных, т. е. уже обработанных земель. Однако в некоторых местностях могло оставаться еще известное количество земель совершенно не тронутых обработкой, т. е. целина. Эта целина также могла отдаваться населению для возделывания (разд. IX, ст. 29), причем закон никак не оговаривает ни сроков, ни условий, на

[1] *См. ниже, примечание к ст. 19 Земельного закона.*

которые такие земли предоставлялись. Об обратном отходе этих земель в казну говорится только в связи со случаями забрасывания этого участка взявшим его: в таких случаях участок снова отходит к государству. Судя по последующей практике, эти участки были вообще освобождены от всякого обложения, и все дальнейшие уточнения этого пункта касаются только сроков пользования ими. Так, в указе 7 г. Ёрō (713) указывается на то, что обработанных земель нехватает и что поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы население бралось за распашку целины. При этом в целях поощрения такой распашки определялось, что если кто-нибудь обработает новую землю, используя уже существующую оросительную сеть, он может пользоваться этими новыми полями пожизненно; если же ему придется при разработке этих полей соорудить заново всю оросительную систему, т. е. употребить значительно большее количество и сил и средств, — эти новые поля сохраняются за его семьей в течение трех поколений. Повидимому, расширение обрабатываемой площади диктовалось настоятельной необходимостью и было подогрето стихийным стремлением к этому, так как один за другим следуют указы, подтверждающие и развивающие закон 723 г.: таков указ 1 г. Тэмпё (729), указ 15 г. Тэмпё (743), указ 1 г. Тэмпё-дзингō (765) и др. Из них указ 743 г. имеет решающее значение: он отдает разработанную новь, так наз. «новые поля» (кондэн 墾田), в вечное наследственное пользование лиц, их разработавших, иначе говоря, — устанавливает в системе надельного землепользования участок, где уже законом признается явная земельная частная собственность, т. е. подрывается самый принцип государственной собственности на землю. Мотивировалось это постановление тем, что иначе обработка земли будет вестись хищническим способом, перед возвращением в казну земли окажутся опустошенными; кроме того выдвигалось и то соображение, что при необходимости все-таки рано или поздно сдавать земли в казну население неохотно берется за трудное дело — разработку новых полей. Однако основной причиной появления закона 743 г. следует считать стремление тех, кто эти новые поля брал, закрепить их прочно в своих руках.

Обладание надельными землями накладывало на их хозяев различные обязательства перед государством.

Прежде всего они должны были обрабатывать эти земли. Закон (разд. IX, ст. 19) гласит, что если поле окажется заброшенным в течение 3 лет и более, оно может быть передано другому лицу и только через 3 года может быть возвращено прежнему владельцу. Также в обязательном порядке должны были возделываться и садовые участки: на них пола-

галось разводить тутовые и лаковые деревья в количестве, строго нормированном и зависящем от величины двора: наиболее многочисленные, так наз. «большие дворы», должны были в течение 5 лет развести не менее 300 тутовых и 100 лаковых деревьев; «средние дворы» — не менее 200 тутовых и 70 лаковых; «малые дворы» — не менее 100 тутовых и 40 лаковых (разд. IX, ст. 16), — разумеется там, где это было возможно по условиям климата, почвы и обработки.

Эти обязательства обработки имели определенную цель: государственный земельный фонд раздавался населению в виде наделов с тем, чтобы он приносил государству определенный доход. В виду этого как пахотные, так и усадебные земли были обложены налогом.

Пахотные угодья были обложены зерновым налогом. Налог этот исчислялся не с урожая, а с площади. Стандартной единице площади — 1 тан соответствовала стандартная цифра налога — 2 соку 2 ха риса. Цифра эта оставалась постоянной во всех случаях, т. е. качество почвы и зависящие от этого размеры урожая в расчет не принимались. Законодатель исходил, повидимому, из обычного урожая с земли высшего качества, каковой равнялся, как предполагают, 72 соку. Это означало, что налог в этом случае может быть и действительно равнялся 3% урожая,[1] но в дальнейшем процентное отношение налога к урожаю значительно повышалось, поскольку абсолютная цифра урожая все время шла книзу, а налоговая ставка оставалась прежней.

Одновременно с этим основным земельным налогом все население должно было вносить известное количество зерновых продуктов в государственный запасный зерновой фонд, по идее долженствующий служить гарантией на случай всяких стихийных бедствий. Вносить в этих случаях полагалось просом по особой шкале, установленной для каждого из 9 разрядов дворов, а именно: дворы 1-го разряда должны были вносить 2 коку проса, 2-го разряда — 1 коку 6 то, 3-го разряда 1 коку 2 то, 4-го разряда — 1 коку, 5-го — 8 то, 6-го — 6 то, 7-го — 4 то, 8-го — 2 то, 9-го — 1 то (Тайхōрē, разд. X, ст. 6). Если просо заменялось другими зерновыми продуктами, то 1 то проса соответствовал 2 то риса, 1 то 5 сё ячменя, 2 то пшеницы, 2 то «больших бобов», 1 то «малых бобов». Все это должно было вноситься одновременно с основным налогом. Необходимо попутно отметить, что в этих случаях разряды дворов устанавливались, повидимому, не по признаку количества членов, как это делалось при определении требуемого количества тутовых и лаковых деревьев, а по признаку достатка: так, например, двором 1-го разряда считался двор, собиравший 1000 коку риса, двором 9-го, т. е. последнего разряда, считался двор, собиравший только 20 коку риса.[1]

[1] См. ниже, примечание к ст. 1 Земельного закона.

Земельный налог составлял всего лишь первый вид обязательств населения. Кроме него существовали подать и рабочая повинность.

Податям посвящен специальный «закон о податях и повинностях» (раздел X кодекса Тайхōрē), дающий как их подробную номенклатуру, так и порядок взимания. Согласно этому закону каждый двор должен был соответственно числу взрослых своих членов мужского пола в трудоспособном возрасте, т. е. от 17 до 65 лет, вносить в казну шелковые ткани различных сортов (кину и арагину), шелк-сырец, шелковую вату и холст. Норма сдачи зависела от возраста, который с точки зрения трудоспособности разделялся на три категории: 1) возраст полностью трудоспособный — с 21 до 60 лет; 2) возраст, признаваемый трудоспособным только наполовину, — от 61 до 65 лет, 3) возраст, когда человек считается трудоспособным только на 25%, — с 17 до 20 лет. Мужчины в первом возрасте были для закона «совершеннолетними 1-го разряда» (正丁), во втором возрасте — «стариками» (老) или «совершеннолетними 2-го разряда» (次丁) и в третьем возрасте — «подростками» (中男).

Основная ставка делалась на «совершеннолетних 1-го разряда», т. е. на основные рабочие кадры населения. Она равнялась: шелка-кину и шелка-арагину — 8 сяку 5 сун (мино'ского шелка-арагину 6 сяку 5 сун); шелка-сырца — 8 рē, шелковой ваты — 1 кан, холста — 2 дзē 6 сяку (если холст сорта «маданупо» — 1 дзē 3 сяку). «Старики» вносили половину этих количеств, «подростки» — одну четверть.

Этот перечень имел прежде всего в виду те случаи, когда подать действительно вносилась указанными тканями или материалом для них. Но этим не ограничивалось его значение. Приведенные количества играли роль основных ценностных норм при расчетах податей, если таковые вносились какими-нибудь другими предметами. Закон же предусматривал не только возможность, но и прямую неизбежность внесения податей другими предметами: во-первых, потому, что не везде можно было разводить тутовые деревья, коноплю и другие волокнистые растения и не везде было развито ткацкое ремесло; во-вторых, потому, что для государственного хозяйства, для хозяйства императорского двора в первую очередь, —

[1] Taihōryō shinkai, p. 282.

требовались и другие предметы; наконец, в-третьих, потому, что отобрание в виде подати некоторых предметов, как, например, орудий производства — железных мотыг, составляло одну из основных предпосылок всего социально-политического режима. В виду этого закон, считаясь с местными условиями и задачами правящего класса, предлагает вносить в качестве основных видов податей, кроме перечисленных, железо, железные мотыги, соль, рыбу, съедобные раковины и водоросли, иначе говоря — основные земледельческие орудия, а также материал для их изготовления, и главнейшие пищевые продукты. В качестве дополнительных податей фигурируют: красильные вещества, растительное волокно, растительное масло, животные жиры, лак, материал для плетений, различные изделия — цыновки, тростниковые покрышки, сита, бочки и т. п. (раздел X, ст. 1). Все это, однако, исчислялось применительно к первому виду податей, т. е. к тканям: норма, установленная для тканей, служила мерилом для исчисления норм сдачи всех прочих предметов.

Кроме земельного налога и подати, население было обязано и рабочей повинностью. Основные правила привлечения к этой повинности и условия ее отбывания изложены также в Законе о податях и повинностях (раздел X). Рабочей повинности подлежало мужское население в двух разрядах трудоспособного возраста: «совершеннолетние 1-го разряда», т. е. в возрасте от 21 до 60 лет, и «совершеннолетние 2-го разряда», т. е. в возрасте от 61 до 65 лет. Подростки от 17 до 20 лет, обложенные податью, к рабочей повинности не привлекались. Срок отбывания этой повинности был установлен в 10 дней в году для основной категории и в 5 дней для дополнительной категории. Подлежащим этой повинности разрешалось откупаться от нее внесением дополнительной подати в 2 дзё 6 сяку холстом за полные 10 дней (из расчета 2 сяку 6 сун за 1 день работы). Можно было, повидимому, вносить и другими предметами, как при обычной подати, но так, чтобы это по стоимости соответствовало указанному количеству холста. На ряду с этим разрешалось и выставлять вместо себя заместителя — своего раба или даже наемника — из числа жителей данного уезда, как гласит закон (раздел X, ст. 4). Правительство, очевидно, стремилось привлекать население к этим работам и задерживать на них: по крайней мере закон устанавливает, что за каждый лишний проработанный день делается соответствующее уменьшение налога и податей, а при работе в течение 30 дней сверх положенного срока целиком снимаются и земельный налог и подати. Однако, с другой стороны, долее 40 дней задерживать на таких работах не разрешалось (раздел X, ст. 4).

П5252

Таков был основной вид рабочей повинности. Наряду с ним существовали и другие виды. Население могло привлекаться к так наз. «разным работам» (zatsuyō 雜徭) — главным образом для ремонта и проведения оросительных сооружений. Особых нормирований такого привлечения не было: закон говорит только, что работу в таких случаях надлежит распределять поровну и не задерживать на ней долее 60 дней (разд. X, ст. 37), попытки к чему со стороны властей, надо полагать, были. Особо происходил набор слуг на работу в правительственные учреждения. Для этой цели от каждых 50 дворов, т. е. от основной административной единицы — так наз. селения, брали двоих мужчин. Срок службы их определялся в 3 года. Бралась и женская прислуга: от 1 до 4 женщин от каждой провинции, в зависимости от величины («разряда») этой провинции (разд. X, ст. 38). Наконец, производился набор на всякие строительные работы — на срок до 50 дней в свободный от сельскохозяйственных работ сезон и на срок не более 30 дней в период сельскохозяйственных работ (разд. X, ст. 22). Широко привлекались к рабочей повинности ремесленники: они изготовляли для государства различные предметы кузнечного ремесла — топоры, мотыги, серпы, различные деревянные изделия и т. п. (раздел X, ст. 24). Таким образом 10-дневная работа была лишь наиболее общей формой рабочей повинности; наряду с ней существовала и другая и притом гораздо более обременительная; наиболее тяжелым для населения было, повидимому, привлечение к «разным работам», обстановка которых допускала больше всего произвола, поскольку никаких особых регламентаций этой работы как по части набора, так и самой работы, повидимому, не было; закон говорит только о «распределении поровну» и о 60-дневном сроке. О том бремени, какое представляла для населения эта повинность, косвенно свидетельствуют некоторые правительственные указы, вынужденно снижающие этот срок до 30 дней; таковы указы 1 г. Тэмпё-хōдзи (757) и 14 г. Энряку (795). Впрочем, действие этих указов было весьма кратковременным и очень скоро прежний срок снова восстанавливался.

От несения рабочей повинности из рядового населения освобождены были только фактически нетрудоспособные, а именно: мальчики до 16 лет, престарелые — от 66 лет, лица с физическими недостатками и больные неизлечимыми болезнями, лишавшими трудоспособности. Не привлекались к рабочей повинности и женщины, если не считать очень ограниченного набора прислужниц. Не привлекались и частные рабы (разд. VIII, ст. 5): эксплоатация рабов предоставлялась их владельцам непосредственно. Закон содержит указания и на освобождение от повинности и всех налогов и пода-

Библиотека ...чно-исследовательск... института
№ 2498

тей и «почтительных сыновей», «послушных внуков», «справедливых мужей» и «верных жен», — словом, лиц, преуспевающих в стандартных добродетелях (разд. X, ст. 17). Но это освобождение, разумеется, ничего существенного в картину налогов и повинностей не вносило.

Приноровительно к этой системе налогов, податей и повинностей была построена и организация крестьянского двора и деревни: она была построена так, чтобы наилучшим образом обеспечить поступление налогов и податей и отбытие повинностей. Согласно специальному «закону о дворах» (разд. VIII кодекса Тайхорё) все дворы делились на подлежащие податям и повинностям (課口) и неподлежащие податям (不課口). Во главе двора стоял «хозяин двора» (戶主), в каковой роли выступал обычно «глава семьи» (家長). Этот хозяин был в первую очередь ответственным за выполнение всех налогов, податей и повинностей (раздел VIII, ст. 5). Бо́льшей единицей являлось «пятидворье» — объединение из 5 соседних дворов (五保). Во главе его стоял свой старшина (長) и ему вменялось в обязанность следить за всем, что происходит в пределах «пятидворья», в частности, следить за тем, чтобы не совершалось никаких нарушений закона; ему же нужно было немедленно докладывать о всяком прибытии из других мест, о всяком, остановившемся на ночлег; равным образом ему должны были сообщать и о всяком отправлении члена пятидворья куда-нибудь из пределов селения. Иными словами, роль старшины пятидворья сводилась к надзору за всякими передвижениями населения, что имело своей основной целью борьбу с бегством с земли. Эти же старшины должны были следить и за выполнением дворами их обязательств перед государством (разд. VIII, ст. 9). Высшее наблюдение за сбором налога, внесением подати и отбыванием рабочей повинности находилось в руках сельского старосты (里長). Согласно кодексу (раздел VIII, ст. 1) каждые 50 дворов или 10 пятидворий составляли «селение» (里), во главе которого стоял староста (里長). На его обязанности было: «вести перепись населения по каждому двору и содействовать развитию земледелия и шелководства», т. е. попросту следить, чтобы население обрабатывало предоставляемую ему казенную землю; наблюдение за преступностью и руководство сбором налога, податей и выполнением рабочей повинности (разд. VIII, ст. 1). Эти три лица — хозяин двора, старшина пятидворья и сельский староста и составляли ближайший аппарат по наблюдению над выполнением населением своих обязанностей перед государством.

Правительственный аппарат, в ведении которого находилась надельная система со всеми примыкающими к ней институтами, состоял в основе из

двух ведомств. Первое из них — Мимбусё (министерство по делам населения) ведало переписью населения, составлением налоговых списков и всем, что относилось к земледелию. Второе — Окурасё (министерство сокровищ) ведало податями. Основным материалом для этих ведомств служили подворные реестры, в которые вносились все сведения, нужные для наделения землей, налоговзимания и привлечения к рабочей повинности. В эти списки вносились все члены двора, распределявшиеся по возрасту следующим образом (разд. VIII, ст. 6): 1) до трех лет — младенцы (黃), 2) от 4 до 16 лет — отроки (少), 3) от 17 до 20 лет — подростки (中男), 4) от 21 до 60 лет — совершеннолетние (丁), 5) от 61 до 65 лет — старики (老), 6) от 66 лет и выше — престарелые (耆). Как сказано выше, трудоспособным считались три возраста — подростки, совершеннолетние и старики, но в виду того, что трудоспособность каждого из этих трех возрастов была различна, основным возрастом, несшим все повинности, считались мужчины от 21 до 60 лет, называвшиеся с этой точки зрения «совершеннолетними 1-го разряда» (正丁); «старики», т. е. мужчины в возрасте от 61 до 65 лет, считались наполовину трудоспособными и назывались «совершеннолетними 2-го разряда» (次丁); подростки, т. е. мужчины в возрасте от 17 до 20 лет (中男), привлекались только к сдаче податей и то в размере $^1/_4$ нормы, полагающейся на «совершеннолетних 1-го разряда». Отдельно в подворные реестры вносились слепые, глухие, калеки, неизлечимобольные и т. п., т. е. все нетрудоспособные. Из этих подворных списков очень хорошо видно, что правительство, т. е. правящий класс подходил к населению преимущественно с одной стороны: с кого, сколько и что можно было взять. Разумеется, эти списки были нужны и для раздачи наделов, но эта раздача имела ту же цель: потребовать в дальнейшем от получивших наделы выполнения определенных обязательств. Коротко говоря, законодательство целиком оправдывало поговорку: «есть земли — есть налог; есть двор — есть подать; есть человек — есть повинность».

* * *

Все изложенное выше касается рядового населения — крестьянства, а также отчасти неполноправного населения — рабов. Это, однако, лишь одна сторона надельной системы. Подушные наделы составляют лишь одно ее звено, ими она не исчерпывается; кроме них она знает еще ряд особых наделов. Это — наделы: 1) ранговые, 2) должностные, 3) полученные за заслуги и 4) жалованные.

Ранговые наделы (разд. IX, стр. 4) были присвоены каждому рангу (位) и давались, следовательно, лицам, состоящим в том или ином ранге, т. е. входящим в верхнее сословие тогдашнего общества. Всего рангов было 48; из них — 4 ранга старших принцев, 14 рангов младших принцев, 30 рангов для прочих. Кроме этих обычных рангов существовали особые ранги «за заслуги» (勳 位) — всего 12 степеней. Величина ранговых наделов зависела от ранга и колебалась от 8 до 80 тё̄ (9.6—96 га).

Должностные наделы были двух видов: должностные наделы для высших чиновников центрального аппарата (раздел IX, ст. 5) и должностные наделы для чиновников местной — провинциальной и уездной администрации (раздел IX, ст. 31, 32). Размеры этих наделов также зависели от должности и колебались от 6 тан до 40 тё̄ (0.7—48 га).

Наделы за заслуги (разд. IX, ст. 6) распадались на четыре разряда: а) наделы за особо выдающиеся, так наз. «великие заслуги», давались в вечное наследственное пользование; б) наделы за «большие заслуги» предоставлялись на три поколения, в) наделы за «средние заслуги» предоставлялись на два поколения и г) наделы за «малые заслуги» давались в потомственное пользование только на одно поколение, т. е. переходили только к сыну. Размеры этих наделов законом предусмотрены не были; повидимому, этот размер определялся в каждом случае особо. Судя по тому наделу, который получил «за заслуги» один из руководителей переворота Тайка — Фудзивара Каматари, они могли доходить до 100 тё̄ (120 га).

Жалованные наделы (разд. IX, ст. 12) давались по особому императорскому указу, причем их размер также не был определен законом, теоретически завися только от воли императора. Судя по историческим примерам, такие наделы могли доходить до 250 тё̄ (300 га).

Юридическое положение этих наделов было различно. Право пользования ранговыми и должностными наделами было естественно связано с состоянием в ранге и нахождением на должности и было присвоено только этому одному лицу; иначе говоря, — по наследству не переходило (разд. IX, ст. 9). Это право не было и пожизненным, поскольку с лишением должности и исключением из табели рангов наделы эти вовсе отнимались и бывший обладатель их должен был довольствоваться — как и рядовое население — обычным подушным наделом. Право пользования ранговым и должностным наделом не было постоянным и в смысле размеров, поскольку всякое передвижение в ту или иную сторону по табели рангов и лестнице чинов влекло за собой соответствующее увеличение или уменьшение наделов.

Несколько иное положение занимали жалованные наделы. Закон не оговаривает специально, каковы были права пользования этими наделами, но из исторической практики можно предположить, что они были пожизненными (см. прим. к ст. 12, раздел IX).

Положение наделов за заслуги было опять иным: право пользования ими было наследственным с разной только продолжительностью — в зависимости от степени заслуг. Оно могло простираться на 1 поколение, т. е. переходить только к сыну, могло простираться на 2 поколения, на 3 поколения и, наконец, — в случае самых крупных заслуг, — могло быть вечным. Наследственный характер этого пользования подчеркивается специальным указанием на то, что в случае, если кто-нибудь умрет, не успев воспользоваться своим правом на надел за заслуги, этот надел получают его наследники (раздел IX, ст. 11). Наличие в законе статьи о вечном наследственном пользовании показывает, что в принципе государственной собственности на землю самим законом была пробита брешь: вечное наследственное пользование наделами за «великие заслуги» фактически совпадало с правом владения. Правда, закон оговаривал, что при наличии особо тяжких государственных преступлений (мятежи и т. п.) эти наделы подлежали конфискации (разд. IV, ст. 6), но эти оговорки не имели особого юридического значения: в случае мятежа мог быть отнят любой надел, любое имущество.

Все эти особые наделы подлежали обычному земельному обложению, т. е. с них должен был уплачиваться налог по общему принципу — с площади.[1] Однако два других обязательства — подать и рабочая повинность распространялись не на всех владельцев этих наделов. Закон точно оговаривает, что податям и повинностям не подлежат следующие лица: 1) члены императорского рода, 2) лица первых 8 рангов, 3) отцы и сыновья лиц первых 5 рангов, 4) деды, отцы, братья, сыновья и внуки лиц первых 3 рангов; иными словами, — вся ранговая аристократия (раздел X, ст. 18; ср. также разд. VIII, ст. 5). Прочим же членам верхушечного сословия предоставлялась возможность либо послать за себя своих слуг или рабов, либо же нанять кого-либо со стороны, если вообще с них это спрашивалось: верхушечное сословие предпочитало пользоваться, а не давать.

Помимо этих четырех видов особых наделов существовали еще земли монастырей — буддийских и синтоистских. Эти земли были владениями в полном смысле этого слова, поскольку они не выдавались в качестве

[1] Uchida Ginzō. Nippon keizaishi-no kenkyū, т. I, p. 313.

наделов, не отбирались — на тех же основаниях, на каких отбирались в определенном случае наделы, не подлежали раз в 6 лет пересмотру; наконец, не были обложены налогами (раздел IX, ст. 21). Это означает, что сам кодекс Тайхōрē пробивает новую брешь в системе государственной собственности на землю: принцип государственной собственности неприкосновенен, когда речь идет об управляемых; когда же речь идет об управляющих, то этот принцип либо становится условным, либо просто отменяется. Так обстоит дело в двух случаях: в случае пожалования наделов за заслуги и в случае предоставления земель духовенству.

Такая юридическая природа монастырских владений обусловливала концентрацию земель в руках монастырей; с другой стороны, она подталкивала к тому, чтобы скрывать под названием монастырской земли свои собственные наделы, т. е. превращать их фактически в личное владение, свободное от обложения и повинностей. В связи с этим двойным процессом вероятно и появилась в земельном законе Тайхōрē статья, запрещающая населению продавать в пользование монастырей свои пахотные наделы, а также продавать им свои садовые или усадебные участки (ст. 26).

Кроме всех перечисленных земель, особую категорию представляли «почтовые наделы», т. е. земли почтовых дворов (разд. IX, ст. 33). Доходы с этих земель предназначались на содержание таких дворов.

Особое место занимали так наз. «правительственные участки», обслуживавшие хозяйство императорского двора. Все они были расположены в Кинай, причем для обработки их привлекалось население в порядке рабочей повинности (раздел IX, ст. 36).

Таким образом земельное устройство по принципам надельной системы имеет в целом следующий вид:

Государство владеет всей землей, образующей государственный земельный фонд.

I. Обрабатываемая часть этого фонда, т. е. угодья, уже подвергшиеся распашке и имеющие оросительную систему, распределяются следующим образом:

А. Большая часть земель распределяется между населением в виде наделов:

1. Рядовое население получает подушные наделы на двор — по числу душ двора, начиная с 6-летнего возраста. В число земель, составляющих надел двора, входят и подушные наделы, отводимые на рабов, имеющихся в распоряжении двора. Пользование этими наделами пожизненное.

2. Население, принадлежащее к ранговой аристократии или чиновничеству, получает особые наделы — ранговые и должностные по особой норме, установленной для каждого ранга и должности. Пользование этими наделами определялось сроком состояния в ранге или пребывания в должности. Разумеется, это не исключало получения теми же лицами определенного количества земли в качестве подушного налога, а также участков на рабов.

3. Та же часть населения, т. е. принадлежащие к управляющему классу, имела еще в своем распоряжении жалованные наделы разных размеров с пожизненным пользованием ими.

4. Лица, принадлежащие к тому же классу, могли иметь еще и особые наделы за заслуги — в наследственном пользовании разной продолжительности, в некоторых случаях — бессрочном.

В. Часть земель находится в бессрочном пользовании:

1. Почтовых дворов — на предмет их содержания.

2. Монастырей, составляя их хозяйство.

3. Министерства двора — как база для снабжения его всем необходимым.

С. Свободная, т. е. оставшаяся после распределения наделов, часть пахотной земли:

1. Частично обрабатывается государственными рабами, получающими эту землю по норме обычных подушных наделов.

2. Частично обрабатывается «казенной рабочей силой» — в первую очередь теми же государственными рабами, привлекаемыми особо для работ и на этих участках, помимо тех, которые они обрабатывают как свои подушные наделы; а также, повидимому, с помощью населения, привлекаемого в порядке рабочей повинности.

3. Частично — отдается в аренду.

4. И, наконец, частично предоставляется, — если такая земля пустует уже более трех лет, — населению без особых условий, только с обязательством возврата через 6 лет.

II. Необработанная часть земель государственного фонда, т. е. целина:

1. Либо остается как запасной фонд целинных земель.

2. Либо предоставляется населению на условиях длительного наследственного пользования, а с 743 года — и на правах вечного владения.

Обработка всех этих земель производилась, повидимому, следующим образом:

1. Подушные наделы обрабатывались их владельцами, а также рабами последних.

2. Особые наделы — ранговые, должностные, жалованные и за заслуги — обрабатывались частично самими владельцами, частично их рабами.

3. Правительственные участки, а также, повидимому, почтовые обрабатывались лицами, привлекаемыми в порядке рабочей повинности.

4. Монастырские земли обрабатывались с помощью рабочей силы этих монастырей — как низшего персонала этих монастырей, так и рабов, бывших в их владении; частично — с помощью крестьянства, приписанного к монастырям.

5. Часть казенной земли обрабатывалась государственными рабами, получавшими ее в порядке подушных наделов.

6. Земельные излишки, отходящие в аренду, обрабатывались самими арендаторами; если арендатором являлось лицо, обладавшее рабами, то — силами этих рабов.

7. Земельные излишки, не отошедшие в аренду, обрабатывались либо привлекаемыми в порядке рабочей повинности, либо государственными рабами.

8. Земельные излишки, не отошедшие в аренду и не обрабатываемые самим государством, а переданные на срок населению, обрабатывались взявшими эти участки.

9. Целинные земли обрабатывались взявшимися за их разработку с помощью той рабочей силы, которая у них была.

Все земли, как правило, подлежали обложению — с земельной площади. Освобожденными от обложения на первых порах были только монастырские земли, но очень скоро к ним присоединились «новые поля», т. е. пахотные угодья, создаваемые на целинных участках.

Кроме земельного налога существовала подать различными предметами, в первую очередь — тканями, и рабочая повинность. И той и другой подлежали в той или иной степени только работоспособные члены двора мужского пола, причем верхушечный слой населения был от этого освобожден.

* * *

Земельное устройство не исчерпывает еще полностью всей надельной системы, если понимать ее в широком смысле слова — как основу всего социально-экономического строя после-тайковского периода. К неотделимым от нее элементам принадлежат еще два исключительно важных института: a) институт «кормовых пожалований» (食封)и b) институт «сезонных жалований» (季祿). Кормовые пожалования состояли в приписке к определенным лицам известного числа надельных, т. е. крестьянских дворов, именующихся поэтому «жалованными дворами» (封戶). Крестьяне этих дворов должны были отдавать половину следуемого с них в общем порядке земельного налога в казну, другую же половину — тому лицу, к которому они были приписаны. Два же других вида обязательств — подать и рабочая повинность — целиком шли в пользу их «приписного хозяина» (разд. X, ст. 8).

«Кормовые пожалования» распадались на 5 различных категорий — в связи с теми поводами, по которым они предоставлялись:

1) Первая категория — кормовые пожалования принцев; 2) вторая — ранговые пожалования; 3) третья — должностные пожалования; 4) кормовые пожалования за заслуги; 5) кормовые пожалования монастырям.

1. Кормовые пожалования для принцев были присвоены принцам всех степеней как старшим (親王), так и младшим (諸王). Размеры их варьировались — в зависимости от звания и степени в пределах 300—800 дворов (раздел XV, ст. 10). Принцы, не имеющие степеней, получали 150 дворов.[1]

2. Ранговые пожалования были присвоены первым трем рангам всех степеней. Их размеры колебались в пределах 100—300 дворов — в зависимости от ранга и его степени (раздел XV, ст. 10).

3. Должностные пожалования по кодексу Тайхōрё были присвоены только самым высшим постам в государстве: «великому министру» (дадзёдайдзин) и его двум коллегам — «левому министру» (садайдзин) и «правому министру» (удайдзин), а также «ст. госуд. секретарю» (дайнагон). Размер этих пожалований был исключительно велик: дадзёдайдзин получал 3000 приписных дворов, садайдзин и удайдзин — по 2000, дайнагон — 800 дворов (разд. XV, ст. 10).

Впоследствии к числу постов, коим полагались приписные дворы, были присоединены «министр печати» (найдайдзин), получавший 800 дворов, «средние госуд. секретари» (тюнагон), получавшие по 300 дворов, и «совет-

[1] Taihōryō shinkai, p. 284.

ники» (санги), имевшие по 60 дворов. Другими словами, должностные пожалования распространялись на всю верхушку правительственного аппарата, а следовательно и правящего сословия.

4. Кормовые пожалования за заслуги давались в особых случаях — при наличии так наз. «заслуг» (功). Эти заслуги могли быть, как и при наделах, «великими», «большими», «средними» и «малыми».

Степень этих заслуг определяла и количество приписных дворов и сроки владения ими. Поскольку этот вид пожалования давался в качестве особой награды, закон оставлял всецело в руках верховной власти определение его размеров. Но сроки владения закон намечал точно: пожалования за «великие заслуги» после смерти владельца в половинном размере переходили в пользование его потомков на три поколения; пожалования за «большие заслуги» отходили к потомкам на 4 поколения, но в размере одной трети; пожалования за «средние заслуги» передавались в размере одной четверти на 1 поколение; пожалования за «малые заслуги» в наследственное пользование вообще не переходили (разд. XV, ст. 13).

5. Пожалование приписных дворов монастырям могло иметь место лишь в особых случаях и только путем специального императорского указа, причем пользование ими было ограничено 5 годами (разд. XV, ст. 14).

Вообще закон допускал возможность предоставления таких дворов кому угодно и в каком угодно размере только путем особого императорского указа (разд. XV, ст. 15). Это значит, что сам закон открывал широкий путь к этой чрезвычайно важной форме присвоения и земли и людей.

Второй институт, являющийся наряду с кормовыми пожалованиями неотъемлемой частью надельной системы в широком смысле этого слова, есть, как сказано выше, институт сезонных жалований. Это означает, что правящие слои помимо особых наделов и приписных дворов получали еще два раза в год от казны «жалование» — выдачи натурой.

Выдачи натурой фактически производились всему правящему слою: членам императорского дома, чинам императорского двора, дворцовой страже, ранговой аристократии — от I до IX ранга, гражданскому чиновничеству, военным чинам. Эти выдачи в известных случаях заменяли собою кормовые пожалования (разд. XV, ст. 1—12).

Выдачи производились следующими предметами: 1) шелковой материей, 2) шелковой ватой, 3) холстом, 4) мотыгами; иначе говоря, тем, что государство получало от населения в виде подати. Размеры этих выдач

были, конечно, очень разнообразны, варьируясь в зависимости от положения, ранга, должности, чина и т. п. О том, что присваивал себе императорский дом, можно судить по приводимым законом нормам на наследного принца: 3000 хики шелковой материи, 500 дзюн шелковой ваты, 500 ку шелка-сырца, 1000 тан холста, 1000 железных мотыг, 500 тё железа. Норма же прочих категорий колебалась между 1—30 хики шелка, 1—30 дзюн шелковой ваты, 100 тан холста, 10—140 штук мотыг.

Закон о жалованиях ничего об этом не говорит, но если учесть, что подать сдавалась не только материями, но и разными другими предметами соответственно стоимости материй, вполне возможно допустить, что указанная в законе номенклатура может означать также и ту ценностную величину, в которую должны были укладываться всякие выдачи натурою.

II

Если исходить из описанного содержания надельной системы в целом, необходимо признать, что она предполагала наличие трех основных групп населения: 1) чиновническое и отчасти духовное сословие, 2) земледельческое население, 3) несвободных.

1. К первой группе принадлежали все, состоявшие в рангах, занимавшие должности в обширном и разветвленном государственном аппарате того времени, а наряду с ними — их братья, отцы и сыновья, числившиеся монахами буддийских монастырей или жрецами синтоистских храмов.

Все представители гражданской половины этой группы получали земельные наделы — ранговые и должностные; часть из них имела еще наделы за заслуги и особопожалованные; некоторые группы из них имели помимо всего этого кормовые пожалования — ранговые, должностные и за заслуги — в виде приписных крестьянских дворов. Владея рабами, они получали кроме того подушные наделы на рабов, и чем больше рабов у них было, тем больше земли могли они сосредоточивать в своих руках. Они получали, далее, два раза в год жалование натурой, в состав которого входили, между прочим, не только продукты потребления, но и орудия производства — железные мотыги, отбираемые государством в виде подати от населения, и поступавшие теперь от государства в руки правящего класса.

Духовная половина этого класса сидела на монастырских землях, представлявших фактически собственность монастырей, и владела всем монастырским имуществом, в том числе и рабочей силой — рабами. Во

многих случаях к монастырям было приписано и определенное количество крестьянских дворов.

Эта половина правящего класса была вообще свободна от всяких обязательств перед государством, поскольку монастырские земли не были обложены налогом, а живущие на них — податью и рабочей повинностью. Гражданская же часть этого класса частично несла некоторые обязательства, сводившиеся главным образом к земельному налогу: ранговые, должностные и прочие наделы, находившиеся в их руках, подлежали земельному обложению. От податей и рабочей повинности большая часть этого класса была освобождена законом; те же, кто этой повинности подлежал, могли посылать вместо себя своего раба или же наемника.

2. Вторая группа населения, — основная по численности и роли в производстве, — так наз. «добрый народ» (рёмин), представляла собою крестьян, издавна сидевших на земле и получавших ее теперь от государства по числу душ на двор в виде подушных наделов. Если в составе крестьянского двора оказывались рабы, в земельное хозяйство двора входили и участки, получаемые на рабов.

Эта часть населения платила государству земельный налог со своих подушных наделов, а кроме того вносила подать различными предметами, исчисляемую по числу наиболее трудоспособных членов двора мужского пола; в добавление к этому эта наиболее трудоспособная часть подлежала и рабочей повинности. Иначе говоря, эта группа населения в первую очередь содержала государство и правящий класс.

3. Третья часть населения, — «подлый народ» (сэммин), состояла из рабов разных категорий. Кодекс Тайхорё предусматривает наличие двух основных категорий рабов — государственных рабов и частных рабов, причем каждая из этих двух категорий в свою очередь делилась на группы.

Государственные рабы делились на три группы:

1) прислужники при императорских могилах (рёко),
2) слуги в правительственных учреждениях (канко),
3) государственные рабы (конухи или кодохи).

Частные рабы распадались на две группы:

1) домашние слуги (кэнин),
2) частные рабы (синухи или сидохи).

Кодекс предусматривает строгое отграничение этих групп друг от друга, что находит свое выражение в придании каждой из них своих собственных правовых признаков.

Различное правовое положение этих групп усматривается хотя бы из того, что рабам, принадлежащим к разным группам, запрещалось вступать друг с другом в брак; браки разрешались только внутри своей группы (разд. VIII, ст. 35). Строго регламентировались все случаи перехода из одной группы в другую: так, например, владелец раба мог перевести своего раба низшего разряда (синухи) в высший разряд (кэнин), а рабу высшего разряда вообще предоставить свободу (разд. VIII, ст. 39); государственные рабы низшего разряда (конухи) по достижении 66-летнего возраста автоматически переходили в разряд «правительственных слуг» (канко) и по достижении 77-летнего возраста вообще переходили в разряд свободных (разд. VIII, ст. 38).

Особое положение каждой из этих групп рабов сопряжено и с характером принадлежности раба: государственные рабы в целом пользуются известными привилегиями сравнительно с частными; так, например, для государственных рабов (канко и конухи) существовал автоматический переход в свободное состояние; они получали подушный надел, равный свободному, в то время как на частного раба выделялась только $^1/_3$ надела свободного (разд. IX, ст. 27). Государственным рабам ведется отдельный учет, ими заведует особое ведомство (разд. VIII, ст. 36). При привлечении к работам им предоставлялся раз в 10 дней «выходной день», в случае смерти отца или матери они получали отпуск на 30 дней; женщинам после родов предоставлялся отпуск на 15 дней; во время беременности, а также кормления женщинам полагалось поручать только самые легкие работы (разд. XXX, ст. 32); каждому рабу должны выдаваться пища и одежда «по росту» (разд. XXX, ст. 34). Ничего подобного не предусматривалось по отношению к рабам, находящимся в частном владении. Закон оговаривал только некоторые преимущества кэнин перед низшими рабами: кэнин нельзя было посылать на работу всей семьей сразу, равным образом нельзя было их и продавать (разд. VIII, ст. 40).

Закон устанавливал также способы комплектования всех этих категорий рабов. При этом характерно, что он заинтересован главным образом в государственных рабах и очень мало говорит о путях комплектования частных рабов. В государственные рабы обращают за преступления против государства и против социального порядка. Таким образом в рёко (прислужников при императорских могилах) обращаются повинные в тяжких государственных преступлениях; в канко (слуг в правительственных учреждениях) обращаются отцы и дети тяжких государственных преступников, а также дети, родившиеся от связи господ с их рабами (кэнин и синухи);

в кōнухи (госуд. рабов низшего разряда) обращаются рабы лиц, повинных в тяжких преступлениях.[1] Рабами, находящимися в частном владении, являются в наследственном порядке кэнин и, конечно, синухи (разд. VIII, 40); в рабов могут быть обращены и неисправные должники.

Все эти сведения о комплектовании рабов говорят в первую очередь о стремлении правительства сохранить в своем распоряжении определенное число рабов двух важнейших категорий: канко и кōнухи. С этой точки зрения особенно характерны постановления кодекса об обращении в государственных рабов (канко) детей, рожденных от связи свободных с их рабами (разд. VIII, ст. 43). О стремлении сохранить рабскую силу для их владельцев говорят подробные постановления о поимке и приводе беглых рабов как государственных, так и частных (разд. XXVIII, ст. 7—13). О том, что в те времена стремились увеличить число рабов и с помощью актов самоуправства, говорит наличие в кодексе статей, карающих за насильственное обращение в рабство, причем предусматриваются акты двоякого рода: насильственное похищение и соблазнение. Есть статья, запрещающая самопродажу в рабство или продажу детей. Иначе говоря, из положительных и отрицательных постановлений кодекса явствует одинаково, что рабам в VII—VIII вв. придается большое значение, и число их достаточно велико. Комплектование рабов производится как легальным путем, так и нелегальными средствами, законом преследуемыми, но, повидимому, широко практикуемыми.

Для чего рабы были нужны? Ценность рабов, очевидно, определялась двумя главными условиями: владение рабами для частных лиц означало возможность получения дополнительных земельных участков, а также возможность пользоваться ими как рабочей силой; владение рабами для государства, т. е. для правящего класса в целом, обусловливало возможность обработки рабским трудом некоторой части государственных земель, т. е. возможность непосредственной эксплоатации части государственного фонда; одновременно владение рабами открывало возможность пользоваться их рабочей силой для строительных и прочих работ. Из самого кодекса трудно получить полную картину применения труда рабов. Из кодекса можно уяснить себе, чем занимались рēко — прислужники при императорских могилах, канко — слуги в правительственных учреждениях, отчасти кэнин — домашние слуги у частных лиц. И менее всего можно судить о роли двух наиболее многочисленных категорий рабов — кōнухи и синухи. Государственные рабы

[1] Taihōryō shinkai, p. 232—233.

(кōнухи), повидимому, обрабатывали, как сказано выше, государственные земли, поскольку они получали подушные наделы; они же поставляли и рабочую силу для всяких строительных работ — для проведения дорог, сооружения причалов, постройки дворцов, зданий, храмов и т. д. Частные рабы (синухи) частично также обрабатывали землю как полагающуюся на них, так и землю хозяина. Для отдельных лиц рабы служили источником земельного присвоения и орудием производства; частично те же частные рабы выделывали предметы подати и посылались для несения рабочей повинности. Число рабов в эту эпоху, т. е. в VII—VIII вв, установить трудно: по ряду данных, привлекаемых японскими историками, это число не превышало 15% всего населения.[1] Новейшие данные говорят даже о 5—10%.[3]

Естественно, что эти рабы сосредоточивались преимущественно в руках государства и в руках чиновничества, т. е. в руках правящего класса. Об этом говорят данные переписей. Так, например, по переписи 702 г. в одном селении провинции Мино из рядового населения число рабов составляло около 3% по отношению к числу свободных (по списку Тодайдзи, впрочем, несколько более: 3.9%); у представителей же местной власти число рабов составляло 25—30%.[3]

Несколько особое положение среди несвободного населения занимали так наз. дзацуко (иначе: zōshiki). Это была группа ремесленников, обслуживавших непосредственно верхушку правящего класса, двор и правительство и входивших в состав дворцового ведомства. Они не были полноправным населением, но не были вполне и рабами, занимая промежуточное положение. Впрочем, их общая роль была очень невелика и ограничивалась узкими сферами двора.

Подводя итоги всему изложенному, приходится сказать, что все законодательство, связанное с надельной системой, имеет совершенно определенную направленность:

1. Все постановления, касающиеся правящего класса, обозначаемого в кодексе Тайхōрē, как чиновничество и ранговая аристократия, имеют своей целью предоставить в распоряжение этого класса все экономические ресурсы страны: землю — наделы; людей — рабов как источник присвое-

[1] Takekoshi Yosaburō, Nippon keizaishi, т. I, Heibonsha, p. 134. Takigawa Masajirō в статье «Hombō kodai dorei-no jinko-to sono bumpu» («Warera», T. V, № 8) исчисляет количество рабов в 10—20%. Эту цифру принимает и Honjō Eijirō в своей Nippon shakai-keizaishi.

[2] См. Rekishi kagaku, 1935 г., № 8, p. 98.

[3] Исчисления произведены по данным переписей, приведенных в работе Takekoshi Yosaburō, Nippon keizaishi, т. I.

ния земель и как орудие производства; землю вместе с людьми — кормовые пожалования с их приписными крестьянскими дворами, работающими на хозяина; орудия производства — мотыги; предметы потребления — подати. Доступ к этим ресурсам открывается участием в государственном аппарате, а с другой стороны обусловливается принадлежностью к высшему сословию, признаком чего должно считаться состояние в ранге, а также обладание титулами (кабанэ). Система рангов и титулов безусловно должна быть признана как двойная форма организации правящего класса в определенное сословие.

2. Все постановления, касающиеся частных рабов, имеют своею целью предоставить в распоряжение отдельных лиц, — в первую очередь, конечно, представителей правящих классов, поскольку большинство рабов было в их руках, — дополнительный источник присвоения земли и орудие производства. Постановления же, касающиеся государственных рабов (в том числе и дворцовых ремесленников), имеют своей целью предоставление государственному аппарату, т. е. тому же правящему классу в целом, возможности использовать даровую рабочую силу для государственной обработки земли, для получения добавочного продукта в виде изделий ремесла или добычи промысла и для производства всякого рода строительных и прочих работ.

3. Все постановления, касающиеся так наз. рёмин, имеют своей целью заставить основную, наиболее многочисленную категорию населения, занятую земледельческим трудом, т. е. крестьян, работать в известной мере на тот же правящий класс. Крестьяне должны были работать на правящий класс либо непосредственно, будучи в качестве «приписных дворов» отданы в личное, почти полное его распоряжение, либо косвенно, сдавая государству в виде налога и подати продукт своего труда на полях или своего ремесла и промысла, а то и фигурируя для государства в качестве рабочей силы.

4. Соответственно этой системе господства и подчинения был построен и весь государственный аппарат, представляя собою сложную, разветвленную, но очень стройную и строго централизованную систему.[1] Во главе всего гражданского управления стоял Дадзёкан («великий совет»), состоящий из Дадзёдайдзина («великого министра») и его двух товарищей — Садайдзина («левого министра») и Удайдзина («правого министра»). Главным исполнительным органом являлся Дайнагонкёку («государственный секретариат»), состоящий из Дайнагона («старшего государственного секретаря»), нескольких Тюнагонов («средних государственных секретарей») и Сёнагонов («младших государственных секретарей»). Органами государственного секретариата служили два Бэнкан (главных управления) — левое и правое (Сабэнкёку и Убэнкёку), с Садайбэном (ст. левый главноуправляющий) и Удайбэном (ст. правый главноуправляющий) во главе. И непосредственно под этими главными управлениями состояли 8 ведомств, так сказать, министерств: к левому главному управлению принадлежали Хёбусё (военное министерство), Гёбусё (министерство наказаний), Окурасё (министерство сокровищ), Кунайсё (министерство двора); к правому главному управлению принадлежали Тюмусё (министерство центральных дел), Сикибусё (министерство чинов), Дзибусё (министерство управления), Мимбусё (министерство по народным делам). Каждое министерство имело своего управляющего и делилось на департаменты (職), бюро (寮) и отделы (司).

[1] Taihōryō, разд. II. См. также любой университетский курс истории Японии, как, напр., проф. Hagino, Nipponshi kōwa, Taishō 14, Meiji shōin, стр. 130 и след.

Совершенно отдельно, по положению — наряду с Дадзёканом, стоял верховный орган по управлению делами культа — Дзингикан. Кроме того особое место в центральном аппарате занимала полиция, совмещавшая функции обычной полиции и полиции нравов. Ее главным органом было Дандзёдай (главное полицейское управление).

Провинциальный аппарат был построен следующим образом: в двух наиболее крупных населенных пунктах страны — в столице и в Сэтцу были введены «городские управления»; на окраинах были организованы генерал-губернаторства: на о-ве Кюсю — Дадзайфу, на севере Хонсю — Тиндзюфу; вся прочая территория была поделена на провинции, с провинциальными управлениями (кокуси), во главе которых стояли губернаторы (кокусю); каждая провинция в свою очередь была разделена на уезды (гун) с уездными управлениями (гундзи), во главе которых стояли уездные начальники (тайрё). Административные функции имели и представители сельской власти: староста селения (ритё), старшина пятидворья (гохōтё) и хозяин двора (косю). Так государственный аппарат, начинаясь наверху, около императора, своими последними звеньями вклинивался в самую деревню и имел, по существу говоря, одну цель: обеспечить поступление налогов, податей и отбывание рабочей повинности.

Анализ всех этих постановлений, а равно как и всех вообще элементов надельной системы, позволяет судить и о ее социально-экономической сущности. Она уже достаточно ясна из всего предыдущего изложения.

Во всем этом строе естественно выступают две тенденции — рабовладельческая и феодальная. Элементы рабовладельчества сказываются

в наличии рабов, выступающих как орудие производства, в наличии отраслей хозяйства, частично построенных на рабском труде, в наличии института государственного и частного рабовладения. Такими отраслями хозяйства являлись, во-первых, частично — земледелие, поскольку часть особых наделов возможно обрабатывалась руками рабов; равным образом рабами обрабатывалась и часть государственного земельного фонда; во-вторых, той отраслью, в которой применялся рабский труд, было ремесло, что имело место при обслуживании двора; наконец, в третьих, той отраслью, где применялся рабский труд, были всякие строительные, дорожные, земляные и прочие подобные работы.

Элементы феодализма проступают в том, как была организована основная отрасль экономики того времени — земледелие. Обработка земли составляла обязанность основной массы населения — работающих на наделах крестьян, не имеющих собственной земли, не имеющих полностью собственных орудий производства и обязанных отдавать тем, кто этой землей и орудиями владел, часть продуктов своего труда в виде натурального земельного налога. Кроме того, они должны были отдавать часть своего ремесла или промысла и вдобавок привлекались к отработочной повинности. Правда, они сохраняли при этом личную свободу: эксплоатация крестьян велась через государство, которое было собственником и земли и орудий производства. «Свобода» крестьянина была по существу фикцией, поскольку, во-первых, он должен был в обязательном порядке обрабатывать данный ему государством надел, потому что государство рассчитывало получить с него все, что было установлено, и для этого и произвело экспроприацию земель и орудий производства; во-вторых, он принужден был сидеть на своем наделе хотя бы потому, что в другом месте он надела бы не получил; в третьих, если бы он бросил свой надел и убежал, его, как беглого, водворили бы обратно. Единственное, что составляло своеобразие этого этапа, это то, что зависимость крестьянина была, в основном, государственной, а не частновладельческой.

Те же элементы феодализма — уже несколько в другой форме — проступают в организации приписных дворов: здесь место государства почти полностью занимал владелец и зависимость крестьянина превращалась уже в значительной мере в зависимость личную.

Из этих двух тенденций — рабовладельческой и феодальной — ведущее значение безусловно имела феодальная. Это с совершенной очевидностью усматривается из того, как отражаются эти две тенденции в законодательстве того времени и в первую очередь в кодексе Тайхо̄рё̄. Законодательство

Тайхо̄рё̄ есть прежде всего законодательство, касающееся крестьян, с одной стороны лишающее их права владения землею, а с другой стороны — фактически прикреплявшее этих крестьян к земле и обязывавшее их отдавать часть своего земледельческого продукта, своего ремесла и промысла, часть своего личного труда — правящему классу. Важнейшая часть кодекса — та, которая об этом всем говорит, т. е. земельный закон (Раздел IX). К нему непосредственно примыкают дополняющие его части: закон о повинностях (Раздел X) и закон о жаловании (Раздел XV). Эти законы рисуют экономическую сторону всего режима. На этой основе построен закон о крестьянских дворах (Раздел VIII), предусматривающий административную организацию крестьянского двора в согласии с экономической системой. Далее идут части, касающиеся правящего сословия и говорящие об его правах, о сословной организации, службе, образовании и т. д. Главнейшим из этих разделов является закон о рангах и чинах (Раздел I), устанавливающий права правящего сословия на землю, на продукт крестьянского труда, на самый крестьянский труд. Затем идут части, излагающие устройство государственного аппарата (Разделы II, III, IV и др.), опять-таки либо с точки зрения того, как наилучшим образом обеспечить эксплоатацию крестьян, либо с точки зрения закрепления за правящим сословием определенных привилегий.

Наряду с этими широко развитыми разделами во всем кодексе нет ни одного специального раздела, касающегося рабов. О рабах говорят только редкие отдельные статьи, вкрапленные в разные части кодекса. Кроме того эти статьи обычно появляются лишь в связи с теми статьями, которые говорят о двух главных объектах законодательства: правящем сословии и крестьянстве. Поэтому кодекс Тайхо̄рё̄ есть свод постановлений, устанавливающий взаимоотношения правящего сословия и крестьянства, а не правящего сословия и рабов. Рабы в нем занимают только второстепенные участки, какие они занимают и в действительной жизни того времени.

Иначе быть и не могло. Кодекс не мог ориентироваться на рабов, как не могло ориентироваться на них и правящее сословие на практике: рабов было слишком мало, чтобы на их труде можно было построить хозяйство и обеспечить существование и благоденствие правящего класса. Выше уже указывалось, что число рабов по новейшим данным составляло не более 5—10% населения. Если учесть, что в это число входил ряд непроизводственных категорий, а также старики, женщины и дети, то количество рабов, которые могли играть серьезную роль в хозяйстве, должно было

составлять еще меньший процент. О том, как незначительно было вообще число рабов, находившихся в государственном владении, говорят привлеченные в последние годы источники. По данным налоговых реестров 2-го года Тэмпё (730) во всей провинции Ямато казенных рабов было не более 200—300 человек. Когда во 2-м году Темпё-Сёхō (750) было дано распоряжение предоставить монастырю Тодайдзи 200 казенных рабов, их смогли набрать лишь с большим трудом, и то включив туда двухлетнего младенца и шестидесятисемилетнего старика. Такигава полагает, что казенных рабов было в эти годы не более нескольких тысяч.[1] Ввиду этого, участие их в обработке государственного земельного фонда не могло быть значительным. Равным образом оказывается незначительным и их участие в строительных работах, т. е. в той области, которая до последнего времени считалась в науке принадлежащей рабам чуть ли не целиком. Считалось, что монастыри того времени, дворцы, сам город Нара построены трудами рабов. Хондзё называет знаменитую статую Будды в Нара «кристаллизацией пота и крови рабов».[2] Новейшие исследования обнаружили, что все это неверно. Из документов Сёсōин'а явствует, что монастырь Тодайзи, например, т. е. одно из крупнейших сооружений эпохи, был построен прежде всего руками привлеченного в порядке рабочей повинности надельного крестьянства.

Частных рабов повидимому было несколько больше, но сколько нибудь заметное количество их сосредоточивалось в руках немногочисленной верхушки правящего сословия,[3] у большинства же рабы играют роль домашней челяди. Поэтому о рабовладельчестве можно говорить только лишь как об укладе внутри феодального строя. При этом нужно особо подчеркнуть те стороны этого строя, на которые в науке до сих пор обращали мало внимания: наличие наряду с государственным надельным крестьянством «приписных крестьян», большее, чем обычно полагают, значение крестьянской трудовой повинности, главным образом привлечение их на «разные работы»,[4] а также факт частичной экспроприации орудий кре-

[1] См. Takigawa Masajirō, Daibutsu-wa dorei rōryoku-no kesshō-hi arazu. «Hihan», т. I, № 3 (июнь).

[2] Honjō Eijirō, Nippon shakaishi (русск. пер. «Социальная история Японии». М., 1927 г., p. 41).

[3] См. Omori Kanegoro, Taika kaishin zengo-nō tochi seido mondai «Rekishi chiri», т. LX, № 1, pp. 25—26.

[4] Обращаю внимание на то, что эта рабочая повинность — как тяжкое бремя — упоминается в народной поэзии той эпохи. См., например, некоторые песни Man'yoshu (изд. Iwanami, т. I, p. 29), а также песни Saibara (одна из них приведена в «Rekishi kagaku», 1935 г., № 7, p. 98).

стьянского производства — мотыг и материалов для их изготовления — железа. Внутри этой надельной системы были заложены элементы, которые укрепляли феодальные тенденции и намечали те пути, по которым феодализм должен был развиваться. Сама надельная система открывала возможность присвоения земель, превращения их из государственных в частновладельческие.

Если даже не считать официального признания права собственности на новые поля, что случилось несколько позже — в 743 г. и поэтому не укладывается непосредственно в рамки кодекса Тайхōрё, — в самом кодексе есть достаточно элементов, открывающих возможность частновладельческого присвоения. Совершенно точно частная собственность на землю признается за монастырскими землями, причем эти земли оказываются привилегированными даже в том отношении, что освобождены от всяких налогов и повинностей. Фактически правом собственности является владение наделами за великие заслуги, где декретировано вечное наследственное пользование. Наконец, фактически собственностью становились даже до указа 743 г. «пустопорожние земли», отдаваемые населению на неопределенный срок и в сущности без налоговых обязательств.

Пути к частновладельческому присвоению земель открывали и другие легальные возможности: была разрешена аренда, сильно ограниченная в отношении надельной земли, но по всем признакам не так жестоко регламентированная сроком в отношении государственной пахотной земли. Можно было брать для разработки заброшенные поля, причем и здесь срок в 6 лет играл, повидимому, очень условную роль.

Необходимость развития производительных сил, ощущаемая страной с растущим населением и усложняющимся хозяйством, с увеличивающимися потребностями, обусловила интенсивное обращение к разработке целины. С другой стороны, если одна часть правящего класса продолжала довольствоваться эксплоатацией крестьян посредством государства и находила возможность существования в рамках надельной системы, то другая предпочла более выгодные формы непосредственной эксплоатации и быстро перекинулась на строительство частновладельческих поместий с поставленным в личную зависимость крестьянством на них. Иначе говоря, эта часть правящего класса, в основе — провинциальная аристократия и провинциальное чиновничество, быстро захватила в свои руки процесс мобилизации земель и вынудила правительство закрепить эти земли за ними и юридически. Отсюда указы 723 и 743 гг. После этого «новые поля» стали захватываться всеми, кто это мог сделать. Естественно, в чем сначала испытывалось некоторое затруд-

нение — это рабочая сила: своих сил было недостаточно, рабов для этих целей было мало. Пришлось поэтому пуститься на всяческое привлечение в эти новые поместья надельных крестьян и чужих рабов: первым обещалось более льготное обложение, больше земли и защита от всяких посягательств и произвола со стороны правительственных чиновников; вторым обещалась личная «свобода», т. е. те же условия, что и крестьянам. Таким образом, в поместьях происходило слияние крестьян и рабов, что привело в конечном счете к исчезновению рабства, как элемента, образующего особый уклад, а с другой стороны превратило крестьян в фактических крепостных хозяина поместья. Конечно, отдельные пережитки и остатки рабства можно наблюдать и в последующей истории, но именно как остатки.

Подобный же процесс развивался и на монастырских землях, на надельных за заслуги землях, в кормовых пожалованиях; из этих форм всюду вырастали частновладельческие поместья.

Таким образом, следующей социально-экономической формой, которой суждено было заменить собою надельную форму, явилось феодальное поместье — сёэн. К половине X в. эти поместья превращаются в основную социально-экономическую форму, и надельной системе настает фактический конец.

КОДЕКС ТАЙХŌРЁ

РАЗДЕЛ IX

Земельный закон

Ст. 1. Поле длиною в 30 бу (步) и шириною в 12 бу составляет 1 тан (段). 10 тан составляют 1 тё̄ (町).

[Налог с 1-го тан составляет 2 соку (束) 2 ха (把); налог с 1 тё̄ составляет 22 соку.]

Ст. 2. Земельный налог вносится в сроки в зависимости от сбора урожая в данной провинции. Внесение земельного налога начинается со средней декады 9-й луны и заканчивается к 30 дню 11-й луны. Неочищенный рис (稻米) доставляется в столицу, причем эта доставка начинается с 1-й луны и заканчивается к 30 дню 8-й луны.

Ст. 3. Подушный надел (кубундэн 口分田) отводится в размере: на мужчину — 2 тан [на женщину на $^1/_3$ меньше]; не достигшим 5-летнего возраста подушный надел не отводится. В районах малоземельных или многоземельных при распределении наделов руководствуются местными установлениями. Если поле может давать урожай только через год (экидэн 易田), подушный надел отводится в двойном размере. По окончании распределения наделов делается запись количества (распределенных) тё и тан, а также границы участков.

Ст. 4. Ранговые наделы (идэн 位田) предоставляются в размере:

Принцам 1 ранга — 80 тё̄
« 2 « — 60 «
« 3 « — 50 «
« 4 « — 40 «

Сановникам 1 ранга старшей степени — 80 тё̄
» » » младшей » — 74 »
» 2 » старшей » — 60 »
» » » младшей » — 54 »
» 3 » старшей » — 40 »
» » » младшей » — 34 »
» 4 » старшей » — 24 »
» » » младшей » — 20 »
» 5 » старшей » — 12 »
» » » младшей » — 8 »

[Женщина получает на $^1/_3$ меньше.]

Ст. 5. Должностные наделы (сикидэн 職田) предоставляются в размере:
дадзёдайдзин (великий министр) — 40 тё
садайдзин (левый министр) и удайдзин (правый министр) — 30 тё
дайнагон (старший государственный секретарь) — 20 тё

Ст. 6. Надел за заслуги (кōдэн 功田) предоставляется:
при наличии «великих заслуг» — в вечное наследственное пользование
» » «больших заслуг» — на три поколения
» » «средних заслуг» — на два поколения
» » «малых заслуг» — на одно поколение (сыну).

[Наделы за «великие заслуги» отнимаются только при наличии преступлений не ниже «мятежа», прочие — при наличии преступлений не ниже «восьми преступлений».]

Ст. 7. При распределении наделов лицо, не являющееся жителем данной местности, не может получить надел, если данная местность относится к разряду «малоземельных». Однако при наличии высочайшего указа этот закон не имеет силы.

Ст. 8. Если лицо, имеющее должностной или ранговый надел, во время своего нахождения на посту (官) или состояния в ранге (位) будет уволено или разжаловано, с ним поступают соответственно этому увольнению или разжалованию. Если такое лицо исключается из списков вообще, к нему применяют положение о подушных наделах. Если окажется, что у него есть жалованные наделы (сидэн 賜田), с ними поступают так же.
Если в составе данной семьи окажется лицо, находившееся на посту и состоявшее в ранге и теперь сниженное до подушного надела и имеющее его получить, оно должно ждать срока очередного распределения наделов. Если при этом у него окажутся излишки, они в дальнейшем отбираются.

Ст. 9. Если лицо, коему надлежит получить ранговый надел, не получив этого надела вовсе, или, не получив его в полном размере, умрет, его сыновья и внуки не получают после него присвоенный ему надел.

Ст. 10. Если лицо, имеющее сыновей или внуков, коему надлежит получить надел за заслуги, не получив следуемого ему надела вовсе, или, не получив его в полном размере, умрет, надел предоставляется его сыновьям или внукам.

Ст. 11. Казенные поля (кōдэн 公田) во всех провинциях отдаются правителями провинций в аренду по ценам, существующим в данной местности. Арендная плата препровождается в Дадзёкан и обращается на «разные расходы».

Ст. 12. Поля, жалуемые по особому высочайшему указу, именуются «жалованными наделами» (сидэн 賜田).

Ст. 13. Те провинции и уезды, в пределах которых земель для раздачи наделов вполне достаточно, считаются «многоземельными» (хироки-гō 寬鄉); те, где этих земель недостаточно, считаются «малоземельными» (сэмаки-гō 狹鄉).

Ст. 14. Если в малоземельных районах земель не хватает, разрешается получать надел в районах многоземельных.

Ст. 15. Садовые участки (онти 園地) отводятся в зависимости от наличия земель в данной местности. В случае прекращения семьи, эти участки возвращаются в казну (кō 公).

Ст. 16. «Большие дворы» (上戶) должны в течение пятилетнего срока вырастить тутовых деревьев не менее 300 корней, лаковых — не менее 100 корней; «средние дворы» (中戶) должны взрастить тутовых деревьев не менее 200 корней, лаковых не менее 70; «малые дворы» (下戶) должны вырастить тутовых деревьев 100 корней, лаковых 40. Эти количества не обязательны в тех случаях, когда земля в данной местности мало пригодна, а также когда местность является малоземельной.

Ст. 17. При покупке-продаже усадебных участков (такути 宅地) необходимо подавать заявление местным властям и получать на это разрешение.

Ст. 18. Если кто-либо по государеву делу отправится в чужие страны и не вернется, и у него окажутся проживающие с ним родственники, все полагающиеся ему наделы отбираются лишь по истечении 10 лет. В случае его возвращения (после этого срока) ему предоставляют надел по возможности в первую же очередь. Если же он погибнет на государевой службе, его земля передается его сыну.

Ст. 19. Поля, сдаваемые в аренду, сдаются на срок в 1 год. При отдаче в аренду или продаже садовых участков необходимо подавать заявление местным властям и получать на это разрешение.

Ст. 20. При раздаче подушных наделов нужно стараться давать их поблизости, и нельзя давать в отдалении. Если с изменением границ провинций или уездов какие-либо участки отойдут к другому административному району, а также если какие-либо участки окажутся заходящими друг за друга, надлежит разрешать пользоваться прежними участками. Если земли не будет хватать, разрешается давать участки в другом районе.

Ст. 21. Поля (наделы) распределяются раз в 6 лет. [На поля синтоистских и буддийских храмов это правило не распространяется.] В случае, если за смертью владельца надельный участок освобождается, отобрание его в казну производится только по наступлении «передельного года» (班年 ханнэн).

Ст. 22. При возврате надела в казну соответствующий обмер производит глава семьи самолично и возвращает участками в 1 тан. Возвращать надел дробными участками (меньше 1 тан) нельзя. Это допускается лишь в том случае, если участки были дробными с самого начала.

Ст. 23. Распределение наделов надлежит производить каждый надельный год, причем до 30 дня 1-й луны должны быть сделаны заявки в Дадзёкан. Начиная с 1 дня 10-й луны (предшествующего года) столичные и местные власти заблаговременно проверяют реестры и составляют (новые) списки (наделов, подлежащих отобранию или предоставлению). С 1 дня 11-й луны собирают всех, кому надлежит получить наделы, и отводят им наделы непосредственно. До 30 дня 2-й луны распределение заканчивается.

Ст. 24. Наделы отводятся в первую очередь тем, кто несет трудовую повинность (эки 役), во вторую — тем, кто ее не несет; из них, в первую очередь — тем, кто еще не имеет надела, во вторую — тем, кто имеет неполный надел; из них в первую очередь — тем, кто беден, во вторую — тем, кто богат.

Ст. 25. Если в случае чересполосицы владельцы наделов захотят обменяться своими участками, они обращаются к местным властям. Местные власти должны рассмотреть эти заявления и отметить (в реестрах) участки, взятые от одного и переданные другому.

Ст. 26. Как должностные лица (官人), так и население (百姓) не имеют права жертвовать или продавать свои пахотные земли, садовые и усадебные участки буддийским монастырям.

Ст. 27. Рабы правительственных учреждений (官戶 канко), а также (казенные) рабы (奴婢 нухи) получают подушный надел наравне со свободными. Домашняя челядь (家人 кэнин), а также (частные) рабы (奴婢) получают наделы в зависимости от наличия свободных земель — в размере $^1/_3$ надела свободного.

Ст. 28. Если поля окажутся поврежденными наводнениями и при этом — не по старому руслу, а на новом месте образуются годные для обработки участки, их нужно в первую же очередь отвести потерпевшим бедствие.

Ст. 29. Если казенные или частные поля (公私田 кōсидэн) окажутся заброшенными в течение трех лет и долее и найдутся лица, могущие их взять для обработки, им надлежит обращаться к властям и те разрешают это. Это допускается и в том случае, если эти поля находятся в другом административном районе. При этом частные поля возвращаются их владельцу через 3 года, казенные же возвращаются властям через 6 лет. Если по истечении срока взявший поля не будет иметь полный подушный надел, разрешается полученные таким образом казенные поля обращать в подушный надел. С частными полями этого делать нельзя.

Если в пределах какого-нибудь административного района окажутся пустопорожние земли (空閑地) и кто-нибудь из чиновников или из населения захочет их взять для разработки, им предоставляется право их обработать и засеять. В случае, если взявший такой участок бросит его, этот участок возвращается в казну (公).

Ст. 30. В случае тяжбы урожай со спорного участка поступает к тому лицу, которое получило этот участок по решению суда и его обработало, хотя бы в дальнейшем решение суда и изменилось. Однако тому лицу, которое успело в таком случае только вспахать этот участок, но еще не засеяло его, возмещается только стоимость затраченного труда. Если кто-нибудь, не дождавшись судебного решения, насильственно вспашет и засеет участок, с урожаем поступают согласно решению местного суда.

Ст 31. Должностные наделы для чиновников высших провинциальных учреждений (сикибундэн 職分田) устанавливаются в следующих размерах:

дадзай-но соцу	10 тё —
дайни	6 тё —
сёни	4 тё —
дайкан, сёкан, дайхандзи	2 тё —
дайку, сёхандзи, тайтэн, сэкимори-сё, каму-цукаса, хакасэ	1 тё 6 тан
сёгэн, инъёси, иси, сёку, санси, фунэ-но цукаса, сэкимори-сукэ	1 тё 4 тан
рэйси	1 тё —
сисэй	— 6 тан
дайкокусю	2 тё 6 тан
дзёкокусю, дайкоку-сукэ	2 тё 2 тан
тюкокусю, дзёкоку-сукэ	2 тё —
гэкокусю, дайкокудзё, дзёкокудзё	1 тё 6 тан
тюкокудзё, дайкокумоку, дзёкокумоку	1 тё 2 тан
тюкокумоку, гэкокумоку	1 тё —
сисэй	как и выше (т. е. 6 тан)

Ст. 32. Должностные наделы (сикибундэн 職分田) для администрации уездов устанавливаются в следующих размерах:

тайрё — 6 тё, сёрё — 4 тё, сюсэй, сютё по 2 тё каждый.

В районах малоземельных придерживаться этих размеров не обязательно.

Ст. 33. Почтовые наделы при почтовых дворах (экидэн 驛田) отводятся поблизости от почтового двора в следующем размере:

на больших дорогах — 4 тё
на средних дорогах — 3 тё
на малых дорогах — 2 тё

Ст. 34. При смене администрации урожай со служебных наделов чинов высших местных учреждений поступает в распоряжение прежнего чиновника, если он успел засеять поле. Если прежний чиновник успел только вспахать поле, но еще не засеял его, новый чиновник возмещает только стоимость его труда. Если на данный надел нет чиновника, этот надел обрабатывается казенной рабочей силой (кōрики 公力) местных учреждений. По прибытии на место нового чиновника урожай с этого надела выдается ему соответственно числу месяцев.

Ст. 35. Вновь назначенным чинам местной администрации вознаграждение до осеннего сбора выдается натурой, согласно правилам.

Ст. 36. В Кинай устанавливаются правительственные поля (кандэн 官田), в Ямато и Сэцу — по 30 тё, в Коти и Ямасиро — по 20 тё. На этих полях полагается разводить скот из расчета 1 вол на каждые 2 тё. Разведение скота возлагается на отдельные дворы из расчета 1 вол на 1 двор. [Для этого берутся, однако, дворы не ниже «средне-среднего разряда».]

Ст. 37. При назначении работников на правительственные участки устанавливается следующий порядок: министерство двора ежегодно наперед определяет — согласно правилам — потребное количество рабочей силы на предстоящий год соответственно видам засеиваемых культур и количеству тан, доводит об этом до сведения властей и ведает этой рабочей силой. При посылке на работу правители провинций сообразуются с тем, свободный ли данный месяц для населения, или занятый, и соответственно с этим направляют на работу. Заведующие правительственными участками подлежат ежегодной смене. По окончании года министерство проверяет количество собранного урожая и соответственно награждает или наказывает.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 1. 1) Дать точное представление о величине 1 тан — этой основной единицы измерения земли в то время — в современных мерах в точных цифрах затруднительно, поскольку очень спорна величина этого тана в разное историческое время. Наиболее часто встречаемый расчет таков: 1 линейный бу принимается равным 1 кэн (間); 1 кв. кэн составляет 1 цубо; таким образом 360 кв. кэн (30 × 12) составляет 360 цубо, что дает — при 1 цубо равном 3.3 кв. м — 1188 кв. м, или почти 12 ар. 1 тё в таком случае в то время составляло почти 1.2 га.

2) При исчислении налога применяются особые меры «соку» и «ха», причем 1 соку считается равным 10 ха. Сколько зерен дают 2.2 соку, сдаваемые в виде налога, сказать трудно; по предположительному подсчету в переводе на современные меры они могут дать до 1 то 1 сё (1.1 то) зерна, т. е. 19.8 л (несколько более 5 гарнцев). По старинному исчислению 1 «ха» составляет три полных пригоршни зерна.[1]

Еще труднее определить, какой процент составлял 2 соку 2 ха налога по отношению к урожаю. Это зависит от того, что считать средним урожаем в то время. Проф. Утида предполагает, что средний урожай с 1 тан равняется 72 соку.[2] Если так, то 2.2 соку налога составляют несколько более 3% урожая. Однако, если это и верно вообще, то исключительно в приложении к самой лучшей земле, к так наз. дзёдэн (上田) — земле 1-го разряда. Все же пахотные угодия подразделяются на три основные разряда — высший (上), средний (中) и низший (下), причем каждый из этих разрядов в свою очередь распадался на три категории — первую, вторую и третью. Таким образом получалось уже не три разряда, а девять. Деление на разряды обусловливалось качеством почвы и цифрой возможного урожая, поэтому если 2.2 соку составляли 3% по отношению к урожаю с поля самого высшего разряда, то этот процент в дальнейшем повышался соответственно понижению разряда земли.

В 3-м году Кэйун (706) размеры налога были изменены: с 1 тана полагалось сдавать 1.5 соку. Однако, по мнению проф. Утида, как-будто бы снижение ставки налога было лишь видимым: цифра 1.5 появилась в результате изменения размера соку, и в абсолютных цифрах 1.5 нового соку равнялись 2.2 прежнего.[3] Отсутствие фактических изменений усматривается и из того, что средний урожай с лучшего поля стал исчисляться не в 72 соку, как раньше, а в 50 соку. Вряд ли за несколько лет (между 701 и 706 гг.) могло произойти такое устойчивое падение урожайности, чтобы закон должен был его зафиксировать. Скорее всего произошли изменения в системе мер, и новые 50 соку, вероятно, есть те же прежние 72 соку. Но даже независимо от этого процент налога — и при этих цифрах — остается прежним: 1.5 соку составляют только 3% от 50.

Ст. 3. 1) Размер подушного надела, согласно этой статьи, устанавливается, следовательно, в 2 тана, т. е. в 720 цубо, или, иначе, — 0.24 га для мужчин, 1 1/X тан, т. е. в 480 цубо, или иначе в 0.56 га для женщин. Однако этот размер был лишь общей нормой; на практике он мог меняться в зависимости от двух условий:

a) Если при наличии густого населения, земель для раздачи наделов в требуемом размере не хватало, разрешалось давать меньше установленной нормы.

b) Если земля была несколько плохого качества, что могла давать жатву только через год, т. е. была так наз. экидэн (易田), размер надела увеличивался вдвое.

[1] См. Hotta, Kokushi shinjiten, Shōwa 6, p. 1363.
[2] Uchida Ginzō. Op. cit., p. 309.
[3] Uchida Ginzō. Op. cit., 309—310.

О том, что эти правила соблюдались, свидетельствуют многочисленные примеры получения увеличенных наделов, проводимые в Руйдзю сандайкаку (кн. XV) для провинций Харима, Кōти и Идзумо.

2) Необходимо отметить, что в позднейшие времена бывали случаи частичного изменения установленной земельным законом Тайхōрē нормы подушных наделов. Так, например, в правление Сэйва в 15 году Дзёкан (873) при раздаче наделов в пров. Тикудзэн были введены дифференциальные нормы: для мужчин, подлежащих рабочей повинности — 3 тана 29 бу, для не подлежащих этой повинности — 2 тана, для женщин — 1 тан (Сандай дзицуроку, кн. XXIV, статья от 17 III 15 г. Дзёкан). В правление Кōкō в 1-м году Нинна (885) при распределении наделов в пров. Тоса мужчинам в возрасте от 21 до 60 лет, т. е. подлежащим рабочей повинности в полном объеме, давали 4 тана; мужчинам в возрасте от 61 до 65 лет, т. е. подлежащим рабочей повинности в половинном объеме, давали 2 тан; столько же давали и не достигшим полного совершеннолетия, т. е. мужчинам от 17 до 20 лет, также не подлежащим рабочей повинности в полном объеме; мужчинам, вообще не несущим рабочей повинности, т. е. до 17 лет и престарелым от 66 лет, а также нетрудоспособным по болезни или в связи с физическим недостатком, давали 1 тана; женщинам же только 50 бу (Сандай дзицуроку, ст. от 27 XII 1 г. Нинна). Из этих мероприятий видно, что правительство в политике наделов стремилось пойти по другому пути: оно хотело исходить из принципа трудоспособности и подлежания рабочей повинности, а не из принципа простого наличия «душ». Полностью от этого прежнего принципа оно, конечно, не могло отказаться, и наделы получали и не подлежащие рабочей повинности, но особая ориентация на привлекаемых к этой повинности сказывается в введении для них увеличенных наделов. Надо сказать, что и сам земельный закон Тайхōрē также частично стоит на точке зрения предпочтений, отдаваемых тем, кто привлекается к рабочей повинности, но проявляет это только в том, что обязывает давать таким лицам наделы в первую очередь (см. ст. 24). Возможно, что в таких тенденциях сказывается отчасти влияние принципа, лежащего в основе надельной системы Танской империи, которая была построена на принципе трудоспособности.

Однако все случаи изменения норм наделов сравнительно с постановлениями кодекса Тайхōрē представляют собою явление временное и вводимое только для некоторых районов. В основном, нормы, указанные в земельном законе Тайхōрē, оставались без изменения.[1]

3) Закон не указывает, какие поля предоставлялись в качестве наделов — водные или сухие. Однако по косвенным данным можно с уверенностью сказать, что наделы состояли из водных полей. Это видно хотя бы из того, что случаи наделения сухими полями особо отмечаются. Так, например, в Энгисики (кн. XXII) говорится: «в провинциях Ямасито и Ава при распределении полей давали и сухие и водные поля». Это объяснялось, видимо, тем, что водных полей там нехватало.

Ст. 5. 1) В этой статье речь идет о должностных наделах только высших должностных лиц центрального правительства. О должностных наделах чинов провинциальной администрации говорят ст. 31 и 32. Эти две категории наделов различаются и по названию: сикидэн (職田) — для первых, сикибундэн (職分田) — для вторых.

2) Большинство комментаторов дополняют эту статью указанием на то, что при лишении чина (官) или увольнении от должности (職) должностной надел у этих высших категорий чинов отбирается не полностью, а лишь наполовину.[2]

Ст. 6. 1) Поколения исчисляются, начиная от сына, т. е. сам владелец надела в счет не идет.

2) Статья не дает указаний на размеры этих наделов. Однако из исторических примеров некоторое представление о возможных размерах таких наделов иметь можно.

[1] Uchida Ginzō. Op. cit., p. 141—142.
[2] Taihōryō shinkai, p. 244.

Так, например, одному из главных участников переворота Тайка (645 г.) — Фудзивара Каматари — было предоставлено в вечное пользование 100 тё, т. е. около 120 га.

3) Согласно комментарию, дополняющему этот закон, при наличии у владельца надела нескольких наследников они делили между собой отцовский надел поровну.

Ст. 7. Статья имеет в виду обеспечение землей прежде всего постоянных жителей данной местности и в частности запрещает предоставление земли иммигрантам, а также раздачу ранговых и должностных наделов в тех районах, где и так земли даже для местного населения нехватает. Впрочем, оговорка относительно императорского указа открывает полную возможность это общее правило нарушать.

Ст. 8. 1) Отобрание наделов по случаю увольнения с должности или разжалования в ранге не было, однако, абсолютным: через три года надел выдавался снова, только в уменьшенном на две ступени по табели рангов размере. Например, лицо, бывшее раньше в старшей степени III ранга и имевшее тогда надел в 40 тё, теперь получало надел соответственно первому классу старшей ступени IV ранга, т. е. 24 тё.[1]

2) Очередное распределение наделов производилось раз в 6 лет.

Ст. 11. Термин «казенная» (или государственная) земля (кōдэн 公田) имеет двойное значение. В общем смысле это название применяется ко всему земельному фонду страны, поскольку, согласно основному принципу всей надельной системы, вся земля считалась собственностью государства. В узком же смысле этот термин прилагался к казенным землям в точном смысле этого слова, т. е. к землям, остающимся в руках государства после удовлетворения наделом всех, кому их надлежало выдать. Иначе говоря, в последнем случае этот термин означал свободный государственный фонд пахотной земли, так наз. «земельные излишки» (амарида 剩田 или 乘田). В данной статье имеются в виду именно такие земельные излишки.

Эти излишки можно было, как гласит статья, сдавать в аренду. Однако условия аренды из статьи полностью не явствуют.

Первый вопрос — о формах аренды. Повидимому, их было две: одна — с платой наперед, весною, до посева (賃) и вторая — с платой осенью, после сбора урожая (租). Это означало, что можно было покупать право обработки земли, не ставя эту покупку в связь с урожаем, и можно было получить землю с отдачей части урожая. К тому понятию аренды, которое установилось впоследствии, ближе подходит, конечно, вторая форма. Второй вопрос — об арендной плате. Сама статья ограничивается указанием, что нужно сдавать «по ценам, существующим в данной местности». Утида по этому поводу говорит, что арендная плата в таких случаях значительно превосходила обычный земельный налог.[2] Исторический словарь Хотта дает справку относительно второго вида аренды и указывает, что основная ее ставка была равна 20% урожая. Для земель «высшей категории» (上田) это составляло 100 соку, для земель «средней категории» (中田) — 80 соку, для «низшей категории» (下田) — 60 соку, для «самой низшей» (下下田) — 30 соку.[3]

Третий вопрос — о сроках аренды. Общее мнение только, что срок был тот же, что и при аренде частных земель, т. е. 1 год.[4]

Ст. 12. Примеры таких пожалований: в 798 г. принцу 3-го ранга Асахара было пожаловано 250 тё в пров. Этиго (см. Нихонги-ряку, под 17 г. Энряку); в 878 г. принцу Моси было пожаловано 100 тё «заброшенных земель» (арэта) в уезде Харима пров. Микава (см. Сандай-дзицуроку). Повидимому, эти земли жаловались на правах пожизненного надела (иссиндэн — 身田).[5]

[1] Taihōryō shinkai, p. 246.
[2] Uchida Ginzō. Op. cit., p. 314.
[3] Hotta. Kokushi shinjiten, изд. 6 г. Shōwa, стр. 957.
[4] Hotta. Op. cit., p. 957.
[5] Taihōryō shinkai, p. 248.

Ст. 15. Садовые участки отводятся специально для разведения тутовых и лаковых деревьев. Правило о возвращении в казну не применяется, если из состава семьи сохраняется хотя бы одно лицо. Вместе с тем, согласно ст. 19, эти участки можно было передавать в аренду, или даже продавать другим лицам.

Ст. 18. Под понятием «государева служба» (国事) в эту эпоху обычно разумеется либо дипломатическое поручение, либо отправление в поход. В случае отсутствия сына надел предоставляется совместно живущим родственникам — не ниже 5 степени родства.

Ст. 19. Тайхōрё синкай в примечании к этой статье[1] полагает, что под полями, сдаваемыми в аренду», надо разуметь свободные земли, т. е. те излишки, оставшиеся после распределения наделов, о которых говорится в ст. 11. При таком толковании эту статью 19 необходимо считать непосредственным дополнением ст. 11. Появление же этой темы во второй раз нужно, видимо, объяснить в таком случае тем, что в первый раз в ст. 11 не был указан срок аренды; теперь же он дается — 1 год.

Согласиться с таким толкованием, как мне кажется, совершенно невозможно. Если бы срок в 1 год, указываемый в данной статье, относился только к аренде казенной земли, естественно было бы ожидать приведения его в той статье, где об этой аренде говорится, т. е. в ст. 11. С другой стороны, общий контекст статей, примыкающих к данной 19 статье, не дает никаких поводов сближать ее со статьей 11, так сказать, через голову всех промежуточных статей: все статьи, начиная с 12, говорят о наделах и других угодьях, предоставляемых населению; таковы же и ближайшие последующие статьи. Таким образом, общая композиция текста закона не оправдывает сближение ст. 11 со ст. 19. Кроме того, сближение это невозможно в силу простейшего юридического анализа обеих статей. Ст. 11 говорит о правах правителей провинций и их действиях; ст. 19 говорит о правах населения и основанных на этих правах действиях. Поэтому сближение статей 11 и 19 является совершенно исключенным. Толкование Тайхōрё синкай основано, очевидно, на априорном недопущении возможности для населения сдавать свои пахотные участки в аренду.

На прямо противоположной позиции стоит проф. Утида. Он утверждает, что пахотные земли не только могли сдаваться в аренду, но и продаваться. Об этом говорит, по его мнению, ряд источников. Так, например, в указе Дадзёкана от 2 IV 8 г. Кампэй (896), приводимом в Руйдзю сандайкаку, прямо сказано: «Если кто-нибудь из населения продает или покупает подушные наделы, или же кто-нибудь из лиц первых 5 рангов сдает в аренду свои ранговые или должностные наделы, то должно обращаться в провинциальное или уездное управление, и согласно закону, получать билет, удостоверяющий срок аренды.[2] Форма реестров, проводимая в Энгисики (кн. XXVII), также предусматривает как продажу-покупку, так и сдачу надельных земель в аренду. Земельный закон Тайхōрё, однако, нигде ни одним словом не упоминает о продаже надельных земель. Более того, именно там, где об этом могло быть сказано, в той самой статье, которая перечисляет права населения в отношении наделов, о продаже говорится только в отношении садовых участков. Выше ст. 17 устанавливает это право и в отношении усадебной земли. Кроме того, самый дух кодекса не может допустить продажи надельной земли. Пока существовала надельная система, продажа не была возможна и фактически, так как в известных случаях надельную землю нужно было сдавать в казну. О том, что такую сдачу закон безусловно имел в виду, свидетельствует наличие специальных указаний о порядке этой сдачи в ст. 22. Исходя из всего этого, согласиться с проф. Утида, что продажа допускалась самим законом Тайхōрё, никак нельзя. Наличие же в цитируемых им источниках указаний на факт продажи необходимо объяснить совершенно иначе. Утида делает чисто историческую ошибку: он не принимает в расчет то, к какому времени относятся его материалы:

[1] Taihōryō shinkai, p. 251—252.
[2] Uchida Ginzō. Op. cit., p. 148.

указ Дадзёкана относится к 896 г., Энгисики относится к 901—922 гг. Иначе говоря, факты, приводимые этими источниками, свидетельствуют только о том, что в самом конце IX в. и в начале X в., т. е. через 250—300 лет после введения надельной системы, если считать годом ее введения год указа 2-го года Тайка — 646 г., — и через 200—250 лет после земельного закона Тайхōрē (701 г.) существовали факты продажи. Но как нам хорошо известно, к началу X в. надельная система фактически уже не существует. Последнее упоминание о ней мы встречаем в годы Энги (901—922), и это означает, что надельная система в эти годы не начала расшатываться, а уже фактически заканчивала свое существование. Поэтому официальные документы той эпохи должны отражать и отражают факты, характерные для распада системы, а не для ее нормального существования. Поэтому мнение, что продажа надельных участков разрешена самим законом Тайхōрē, должно быть отвергнуто по всем основаниям — юридическим и историческим.

Продажа же садовых участков была разрешена и это вполне оправдывается юридически. Право на эти участки отличалось от права на пахотные участки: в первом случае это право было наследственным и бессрочным, кончаясь вместе с исчезновением всего двора в целом, т. е. с превращением этих участков в выморочное имущество; иначе говоря, фактически оно совпадало с правом владения. Поэтому, естественно, закон должен был допустить право их продажи. На пахотные же угодия было распространено только право сдачи в аренду — и притом на самый ограниченный срок: на 1 год. Решительная оговорка закона относительно срока как раз показывает, насколько отличилась аренда этих земель от обычной аренды. Не допустить ее вовсе было невозможно, так как приходилось считаться с тем, что в известных случаях владелец пахотного надела мог оказаться не в состоянии сам обработать всю землю, хотя бы в силу временной утраты трудоспособности. Разрешить же аренду на неопределенный срок означало открыть путь ко всем сделкам на землю, открыть возможность скопления земель в одних руках, против чего по своему юридическому замыслу и был направлен земельный закон Тайхōрē. И насколько строго закон хотел бороться с долгосрочной арендой свидетельствует постановление «Уложения о наказаниях» (律), которое налагает кару за сдачу в аренду сверх годичного срока. В Рē-но сōкай есть место,[1] где говорится, что всякому, кто сдает в аренду свою надельную землю на срок свыше года, полагается 10 ударов бича за каждый сданный тан. Исходя из всего этого, следует признать, что фраза «поля, сдаваемые в аренду, сдаются на срок в 1 год» говорит, во-первых, о том, что закон предоставляет владельцам пахотных наделов право сдачи их в аренду; во-вторых, о том, что срок этой аренды был ограничен незначительным временем. Поскольку сейчас же вслед за этим говорится, что садовые участки можно было не только сдавать в аренду, но и продавать, следует, что пахотные надельные участки продавать было нельзя.

Ст. 21. 1) Согласно комментарию Рē-но гигэ, а также Рē-но сōкай распределение наделов раз в 6 лет отнюдь не означало всеобщего передела. Дело сводилось лишь к отобранию наделов умерших и предоставлению наделов на детей, достигших 6-летнего возраста, равно как и к возмещению всяких земельных потерь, могущих возникнуть по стихийным причинам — в результате обвалов, размывов и т. п. Это свидетельство комментариев подкрепляется тем обстоятельством, что когда по каким-нибудь причинам случалось прибегать ко всеобщему переделу, то это отмечается особо, как исключение. Так, например, особо отмечен в истории один такой передел, произведенный в правление Сēму в 1 году Тэмпē (729). С другой стороны, хорошо известен факт несоблюдения 6-летнего срока вообще. В некоторых местностях отобрание наделов умерших и прирезка наделов на долю детей не производилась по несколько десятков лет: по 30, 40, 50 и даже 60.[2] Иногда это запаздывание с пересмотром наделов даже узаконялось

[1] В тексте 戸婚律, помещенном в 令集解.
[2] Uchida Ginzō. Op. cit., p. 143—144.

Так, например, в 20 г. Энряку (801) срок передела был установлен раз в 12 лет; в 3 г. Дайдō (808) опять вернулись к 6-летнему сроку. Однако практически в течение 19 лет — с 810 по 828 г. пересмотр наделов не производился ни разу. В 1 г. Сēва (834) снова вернулись для области Кинай и указу 801 г., т. е. к 17-летнему сроку, но и этот срок также не соблюдался: в течение 37 лет, с 844 по 881 г., в Кинай ни разу пересмотра наделов не было. Та же картина наблюдалась и в других частях страны. В Сандай дзицуроку в записи от 16 III 4 г. Гэнкэй (880) указывается, что в Тикуго уже более 30 лет переделов не производилось; в записи от 14 III 5 г. Гэнкэй (881) упоминается, что в Хидзэн пересмотра наделов не было уже 40 лет. В годы Энги (901—922) пересмотр кое-где производился, но после Энги никаких свидетельств о производимых наделах уже нет. По мнению автора XIV в. Китабатакэ Тикафуса максимальное развитие надельной системы относится к правлению Ниммē (834—850).[1] но вернее думать, что первые признаки упадка этой системы начали обнаруживаться уже в конце VIII столетия, уже через несколько десятков лет после указа 743 г., декретировавшего право собственности на «новые поля», а указ 801 г. должен считаться юридическим отражением начала этого упадка. К началу же X столетия эта система уже почти окончательно умирает, сохраняясь кое-где в качестве последних остатков отмирающей формы. По свидетельству одного источника[2] «составление подворных реестров и распределение земель прекратилось со времен мятежа годов Сēхэй-Тэнкэй (935—940)». С этим придется, вероятно, согласиться, потому что мятеж Тайра Масакадо, который имеет в виду этот источник, действительно свидетельствует о том, что страна уже начала переходить на другие пути социально-экономического развития.

2) Пункт этой статьи, говорящий о землях синтоистских и буддийских храмов, имеет очень важное значение, поскольку устанавливает наличие еще одной категории земель — монастырских. Эти земли находятся на особом положении: они не подлежат пересмотру через каждые 6 лет, или в какие-нибудь иные сроки. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что они не были облагаемы налогом и поэтому не входили в общий распорядок надельной системы. Единственное, что закон делал, это ставил препятствия росту этих земель за счет надельных участков: к этому направлена ст. 26, запрещающая должностным лицам и простому населению продавать или жертвовать свои надельные земли монастырям.

Ст. 24. По кодексу Тайхōрē каждый совершеннолетний мужчина обязан был отработать государству 10 дней в году. Разрешалось взамен этой отработки вносить дополнительный налог (так наз. «заменный налог» 代納) тканями — шелковыми или холстом (см. раздел X. Закон о повинностях, ст. 4).

Ст. 26. Ср. указ 18 г. Тэмпē (746), запрещающий монастырям скупать и обращать в свою собственность земли населения — «новые поля» (кондэн) и садовые участки. На продажу рабов и рабочего скота это запрещение не распространялось.

Ст. 27. По Тайхōрē синкай наделы государственных рабов всех категорий не подлежали обложению налогом, наделы же частных рабов облагались на общих основаниях. Это различие вызывается, по всей вероятности, тем, что поскольку государственные рабы составляли собственность государства, постольку и все, что они производили, также принадлежало государству и никакого особого обложения для них поэтому быть не могло. Что же касается частных рабов, то поскольку они принадлежали частным лицам и их наделы входили в общую сумму надельной земли двора в целом, поскольку и все, что они производили, принадлежало их владельцу, составляя часть его дохода, — постольку, естественно, что с наделов этих рабов их хозяева должны были вносить обычный налог.

[1] Kitabatake Chikafusa, Jinnō shōtoki, гл. IV, Nimmyō-tennō.
[2] См. Takigawa Masajirō, Nippon hōseishi, p. 128 и след.

Ст. 28. Комментарий дополняет эту статью указанием на то, что это возможно было только в том случае, если вновь образованные участки (благодаря перемене русла) находятся в пределах того же административного района.

Ст. 29. 1) Эту статью надлежит, без сомнения, поставить в связь со ст. 11. В ст. 11 впервые поставлен вопрос о «казенных землях» (кōдэн 公田), под чем в данном случае должен разуметься свободный, оставшийся после распределения наделов фонд пахотной земли, уже находившейся под обработкой. В ст. 11 указывается, что правители провинций могут эту землю отдавать в аренду. Таким образом, часть этого фонда отходила к населению и обрабатывалась им. Оставшиеся земли обрабатывались казенной рабочей силой (см. ст. 34), составляя так наз. «поля, обрабатываемые государством» (кōэйдэн 公營田). Однако, повидимому, это не всегда оказывалось возможным, и некоторая часть этих земель оставалась необработанной — «заброшенной» (арэта 荒田). Именно судьбу этой части и имеет в виду настоящая статья, предоставляя населению право брать эту землю для обработки. Об условиях, на которых это можно было делать, здесь ничего не говорится, кроме указания на срок: через 6 лет такие взятые участки нужно было возвращать в казну. Возможно, что никакой арендной платы в таких случаях не взималось. И это допустимо по той причине, что рядом — во второй половине этой статьи говорится о «пустопорожних землях», которые, как мы знаем из других источников, в конечном итоге оказались свободными от всякого обложения, так что сама юридическая специфика этой статьи как будто предопределяет известную аналогию между отдачей населению заброшенных земель и пустопорожних, т. е. безвозмездно. Разница между ними все же сохранялась: первые земли нужно было через 6 лет возвращать, вторые — нет. Это же обстоятельство находит свое естественное объяснение в том, что усилия, необходимые для обработки хоть и заброшенных, но все же уже поднятых земель, были значительно меньшими, чем те, какие нужно было затрачивать для подъема целины. Поэтому эту целину закон предоставлял желающим для обработки без указания срока, говоря об ее отходе в казну лишь в том случае, если обрабатывающий ее сам бросит.

2) Второй пункт, касающийся пустопорожних земель (кӯканти 空閑地 или акити 明地) имеет особо серьезное значение, поскольку именно это место закона открывает путь к фактическому присвоению земли: получение земли в бессрочное пользование по существу приближалось к владению, что и пришлось в дальнейшем признать официально (указы 723 и 743 гг.); наметившееся же при этом освобождение этих участков от всех налогов делало этот способ присвоения земли наиболее выгодным, что и сказалось во всеобщем стремлении захватить себе эти «новые поля», как они назывались (кондэн 墾田).

Ст. 34. Речь идет о системе распределения доходов при смене администрации, практикуемой по закону периодически (через 4 и 6 лет).

Ст. 36. «Правительственные поля» — это земли, сбор с которых идет на содержание двора в Киото. Этим объясняется и то, что все такие участки организуются в районах, ближайших к столице — в Кинай. Находятся они в ведении министерства двора (Кунайсё). Обрабатываются эти земли призываемыми к рабочей повинности в порядке «разных работ» (雜徭).

Ст. 37. Свободные (от сельскохозяйственных работ) месяцы: январь, февраль, октябрь, ноябрь, декабрь.

КОДЕКС ТАЙХŌРЁ

РАЗДЕЛ XV

Закон о жалованьи

Ст. 1. Военные и гражданские чины в столице, а также чиновники Дадзайфу, Ики и Цусима получают жалованье соответственно своему посту и рангу. Лицам, прослужившим с 8-й луны до 1-й луны не менее 120 дней, выдается весенне-летнее жалованье.

Состоящие в 1 ранге — старшей или младшей степени получают: 30 хики шелковой материи (絁), 30 дзюн шелковой ваты (綿), 100 тан холста (布), 140 штук мотыг (кува, суки 鍬); состоящие во II ранге ст. и мл. степени получают: 20 хики шелковой материи, 20 дзюн шелковой ваты, 60 тан холста, 100 мотыг; состоящие в III ранге ст. степени получают: 14 хики шелковой материи, 14 хики шелковой ваты, 42 тан холста, 80 мотыг; состоящие в III ранге мл. степени получают: 12 хики шелковой материи, 12 дзюн шелковой ваты, 36 тан холста, 60 мотыг; состоящие в IV ранге ст. степени получают: 8 хики шелковой материи, 8 дзюн шелковой ваты, 22 тан холста, 30 мотыг; состоящие в IV ранге мл. степени получают: 7 хики шелковой материи, 7 дзюн шелковой ваты, 18 тан холста, 30 мотыг; состоящие в V ранге ст. степени получают: 5 хики шелковой материи, 5 дзюн шелковой ваты, 12 тан холста, 20 мотыг; состоящие в V ранге мл. степени получают: 4 хики шелковой материи, 4 дзюн шелковой ваты, 12 тан холста, 20 мотыг; состоящие в VI ранге ст. степени получают: 3 хики шелковой материи, 3 дзюна шелковой ваты, 5 тан холста, 15 мотыг; состоящие в VI ранге мл. степени получают: 3 хики шелковой материи, 3 дзюна шелковой ваты, 4 тан холста, 15 мотыг; состоящие в VII ранге ст. степени получают: 2 хики шелковой материи, 2 дзюн шелковой ваты, 4 тан холста, 15 мотыг; состоящие в VII ранге мл. степени получают: 2 хики шелковой материи, 2 дзюн шелковой ваты, 3 тан холста, 15 мотыг; состоящие в VIII ранге ст. степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 3 тан холста, 15 мотыг; состоящие в VIII ранге мл. степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 3 тан холста, 10 мотыг; состоящие в IX ранге мл. степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 2 тан холста, 10 мотыг; состоящие в IX ранге мл. степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 2 тан холста, 5 мотыг. [Домоуправители (принцев и сановников первых трех рангов) получают на одну степень меньше. Заведующие обучением сюда не относятся. Осенне-зимнее жалованье выдается в том же порядке.]

Ст. 2. Жалованье на весну-лето выдается в первой декаде 2-й луны. [Взамен 1 дзюн шелковой ваты выдается 1 ку шелка-сырца]. Жалованье на осень-зиму выдается в первой декаде 8-й луны. [Взамен 5 мотыг выдается 2 тё железа.]

Ст. 3. Чины дворцовой стражи, а также служащие по особому назначению императора в правительственных учреждениях особо талантливые лица получают сезонное жалованье соответственно нормам, установленным в этих учреждениях для чинов IV разряда и ниже. [Чины IV разряда и выше получают по III разряду; прочие — по IV разряду.]

Ст. 4. Лица, состоящие в должностях «гё» и «сю», получают сезонное жалованье соответственно своей должности. Если одно лицо совмещает несколько чинов, он получает жалованье соответственно высшему из его чинов.

Ст. 5. Если лицо, коему надлежит произвести выдачу жалованья, окажется привлеченным к судебной ответственности за проступок, наказуемый лишением чина, выдача жалованья ему задерживается вплоть до окончания разбирательства, хотя бы дело его еще не было рассмотрено. Жалованье выдается лишь по рассмотрении дела (в случае, если данное лицо окажется невиновным). При совершении проступков, относящихся к категории «высшей степени низшего разряда частных преступлений», а также относящихся к категории «средней степени низшего разряда государственных преступлений», отбирается полугодовое жалованье.

Ст. 6. Вновь назначенным должностным лицам выдается начальное жалованье, даже если и не прошло полного числа дней.

Ст. 7. При отобрании (за проступки) жалованья, в случае, если отобранию подлежит полугодовое жалованье, оно должно быть внесено в течение 60-дневного срока; если отобранию подлежит годовое жалованье, оно должно быть внесено в 120-дневный срок. Если в течение этих сроков последует помилование, или же провинившийся особым указом будет восстановлен в своей должности, обязательство вернуть жалованье с него снимается. При выдаче жалованья таким восстановленным надлежит исходить из расчета со дня восстановления в должности.

Ст. 8. Если военные чины в течение 6 месяцев будут иметь не менее 80 суток круглосуточной службы, им выдается жалованье. При этом состоящие в ранге в отношении жалованья приравниваются к высшему классу IX ранга, не состоящие в ранге приравниваются к низшему классу IX ранга.

Ст. 9. При выдаче жалованья дворцовым чинам сёдзо̄ приравниваются к III рангу ст. степени, сёдзэн и сёхо̄ — к IV рангу ст. степени, тэндзо̄ — к IV рангу мл. степени, сёси (найси-но ками), тэндзэн, тэнхо̄ — к V рангу мл. степени, сёсю — к VI рангу ст. степени, сёсё, сёяку (кусури-но ками), сёдэн, тэндзи — к VI рангу мл. степени, сёхё, сёи — к VII рангу ст. степени, сёсо̄, сёсуй, сёдзо̄, сёдзи — к VII рангу мл. степени, сёдзэн сёхо̄ — к VIII рангу ст. степени, тэнсё, тэн'яку, тэнхё, тэнъи, тэндэн, тэнсо̄, тэнсуй, тэнсю — к VIII рангу мл. степени; прочие лица, выполняющие разные службы (но не состоящие в чине), а также лица, состоящие в ранге (но не имеющие должности) — приравниваются к мл. степени; лицам, не состоящим в ранге, жалованье уменьшается на один тан холста. [Все правила выдачи и отобрания имеют в виду мужчин].

Ст. 10. Кормовые пожалования (食封 дзикифу) получают: старшие принцы 1-й степени—800 дворов, ст. принцы 2-й степени—600 дворов, ст. принцы 3-й степени — 400 дворов, ст. принцы 4-й степени — 300 дворов [младшие принцы получают в половинном размере]; дадзёдайдзин — 3000 дворов, садайдзин и удайдзин — 2000 дворов, дайнагон — 800 дворов.

Состоящие в I ранге ст. степени получают 300 дворов; в I ранге мл. степени — 260 дворов; состоящие во II ранге ст. степени — 200 дворов; во II ранге мл. степени — 170 дворов; состоящие в III ранге ст. степени — 130 дворов; в III ранге мл. степени 100 дворов. Состоящие в IV и V ранге кормовых пожалований не получают. Вместо них они получают: состоящие в IV ранге ст. степени — 10 хики шелковой материи, 10 дзюн шелковой ваты, 50 тан тонкого холста, 360 дзё грубого холста; состоящие в IV ранге мл. степени — 8 хики шелковой материи, 8 дзюн шелковой ваты, 43 тан тонкого холста, 300 дзё грубого холста; состоящие в V ранге ст. степени — 6 хики шелковой материи, 6 дзюн шелковой ваты, 36 тан тонкого холста, 240 дзё грубого холста; состоящие в V ранге мл. степени — 4 хики шелковой материи, 4 дзюн шелковой ваты, 29 тан тонкого холста, 180 дзё грубого холста (женщины получают половину). Лицам, без достаточных оснований не приступающих к исполнению обязанностей в течение двух лет, эти выдачи приостанавливаются. На личные расходы (расходы по туалету) императрицы отводится 2000 дворов. На разные нужды наследного принца в год выдается 300 хики шелковой материи, 500 дзюн шелковой ваты, 500 ку шелка-сырца, 1000 тан холста, 1000 мотыг, 500 тё железа.

Ст. 11. Члены императорского дома, начиная с 13 лет, все получают материал для одежд по сезону: весною — 2 хики шелковой материи, 2 ку шелка-сырца, 4 тан полотна, 10 мотыг; осенью — 2 хики шелковой материи, 2 дзюн шелковой ваты, 6 тан полотна, 4 тё железа. [Принцы, имеющие кормилиц, получают 4 хики шелковой материи, 6 ку шелка-сырца, 12 тан холста.]

Ст. 12. Придворные дамы, начиная с камерфрейлины императора, получают сезонные выдачи соответственно своему рангу. В качестве выдачи за весну-лето получают: вторая императрица (хи) — 20 хики шелковой материи, 40 ку шелка-сырца, 60 тан полотна; третья императрица (фудзин) — 18 хики шелковой материи, 36 ку шелка-сырца, 54 тан холста; камерфрейлина императора (хин) — 12 хики шелковой материи, 24 ку шелка-сырца, 36 тан холста. [Если данное лицо совмещает несколько должностей, оно получает по совокупности. Осенне-зимние выдачи производятся в том же порядке. Шелк-сырец можно заменять шелковой ватой.]

Ст. 13. Если лицо, состоящее в V ранге и выше и получившее за заслуги кормовые пожалования, умрет, эти пожалования в случае «великих заслуг» в уменьшенном наполовину количестве передаются его потомкам на три поколения; в случае «больших заслуг» — в уменьшенном на $^2/_3$ количестве передаются на 2 поколения; в случае «средних заслуг» — в уменьшенном на $^3/_4$ количестве передаются сыну; в случае «малых заслуг» эти жалования потомкам не передаются.

Ст. 14. Буддийские храмы не получают кормовых пожалований. Однако при наличии особого императорского указа настоящего закона не придерживаются. [В этих случаях кормовые пожалования даются на срок не свыше 5 лет.]

Ст. 15. Всякое предоставление особых кормовых пожалований, или предоставление их в увеличенном количестве — не по нормам данного закона — производится путем особого императорского указа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 1. 1) Слово «арагину» (絁), переводимое здесь широким понятием «шелковая материя», означает в действительности лишь определенный сорт шелковой материи, близкий к современной «цумуги». По своему качеству и стоимости этот сорт идет сейчас же вслед за «кину», под чем разумеется, повидимому, белый хабутаэ (атлас?).

2) Слово «мэн» (綿) соответствует современному «мавата», что в настоящее время означает «шелковая вата».

3) Слово «нуно» (布) означает ткань, выделываемую из пеньки, поэтому для перевода взято русское слово «холст».

4) Иероглиф (金秋), передаваемый здесь русскими «мотыга», может в действительности употребляться и в значении «мотыга» (с чтением «кува») и «кирка» (с чтением «сукі»). По сути дела различие между той и другой заключается не в разнице функций, а в способе употребления: мотыгой работают «к себе», киркой «от себя» (см. Кокогаку-дзасси, IV том, № 5, статья Танака Сакудзиро).

5) Хики (疋) — мера длины для измерения шелковых тканей = 5 дзё̄ 2 сяку.

6) «Дзюн» (屯) — мера веса для взвешивания шелковой ваты = 2 кин (320 моммэ).

7) «Тан» (端) — мера длины для измерения холста, по величине равна «хики» (5 дзё̄ 2 сяку).

Ст. 2. 1) «Ку» (絇) — единица веса для взвешивания шелка-сырца = 1 кан (10 момиэ).

2) «Тё̄» (廷) — единица веса = 10 кан (1 кан 600 моммэ).

Ст. 3. 1) Русским словом «чины дворцовой стражи» передано японское «утонэри» (内舎人), поскольку они несли охрану дворцовых помещений.

2) «Чины III разряда», собственно — в тексте стоит обозначение должности — «ханган» (判官). В виду того, что должность «ханган» имелась во многих ведомствах с несколько различными функциями (в основе — судебные функции, функции контрольно-административные, полицейские), а также в виду того, что здесь она берется с точки зрения своего разряда, каковым был IV разряд, в переводе она так и передана: «Чины IV разряда».

3) По тем же соображениям взяты как разряды должности обозначения: сютэн (主典) — чины IV разряда; сё̄ханган (少判官) — чины III разряда; дай-сютэн (大主典) — чины IV разряда.

Ст. 4. В этой статье речь идет о тех случаях, когда ранг и должность не совпадают, т. е. когда ранг высокий, а должность — сравнительно незначительна (как, например, в случае «гё̄» 行), или когда ранг небольшой, а пост крупный (как, напр., в случае «сю» 守). Об этих служебных званиях см. Закон о должностях.

Ст. 5. О различных видах преступлений см. Кодекс Тайхо̄рё̄, раздел XIV, ст. 56, а также раздел XXIX, ст. 27.

Ст. 9. Номенклатура чинов и должностей в Тайхо̄рё̄ отличается исключительной сложностью, в виду чего дать здесь объяснение их не представляется возможным, а для целей данной работы — и не нужно.

Ст. 10. Статья исключительной важности, поскольку она устанавливает по существу новый вид надела — землю вместе с крестьянским двором. Такое предоставление двора носит название фуко (封戸). Само же предоставление именуется дзикифу (食封). Соответственно положению тех лиц, коим такие дворы придаются, такое предоставление делится на следующие виды:

1) Хомпу (品封) пожалования принцам.

2) Ифу (位封) ранговые пожалования (особам трех высших рангов).

3) Сикифу (職封) должностные пожалования.

Как выясняется из ст. 13 и 14 к этим трем видам необходимо добавить еще два:

4) Ко̄фу (功封) — пожалования за заслуги.

5) Гонфу (權封) — храмовые пожалования.

Новая мера длины, проводимая в этой статье, — дзё (常) равняется 1 дзё̄ (丈) 6 сяку (尺).

Н. А. НЕВСКИЙ

Тангутская письменность и ее фонды

Тангутское государство более известно современному ученому миру под именем Си-ся или Си-хя (букв. Западная Хя), каковое название прилагалось к этому государству китайскими историческими трудами во все время его существования. Главное население государства составляли тангуты, которых древние китайские историки обычно называли taṅ-ҳi̯aṅ, в то время как сами они, судя по тангутским источникам, называли себя 'mi или 'mï-'ni̯ä. Первое из этих названий, повидимому, одного и того же происхождения, что и тибетское слово mi, означающее «человек»; что же касается второго названия, т. е. 'mï-'ni̯ä, то оно, вероятно, тождественно со словом mi-ñag (читай mi-ña^{k} или mi-ñä'), которым тибетцы называли местность к западу от Желтой реки, в которой жили тангуты и которая в Китае обозначалась словом Хэ-си (букв. Запад Реки).

Слово tangut, повидимому, основано на древнем племенном названии taṅ (ср. taṅ-ҳi̯aṅ), к которому прибавлено окончание — ut, возможно монгольского происхождения (ср. суффикс — ud в монгольском языке при образовании множественного числа от некоторых существительных), хотя термин tangut встречается и задолго до эпохи монгольского владычества, а именно в китайско-турецкой надписи из Кошо-Цайдама, датированной 734 годом. От племенного названия taṅ образовано, повидимому, и название реки Taṅ-хо (黨河), текущей по территории тангутской страны, в Ша-чжоу китайской провинции Гань-су. В древности эта река носила название tu̯o-ҳi̯aṅ-хо (都鄉河) или ti-ṭsï-ṣui (氐置水), т. е. «водою (= рекою), по которой расположены (инородцы) ti». Терминами же ti или k'i̯aṅ (羌) древние китайские источники называли тибетско-тангутские племена западного Китая.

«Первая история Тан» (Цзю Тан-шу) в главе о народе taṅ-ҳi̯aṅ говорит: «В их племени каждый род в отдельности образует собою группу.

Большие (состоят) более чем из 10 000 всадников, а малые насчитывают по 1000 всадников. (Все они) между собою внутренне не объединены. Имеются роды si-fïn, fei-t'iṅ, waṅ-li, p'o-ṭṣ'ao, ye-ts'ï, faṅ-taṅ, pan-k'iṅ, t'o-pa, и t'o-pa является наиболее сильным родом».

История освобождения этих отдельных племен тангутской народности от власти Китая и образования ими единой империи довольно темна, так как почти единственным источником для этого служат показания китайских исторических трудов, дающих неполные и часто весьма сбивчивые показания.

Среди рукописных тангутских од, обнаруженных мною на оборотных страницах одного тангутского ксилографа 1185 г. из коллекции П. К. Козлова в Библиотеке Института востоковедения Академии Наук СССР, одна ода оказалась воспевающей предков тангутских императоров. Ода эта, на мой взгляд, представляет значительный интерес, приподымая несколько завесу темной истории возвышения тангутов, но, к сожалению, ода полна собственных имен, установление чтения которых сопряжено с громадными трудностями, и в ней масса неизвестных мне идеографов, так что при моем настоящем знании тангутской письменности я еще не в состоянии зачитать полный перевод этой оды, но все же хотел бы остановиться на некоторых местах, доступных расшифровке. Ода эта начинается следующими стихами:

«Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни,
Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки,
Длинных 'mï-'niä — страна там находится».

Этими строками, по-моему, тангуты определяют географическое протяжение своего государства с севера на юг, от песков Гоби на севере до Белой реки на юге. Под Белой рекой, мне кажется, должно понимать реку Бай-шуй, буквально «Белые воды» или «Белая река», стекающую с гор Минь-шань. Часть восточного Тибета, примыкающая к китайской провинции Гань-су со стороны Минь-шан'я, до сих пор носит тибетское название Kham (пишется khams), или еще Kham-mi-ña^{k}, или просто Mi ña^{k}, т. е. то же самое название, которым, как мы видели, тибетцы называли страну тангутов, называвших себя словом 'mï-'niä. Тангутско-тибетские племена западного Китая древними китайскими историческими трудами часто назывались терминами k'iaṅ или ti, и вышеуказанная Белая река носила еще название k'iaṅ-ṣui, т. е. «река кян'ов», и инородческие племена, проживавшие по этой реке, назывались «кян'ами Белой реки» или «ди Белой реки». Все это лишний раз доказывает, что бассейн Бай-шуй был очагом тангутского населения. Когда тангуты освободились от власти Китая, они

назвали свое государство по месту своего исконного нахождения, ^{m}b'$^{\circ}$ą-'mb'ę-lę, т. е. «страною верховьев Белой».

Когда началось освобождение тангутов от китайской зависимости, — сказать довольно трудно. Ясно, что отдельные племена к VII в. уже значительно усилились, и китайское правительство, считаясь с ними, старалось завязать с ними дружбу и привлечь их на свою сторону. Так, напр., «Первая история Тан» говорит: «В третьем году Чжэн-гуань (= 629) главнокомандующий области Нань-хуй-чжоу, Чжэн Юань-шоу, отправил посла переманивать (тангутов). Их атаман Si-fïn Pu-lai со всею группой покорился (Китаю). (Император) Тай-цзун издал приказ обласкать его. Вследствие того, что Pu-lai явился ко двору (в честь его) был дан весьма богатый пир и, отделив землю, область Юэ-чжоу, пожаловали Бу-лай'я должностью правителя области (цы-ши)».

Ода, о которой я уже говорил, повидимому, считает родоначальником тангутских императоров какого-то «батюшку Râ-tu», который

«с некой поры, не желая быть малым, замысел великий таил». Он, как это выясняется из текста, имел женою «тибетскую девушку», и у него было «семь сыновей». Повидимому, про эту же тибетскую женщину далее говорится:

«Наша матушка A-ma стала (рода) истоком
(Это) серебряное чрево и груди златые, — хорошее семя не прерывается и носит название «'ṇwei-'mi».

Имени Râ-tu мне пока не удалось отождествить ни с одним именем, встречающимся в китайских источниках; что же касается слова 'ṇwei-,mi, то это, как я уже говорил в одной из своих предыдущих работ, было фамилией тангутских императоров, транскрибированной в китайских исторических трудах идеографами, читающимися wei-miṅ или yü-mi.[1]

Далее в той же оде мы встречаем любопытные строки:

«Когда же впоследствии широко развернулось потомство (появился) 'mi Se-huọ.
С момента рожденья имел он два зуба;
Когда же подрос он, все десять удач в нем одном собрались(?)
Ведя за собою семь всадников, он явился, чтоб быть государем».

Обратившись к Сунской истории, мы там находим следующее место относительно первого тангутского императора Ki-t'ṣ'ien'a: «В четвертом

[1] Н. А. Невский. О наименовании тангутского государства. Записки ИВАН СССР, II, вып. 3, 1933.

году Kien-luń (= 963) Ki-t's'ien родился в (области) Инь-чжоу, в У-дин-хэ; родившись имел зубы». Из сопоставления тангутского и китайского текстов ясно, что оба они говорят об одном и том же факте, но имена упомянутых в текстах лиц, как мы видели, различны. Вследствие того, что идеографы тангутского текста по своему значению не соответствуют идеографам имени Ki-t's'ien китайского, приходится отказаться от мысли, что китайское слово может быть переводом (а не транскрипцией) названного тангутского имени. Я лично предполагаю, что имя Ki-t's'ien китайского источника было именем императора, подвергшимся табу в Тангутском государстве и замененным в последнем наименованием большого рода, атаманом которого он был. Мы уже видели, что среди больших родов, перечисленных в «Первой истории Тан», имеется род Si-fïń, из которого вышел уже упомянутый Si-fïń Pu-lai. Китайские идеографы si-fïń очень близко передают тангутское слово se-huǫ. Если мое предположение верно, то окажется, что первый тангутский император Ki-t's'ien происходил из рода 'nwei-,mi, ответвления большого рода, в котором он к указанному историческому моменту был атаманом. Проще было бы признать хронологическую ошибку китайских династийных историй и отождествить Se-huǫ с Си-фын Бу-лай'ем, но этим пришлось бы отнести рождение первого тангутского императора на 300 с лишним лет назад, что, конечно, невозможно.

Как бы там ни было, в конце X в. тангуты освободились от китайской зависимости и основали свое собственное государство и начали строить свою собственную культуру, об уровне которой мы можем судить по памятникам искусства, хранящимся в Государственном Эрмитаже, и письменным памятникам, хранящимся в Библиотике Института востоковедения Академии Наук.

Первым тангутским текстом, с которым пришлось столкнуться европейцам, была шестиязычная надпись на воротах Цзюй-юн-гуань, датированная 1345 годом, т. е. уже эпохой монгольского владычества, когда государство тангутов уже потеряло свою самостоятельность (последний факт произошел в 1226 г.). Не буду здесь приводить всей истории расшифровки тангутской письменности первого периода (с 1870 г.), скажу только, что известного французского ученого Эд. Шаванна, установившего приблизительное чтение некоторого количества тангутских идеографов (правда, в большинстве случаев мало актуальных), и Мориса, указавшего значения нескольких десятков тангутских идеографов и положившего начало грамматике языка, можно назвать родоначальниками тангутоведения. В 1908 г. наш известный путешественник П. К. Козлов привез из мертвого тангутского города в монгольской степи громадную библиотеку тангутских ксилографов и рукописей, переданных им на хранение в Азиатский музей Академии Наук. Фонд этот является до сих пор не превзойденным ни по количеству, ни по содержанию тангутским фондом. Среди привезенных Козловым ксилографов проф. А. И. Иванов обнаружил весьма нашумевший потом тангутско-китайский словарь «Чжан-чжун-чжу», часть которого он и издал. На основании его работы покойный американский ученый Б. Лауфер в 1916 г. определил место тангутского языка в ряду прочих индо-китайских аморфных языков, установил его близость к языкам Ло-ло и Мо-со и отнес эти три языка (Си-ся, Ло-ло и Мо-со) в одну группу, названную им группой Си-ло-мо. [1]

Английский ученый путешественник Aurel Stein, посетивший во время своей третьей экспедиции развалины Хара-Хото, откуда в свое время Козлов вывез свою ценнейшую библиотеку, также вывез в Англию значительное количество тангутских письменных документов, большинство из которых, если судить по опубликованным образцам, буддийско-религиозного содержания. Проф. P. Pelliot во время своей экспедиции тоже нашел некоторое количество тангутских документов. Мне лично приходилось видеть только фотографии нескольких фрагментов исключительно буддийского содержания. Китайской Бэй-пин'ской библиотеке и известному коллекционеру Ло Чжэнь-юй'ю тоже за последнее время удалось собрать значительное количество тангутских ксилографов и рукописей опять-таки почти исключительно буддийского содержания. В Китае часть буддийских тангутских книг поступила в продажу и была приобретена Киотоским университетом в Японии. Не считая нескольких цзюаней сутры Saddharmapuṇḍarīka из экземпляров Мориса, приобретенных Германией, в последней тоже есть несколько небольших фрагментов; из них некоторые были опубликованы Цахом. Последнее время над тангутскою письменностью работают главным образом китайские ученые, и в особенности Ло Фу-чэн и Ван Цзин-жу. Этими двумя учеными в 1932 г. был выпущен большой специальный тангутский номер «Бюллетеня Национальной Бэйпинской библотеки», в котором, между прочим, помещено несколько посмертных работ подававшего большие надежды младшего из братьев Ло, именно Ло Фу-чан'а. Ван Цзин-жу последнее время обращает на себя внимание своими работами по изучению тангутского языка и письменности и в особенности своей продуктивностью. Он, не считая отдельных статей, помещенных в разных журналах, в период

[1] Н. А. Невский. Очерк истории тангутоведения. Изв. АН СССР, 1931, № 1.

с 1932 по 1934 г. успел выпустить три больших тома своих «Shishiah Studies», насчитывающих около 1000 страниц. Но большинство его работ должно назвать скороспелыми и, в частности, почти все его расшифровки тангутских текстов большею частью страдают смешиванием одного идеографа с другим и поспешностью в заключениях. Американский ученый Wolfenden несколько лет тому назад написал небольшую статью в защиту префиксальных букв в тибетской транскрипции тангутских слов[1] на основании материала одной из моих старых работ, изданных еще в Японии.[2] Недавно он снова написал значительно расширенную работу на ту же тему, использовав почти весь опубликованный мною когда-то материал.[3] Работа сделана аккуратно, но со всеми его выводами согласиться, как мне кажется, невозможно.

Подводя итог всему, что сделано до сих пор учеными разных стран по расшифровке тангутской письменности, должно сказать, что сделано еще сравнительно очень мало. Наибольшие результаты достигнуты в области семантики тангутских идеографов, так как определено значение уже порядочного количества идеографов. Что касается анализа идеографов, долженствующего вскрыть структуру тангутской письменности, то в этом отношении, кроме попыток покойного Ло Фу-чан'а, не сделано почти ничего. Немногим лучше обстоит и вопрос с фонетикой. Хотя Ван Цзин-жу и пытается читать многие идеографы, но чтения эти совершенно не обоснованы, многие из них могут быть названы приблизительными, а многие даже просто выдуманными. Что касается грамматики языка, то в этом отношении, помимо старой работы Мориса, работы Ло Фу-чан'а и моей небольшой статьи о вспомогательных частицах в тангутском языке, не сделано ничего. Такое незначительное, сравнительно, количество добытых до сих пор результатов объясняется, с одной стороны, недостаточностью тангутских материалов как на Западе, так и в Китае и еще более их односторонним характером. Дело в том, что все тангутские фонды, за исключением нашего, почти исключительно состоят из буддийских произведений весьма одностороннего содержания. Научившись разбираться кое-как в небольшом количестве сутр, насыщенных весьма специфическим однотипным содержанием, исследователь не может приступить к чтению светского текста, так как неизбежно натолкнется на массу ему совершенно неизвестных идеографов

[1] Stuart N. Wolfenden. On the Tibetan Transcriptions of Si-Hia Words. CRAS, 1931.
[2] N. Nevsky. A Brief Manual of the Si-Hia Characters with Tibetan Transcriptions. Osaka, 1926.
[3] Stuart N. Wolfenden. On the Prefixes and Consonantal Finals of Si-Hia as evidenced by their Chinese and Tibetan Transcriptions. CRAS, 1934.

и будет стоять в тупике до тех пор, пока дальнейшее чтение сутр не даст исследователю нескольких новых идеографов, могущих помочь ему прочитать одну или две строчки светского текста.

Тангуты, как мы видели, для увековечения своего языка не воспользовались уже готовой идеографической письменностью своего великого соседа — Китая, как это было сделано, напр., корейцами, японцами и аннамитами, применившими эту письменность к своим языкам. Тангуты не воспользовались и алфавитным письмом Тибета, а подобно киданям и чжурчжэням решили и в этой области показать свою полную независимость и изобрели свое собственное письмо, бывшее идеографическим, как и китайское, но по своему внешнему виду бывшее гораздо более сложным, чем последнее. «It is perhaps the most complicated system ever invented by a human mind» — говорит по поводу этой письменности покойный Лауфер. Впрочем, анализ тангутской письменности нам ясно доказывает, что на изобретателя ее китайские идеографы и их структура оказали немалое влияние.

Показания китайских исторических трудов относительно изобретения тангутской письменности далеко не совпадают. Одни приписывают это изобретение второму тангутскому императору Ли Дэ-мин'у (Ляо-ши, Си-ся чжуань; Шу-ши Хуй-яо), другие — третьему императору, Ли Юань-Хао (1032—1048) (Сун-ши цзи-ши бэнь-мо; Лун-пин-цзи и Цзинь-ши, Си-ся чжуань), третьи говорят, что Юань-хао, лично изобретя тангутское письмо, поручил ученому Ели Жэнь-юн'у развить это изобретение (Сун-ши, Ся-го чжуань) и, наконец, четвертые приписывают изобретение письменности подданному Юань-хао, некоему Yü-ki или Ye-li Yü-ki, который, уединившись в верхний этаж высокого дома на целый ряд лет, наконец представил императору свой труд в законченном виде («Мэн-ци-би-тань» Сунского Шэнь Го и «Сюй-тун-чжи» Минского Ван Ци). Современные китайские ученые, придавая наибольшее значение данным Сунской истории, отождествляют Yü-Ki с Ели Жэнь-юн'ом и считают, что упомянутое некоторыми источниками имя Ли Дэ-мин'а является ошибочным вместо Ли Юань-хао. Отождествлению Yü-ki с Жэнь-юн'ом способствовало то обстоятельство, что в той же Сунской истории под 1162 г. говорится, что император Ли Жэнь-сяо пожаловал покойного изобретателя письменности Жэнь-юна титулом «Великомилостивого князя» (廣 惠 王). Вследствие того, что у нас нет тангутских исторических документов, освещающих факт изобретения письменности, в этом вопросе приходится опираться на показания китайских источников. Однако среди тангутских придворных од, о которых

я уже упоминал, оказалось одна в честь изобретателя тангутской письменности «учителя И-ри», как его называет эта ода.

Приведу ниже перевод этого текста, насколько это возможно при моем знании этой письменности.

Воспеваю церемонию.....учителя

1. Тибетец, китаец и Ми — у всех троих мать одна;
   Несходство речей у них — раздельность земель дала.
   На западе дальнем стоит край высокий Тибет,
   И в этом тибетском краю — тибетские знаки письма.
5. На крайнем востоке лежит в низинах страна Китай,
   И в этой китайской стране — китайские знаки письма.
   У каждого свой язык, и каждый любит его;
   Почтенье к своим письменам питает и тот и другой.
   У нас же, в нашей стране — великий учитель И-ри...
10. На небе звезда письмен — с востока она взошла,
    Письмо принеся с собой, она озарила закат.
    Набрав себе тысячи три и семьсот студентов, их выправил всех;
    Среди областей всей страны не сыщешь теперь такой, где бы море
    наук не подносили они.
    Под небом великим у нас читаются книги свои, и собственный
    свой этикет.
15. Не шли за Тибетом, и что ж? — пред нами склонился Тибет.
    На суше-земле у нас дела свои сами вершим, — и свой государ-
    ственный чин.
    Не подчинились Китаю, и вот — преклонился пред нами Китай.
    И даже, кроме того, как непрерывен у нас императорский род (?),
    Непрерывна чреда кандидатов ’mï-’ŋjä.
20. В различных приказах у нас, среди штата чинов
    Приказных чиновников больше всего из ’mï-’ŋjä.
    О всем этом ныне подумайте вы!
    Раз то не заслуга учителя, скажите же чья?

Судя по данной оде, фамилия изобретателя тангутской письменности была И-ри, что как-будто соответствует фамилии Е-ли китайских источников. Так как фамилия Е-ли была фамилией киданьской, то можно было бы предположить, что изобретателем тангутского письма был киданец. Однако фамилию И-ри мы находим в одном тангутском документе при перечислении чисто тангутских фамилий. Киданьскую же фамилию, как то следует из одной тангутской оды, тангуты тоже читали Е-ли или Ye-lü. Возможно, что китайские историки из-за отсутствия в китайском языке звука г смешали тангутскую фамилию Iгi (в китайском произношении i-li)

с киданьской Ye-li и изобразили ее теми же идеографами. Наша ода не дает имени изобретателя письменности, но так как заголовок говорит о какой-то церемонии в честь учителя Iгi, то можно предположить, что она составлена по случаю дарования Ели Жэньюн’у почетного посмертного титула, каковой факт имел место, как уже было сказано, в 1162 г., и в таком случае имя изобретателя окажется Жэнь-юн, причем это китайское сочетание как имеющее вполне определенный смысл и составленное в духе собственных имен должно рассматриваться как китайский перевод тангутского имени.

В только-что зачитанной оде мы видели следующие строфы:

«На западе дальнем стоит край высокий Тибет...
. . . . . .
На крайнем востоке лежит в низинах страна Китай»...

Этими словами сами тангуты отмечают естественное положение своего государства между двумя большими государствами того времени, Тибетом и Китаем. Такое соседство не могло не наложить своего отпечатка на жизнь и культуру тангутского государства. Можно было бы еще предполагать влияние культуры киданьской, но последнее едва ли было велико. Сами тангуты в одном из своих стихотворных произведений, «Крупинки золота на ладони», так характеризуют себя и своих соседей:

«’mï-’ŋjä (= тангуты) смело и бодро идут вперед,
Кидане ступают медленным шагом,
Тибетцы большею частью чтут будд и монахов,
Китайцы же все любят светскую литературу».

Тибет, повидимому, влиял на Тангутское государство своей религией — буддизмом, в то время как Китай, наиболее культурный из всех соседей тангутов, оказывал влияние на все «светские» стороны жизни. В Тибете в это время феодальные князья всячески покровительствовали провозвестникам этой религии, которыми часто бывали индусы, бежавшие из Индии. В это время усиленно переводилась в Тибете буддийская трипитака, что положило начало будущему Ганьчжуру. Тангутские императоры на манер тибетских князей стали усиленно насаждать буддизм среди своих подданных и, создав тангутскую письменность, вместе с императрицами и влиятельной духовной аристократией принялись за перевод буддийских произведений как с тибетского, так и с китайского языков.

Переводы с китайского языка объясняются тем фактом, что в Китае уже имелись переводы почти всей трипитаки, а в Тибете, повидимому, еще

нет. И для приобретения этой китайской трипитаки неоднократно тангутские императоры обращались в Китай и выменивали ее на коней и другие ценные подарки. Сами императоры, во всяком случае во времена императора Жэнь-сяо (1139—1194), были, повидимому, полудуховными правителями, ибо придворные оды величают своего императора «гуманным царем бодисаттвой» и даже «буддой — сыном неба». Судя по предисловию императора Жэнь-сяо к переводу сутры «Восхождения Майтреи на небеса Тушита», на определенных торжественных религиозных собраниях читалась трипитака на трех языках: тангутском, тибетском и китайском. Вышеназванная сутра была отпечатана на тангутском и китайском языках в количестве 100 000 экземпляров, а сутры Vajracchedikā, Пу-хянь хин юань пинь (普賢行願品) и Гуань-инь пу-мынь пинь (觀音普門品) — каждая по 50 000 экземпляров, которые раздавались верующим. Из этих цифр можно видеть, как усиленно проводился буддизм в стране.

Стараниями императоров, императриц и духовной аристократии, повидимому, была переведена если не вся буддийская китайская трипитака, то большинство ее. Обращаясь к коллекциям Азиатского музея, мы здесь находим переводы таких больших сутр, как Mahāprajñāpāramitā, Mahāratnakūṭa, Mahāparinirvāṇa, Mahāvaipulyabuddhāvataṃsaka, Buddhabhāṣitabuddhamatṛjatatridharmapiṭaka, Suvarṇaprabhāsa, а также Saddharmapuṇḍarīka, Vimalakīrtinirdeśa и много других мелких сутр, из которых можно отметить уже упоминавшиеся сутры «Восхождения Майтреи» и Vajracchedikā, имеющиеся в коллекции в виде ксилографов разного размера и шрифта. Некоторые томики вышеперечисленных сутр (в особенности это касается Mahāprajñāpāramitā) представлены в двойном и даже тройном количестве манускриптов, что доказывает, что это делалось из благочестивых побуждений к религиозному подвигу, так как почти все сутры предписывают верующим переписку сутр, обещая за это награду в будущей жизни. Такого рода переписка священного писания, предписываемая его составителями, в те века, когда еще не было печатания, конечно преследовала своею целью пропаганду этого писания и таким образом помогала жрецам в деле распространения религии, что должно было мало-помалу укреплять позиции жреческого сословия и улучшать его материальное благосостояние. Отделы трактатов (śāstra) и дисциплины (vinaya) в нашей коллекции представлены довольно слабо, и в большинстве случаев произведения этих отделов сохранились лишь в виде небольших неполных книг. Все же из этих отделов можно назвать Sūtrālaṃkāra, Mahāprajñāpāramitā śāstra, краткий комментарий на трактат относительно сутры Buddhāvataṃsaka (Nanjio № 1602), Yogācāryabhūmi, Трактат из десяти сомнений относительно Чистой страны (Nanjio № 1574). Общее введение к различным толкованиям по поводу происхождения dhyāna (Nanjio № 1647), Mahāyānābhidharmasaṇgitiśāstra, Abhidharma-nyāyānusāra-śāstra, Трактат о сокровищнице (Бао-цанлунь), Mūlasarvastivādanikāyamatṛka и Mūlasarvastivādaikaśatakarman и некоторые другие.

Все вышеперечисленные произведения являются переводом с китайского. На ряду с этим находим довольно большое количество произведений, переведенных и с тибетского языка. Из этого рода переводов, имеющихся в коллекции, можно назвать Ārya-aṣṭasahasrikāprajñāpāramitā, Ārya-mañjuśrī-nāma-saṁgīti, Pañcarakṣa, Bodhicaryāvatāra, Ārya-Prajñāpāramitāratnaguṇasaṁcayagāthānāma, Ārya-Prajñāpāramitāhṛdaya, Satyadvayāvatāra, Abhisamayālaṁkāra-Prajñāpāramitā-upadeśaśāstra-vṛtti, Nyāyabindu, Samādhisambhara-parivartta-nāma, Bodhi-cittotpādasamādāna-vidhi, Saptaguṇaparivarṇa-nākathā, Pratiṣṭhāvidhi, Vajrayānamūlāpatti-saṁgraha, Gaṇacakrapūjakrama, а также большое количество мелких произведений тантрического характера в виде sādhanā и всяких восхвалений тантрических богов вроде Hevajra, Saṁvara, Vajravarāhī и др. Имеются произведения, приписываемые почитаемому в Тибете Naropa, а также приписываемые знаменитому тибетскому Milarepa.

Помимо переводных буддийских произведений, тангуты писали и оригинальные, которые носили или мистический или созерцательный характер, или проповеднический, в чем можно усмотреть точную копию с Тибета, где в эту эпоху усиленного перевода буддийских произведений с санскритского языка буддизм еще не принял философского характера, а выливался главным образом в моральные проповеди и мистику. Тангутские буддийские авторы, по всей вероятности, подражали здесь образцам своих тибетских собратий, используя при этом в качестве иллюстрации китайские исторические факты.

Из писателей в проповедническом стиле можно назвать монаха по имени «Источник драгоценностей» (по-китайски Бао-юань) из храма «Великого спасения народа» (Да-ду-минь-сы), который был известен также как переводчик буддийских произведений на китайский язык (с санскрита?)

В нашей коллекции имеется небольшой томик его произведений, называемый «Сборник мудрости», который, судя по колофону, был отпечатан (ксилографическим путем) в 1188 г. Этот сборник заключает различного рода моральные проповеди в виде рассуждений о вреде пьянства, блуда, о женщинах-мирянках и пр.; при этом прозаические произведения

перемежаются стихами с моральной тенденцией. Для иллюстрации такого рода произведений позволю себе привести небольшое рассуждение вышеназванного автора «О женщинах-мирянках».

О мирских женщинах

Вообще на светских женщинах-мирянках масса прегрешений. Будда говорил, что их лживость превосходит мужскую. Одни из них мажут голову, красят лицо... прихорашиваются, другие, разодевшись в расшитую пеструю парчу, обольщают глупцов; иные жеманятся..., поглядывают искоса, напевают, смеются; иные, мелодично распевая изящные слова, наблюдают за зрителями (?), некоторые, выставляя грудь, берут за руку, понуряют голову и склоняют лицо, или же, плавно идя по дороге, колышут телом и любуются впечатлением, или же, подымая брови и напрягая зрачки, то грустят, то радуются, чем очаровывают глупцов и смущают сердца. Всех таких уловок и кокетства пересказать невозможно. Опьяняя глупый народ, заставляют его терять голову. Совсем как у злого разбойника, ухищрений у них масса, или же они подобны разукрашенной вазе с калом, вводящей в заблуждение человека, они подобны силкам, в которые попадаются птицы, они — словно сети, в которые ловится рыба, — как бы прикрытые ямы, в которые попадают слепцы, подобны костру, на который летят мотыльки, они — то же, что вонючий труп, на который слетаются мухи. Сближение с ними разрушает царства, соприкоснуться с ними — то же, что схватить ядовитую змею. На устах у них мед, а сердца — словно хищные птицы. Бедность и страданье семей — из-за женщин, уходят в пустыню и кончают с жизнью из-за женщин, в семьях разлад — из-за женщин, дети не почтительны (к родителям) из-за женщин, рознь между братьями — тоже из-за женщин, отчужденность близких — тоже из-за женщин, получение дурного возмездия (в будущей жизни) — тоже из-за женщин, невозрождение человека на небесах — тоже из-за женщин, преграждение пути к доброй карме — тоже из-за женщин и неполучение плода блаженства — тоже из-за женщин. Всех прегрешений этих не перескажешь. Живые существа таким образом поистине сожаления достойны, им не избежать вечного горения в огне геенны, а посему получение страданий не будет иметь конца.

Однако не все в тангутском государстве были монахами, не всех трогали проповеди монахов о бренности всего земного и поэтому не всех могли удовлетворить буддийские сутры, толкования на них, методы созерцания, правила жизни, предписываемые монахам. Тангутское государство было государство молодое, выбившееся из долгого закрепощения его Китаем. Поэтому тангутские императоры, стараясь обеспечить свою страну от вторичного закабаления ее Китаем, решили в первую очередь вооружить правящие классы китайским же оружием — идеологией и постепенно привить народу китайскую культуру. С этой-то, а не с какой-либо другой целью в 1145 г. в Тангутском государстве была учреждена ученая академия по образцу китайской, и ученые этой академии принялись за выполнение этой задачи, которое выразилось в усиленном переводе китайских книг. Здесь в первую очередь, повидимому, стали переводиться военные трактаты древних китайских стратегов. Эти древние военные трактаты, снабженные комментариями позднейших ученых, иллюстрировавшими все теоретические положения трактатов наглядными примерами из китайской военной истории, долгое время служили как в самом Китае, так и в других странах китайской культуры учебниками тактики и стратегии для военного сословия. Такого рода переводы должны были помочь тангутским императорам создать себе регулярную армию, которая могла бы вести правильную как наступательную, так и оборонительную войну с внешними врагами, в частности нападать на китайские провинции и обороняться от набегов монголов, и которая могла бы усмирять внутренние восстания, которых, судя по китайским источникам, в Тангутском государстве было не мало.

Из книг этого рода, имеющихся в нашей коллекции, можно отметить следующие:

1. «Военные тексты Сунь-цзы в трех комментариях», другими словами, перевод китайского классического военного трактата «Сунь-цзы» в комментариях Вэй(ского) Цао(-цао), Танского Ли Цюан'я и Танского же Ду-му (см. табл. I).

2. «Три тактики» Хуан Ши-гун'а с комментариями. Перевод другого китайского военного трактата, приписываемого некоему Хуан-ши-гун'у (см. табл. II).

3. «Шесть секретов» — перевод китайского военного трактата «Лю тао» без комментариев.

Все вышеприведенные три трактата представлены в коллекции ксилографами, что свидетельствует о распространенности данных книг и важности придаваемого им значения.

Помимо военных знаний, пересаживалась на тангутскую почву и китайская конфуцианская мораль, ставившая своею главною целью научить правителей править государством, а подданных подчиняться своим правителям. Начало переводам китайских классических книг, судя по Сунской истории, было положено тангутским императором Ли Юань-хао (1032—1048), будто бы переведшим с китайского языка на тангутский классическую книгу о сыновней почтительности, так наз. «Сяо-цзин», и древнейший классический словарь «Эр-я».

Из книг подобного рода в нашей коллекции можно назвать.

1) Вторичный перевод «Сяо-цзин'а» с комментариями. Вследствие того, что эта рукопись, сохранившаяся почти полностью (не хватает только конца последней XVIII главы), написана весьма беглым курсивом, переходящим в скоропись, читать ее очень трудно, и еще труднее было определить автора комментариев. Однако аккуратный разбор основного текста книги, оказавшегося так наз. «новым текстом» (цзинь-вэнь) Сяо-цзина, помог привыкнуть к почерку переводчика и разобрать предисловие автора. Судя по колофону предисловия, помеченному 2-м годом Шэн-шао (= 1095), автором комментариев был известный сунский ученый Люй Хуй-кин, представленный в китайском фонде Библиотеки Института востоковедения комментариями на Чжуан-цзы. Имя переводчика нигде не указано (см. табл. III).

2) Ксилографированный Лунь-юй или сборник бесед Конфуция с его учениками. Книга с комментарием, не совпадающим ни с одним из существующих китайских комментариев, хотя и опирающаяся на них. Так как книга имеется в коллекции не полностью, а лишь в некотором количестве значительных фрагментов, то трудно установить имя комментатора. Возможно предположить, что автором комментария, равно как и переводчиком основного текста, был тангутский министр и ученый Ва Дао-чун, относительно которого китайские источники говорят, что он написал комментарий на Лунь-юй под названием «Лунь-юй сяо-и» (см. табл. IV).

3) Рукописные фрагменты тангутского перевода «Мэн-цзы» с неустановленным комментарием (см: табл. V).

4) Фрагменты ксилографированного «Чжэн-гуань чжэн-яо» — труда Танского У Цзина, излагающего беседы китайского императора Тай-цзун'а с его приближенными в годы правления Чжэн-гуань (см. табл. VI).

Сюда же можно отнести перевод китайских книг более популярного содержания, вроде собрания различных исторических эпизодов из истории двенадцати удельных княжеств эпохи Чунь-цю (возможно, что это перевод сунской книги Ши-эр-го ляо-ши «Краткая история двенадцати царств»), или вроде перевода китайской книги Лэй-линь «Лес категорий» (имеются томы IV—X) разнообразного содержания (о верных вассалах, повстанцах, чародеях, известных монахах и пр.).

Тангуты и сами составляли сборники переводов из различных китайских книг, преследуя единую цель привить получающим образование китайскую конфуцианскую мораль. Таков, напр., рукописный сборник в нашей коллекции, носящий название «Вновь собранных записок о любви и сыновней

почтительности», представляющий собою компиляцию из различных рассказов о добродетельных сыновьях, братьях и женщинах — рассказов, разбросанных в китайских официальных династийных историях.

Составителем этой книжки был, повидимому, китаец, носивший имя 曹道安 Цао Дао-ань (или 道樂 Дао-ло). Оригинальные тангутские произведения этого типа недалеко ушли от подобного рода компиляций. Они полны выдержек и цитат из китайских классиков на моральные темы, и эти цитаты, между прочим, были также изданы ксилографическим путем в виде отдельной книги цитат.

К такого рода «оригинальным» тангутским произведениям можно отнести имеющиеся в нашей коллекции две книжки, носящие одно и то же название «Сборник доблестного (достойного) поведения». Один из них, повидимому, предназначался для самих императоров и высшей придворной знати, так как толкует о воспитании идеального в конфуцианском смысле государя, начиная чуть не с пеленок, о выборе ему воспитателей и пр.; второй же из этих сборников толкует о так наз. «благородном человеке» (цзюнь-цзы). Приведу для иллюстрации небольшой отрывок из этого второго сборничка.

Из книги «О достойном поведении»

«Не бывает, чтобы муж благородный (цзюнь-цзы) не чтил церемоний, не бывает, чтобы он не исполнял слова, не бывает, чтобы он был непочтителен к родителям, не бывает, чтобы он не верил в исполнение долга. Понимает он различие между умным и глупым и проводит разницу между правдой и кривдой. От требований многого сердцем не помутняется, из-за стремлений к выгоде не свершает ошибок, от хулы и похвал сердцем не меняется, из-за огорчений и не думает злобиться. Обладаемая им доблесть широка и обширна, сердечные стремления тверды и устойчивы. Потому-то и говорят, что он чист, как вода. Все это составляет сущность благородного мужа. Кроме того муж благородный в своем поведении подобен солнцу с луной и в своих способностях сходен с горами и долами, согласуется с четырьмя временами года и находится в гармонии с Небом-Землей. Он, как солнце с луной, что не светят пристрастно, он как зима и лето, что справедливы ко всем. Он словно горы и долы, что вмещают в себе целый мириад вещей. Благородному мужу, обладающему доблестью, все четыре страны возносят хвалы, владыке города, обладающему доблестью, хозяева домов выражают почет; сородича, обладающего доблестью, весь род уважает и чтит; если обычная семья обладает доблестью, то дом этот растет и процветает. У Неба нет близких, обладающему доблестью оно помогает. Ведь один стебелек ароматной травы не чета мириаду (сорных) трав. Все люди любят его.

Кроме того муж благородный из-за собственной выгоды на других не гневается, недостатки другого себе в достоинство не возводит, при унижении

другого себя не возносит, при порицании другого себя не восхваляет, с неподходящими людьми дружбу не ведет; по отношению к человеку, затаившему злобу, не ищет отмщения. С другой стороны, муж благородный от облагодетельствованного человека благодарности не ждет, неподходящими вещами не пользуется; без заслуг награды не принимает. Люди-предки в своем поведении действовали, лишь следуя доблести и искренности. Ныне же люди действуют исключительно обманом и фальшью. Из различных добрых деяний ни одного не свершают, в любом деле постоянно двойное сердце имеют. Добро и зло смешиваются, правда с кривдой идут вместе, чистое становится мутным, и кривое становится прямым. Все это — глупые и безумные люди. Хотя бы даже они уселись на высоком посту, они непременно станут источником несчастий и бед.

Помимо конфуцианских тангутами впитывались и даосские идеи, ибо цитаты из Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и Хуай-нань-цзы в обильном количестве встречаются в вышеупомянутом сборнике цитат. Помимо этого встречаются и переводы небольших апокрифических произведений, провозглашающих торжество даосских идей над конфуцианскими и выводящих Конфуция и его ученика Цзы-лу иногда в довольно смешном виде, — но таких произведений в нашей коллекции мало. Образцом этого рода литературы может служить 夫子和壇記 «Записки об алтаре примирения Конфуция».

Из других оригинальных произведений тангутов можно назвать «Море значений» (или смысла). К сожалению, книга имеется в нашей коллекции далеко не полная. Судя по оглавлению, это своего рода энциклопедия знаний, состоявшая из пяти томов, разбитых на 15 отделов, которые почти точно копируют состав китайских энциклопедий.

Приведу ниже краткое содержание каждого из них:

1) Небо, солнце, луна, звезды, планеты, созвездия.

2) Небесные явления, как то: облака, дождь, снег, град, гром, молния, радуга, ветер.

3) Понятие о годе и месяцах.

4) Земля и горы.

5) Флора.

6) Минералы, вода, лодки, мосты, поля, сельскохозяйственные орудия.

7) Злаки, драгоценности, материи.

8) Одежда, еда и напитки.

9) Фауна.

10) Правители страны (вдовствующая императрица, император, императрица, наследный принц, принцы крови, сановники).

11) Религия, правительственные учреждения, войска и оружие.

12) Постройки, города, посуда и утварь, орудия, меры и весы, упряжь, музыкальные инструменты.

13) Человеческие дела и градации людей.

14) Родство (сюда же относится и отдел о сыновней почтительности).

15) Мужчины и женщины (приводятся различные моральные категории), прислуга, дружба, богатство и бедность.

Как видно из этого оглавления, если бы книга сохранилась полностью, она могла бы дать многое для познания жизни Тангутского государства. Книга состоит из коротких (повидимому, стихотворных) сентенций, каждая из которых комментируется мелким шрифтом иногда очень подробно с массою примеров из тангутских и китайских книг. Для иллюстрации приведу короткую выдержку из фрагмента третьего отдела относительно месяцев.

Под восьмым (лунным) месяцем читаем: «В восьмой луне созревают плоды персика, шиповника, acacia catechu, виноград; косят зрелую коноплю и, поджарив плоды..., делают масло». Под одиннадцатым месяцем читаем: «Одиннадцатая луна относится к (цикл. знаку) крысе». Далее там же: «В средний день зимы наблюдают облака. Если цвет облаков желтый, то будет большой урожай, если зеленый, то в будущем году будут насекомые, если белые — то будут болезни и смерти, когда красные — будет война, когда черные — будет наводнение».

Наконец под двенадцатой луной в комментарии читаем: «Зимой в конце холодной (12-й) луны барсы и тигры спариваются — и в следующем году в седьмой луне производят потомство». Или там же: «Для будущего года на время работ по обработке земли чинят сельскохозяйственные орудия».

Судя по китайским историческим трудам, уже упоминавшийся мною министр и ученый Ва Дас-чун составил «Оракул к гаданию по И-цзину». И вообще, всякого рода гадания (мы уже знаем о гадании по облакам), повидимому, в Тангутском государстве процветали. В нашей коллекции мы имеем две-три рукописи относительно гадания по звездам и планетам. Одна из них, называющаяся «Сборник тайн пяти планет», судя по колофону, составлена в 1183 г. тангутом по фамилии Гу-лэ и по имени «Гуманный и мудрый» (仁慧). Среди коллекций Государственного Эрмитажа, привезенных тем же П. К. Козловым, мы находим рукописный фрагмент тангутского труда по физиомантии. В наших коллекциях тоже встречаются различные мелкие записки по всякого рода гаданиям, как то: гадание относительно пола утробного младенца, гадание по крикам ворона, пере-

числение стран света с указанием, когда и кому они приносят счастье или несчастье и т. д. Во всех этих гадательных произведениях чувствуется сильное влияние Китая и китайских гадательных систем. В нашей коллекции имеются образцы тангутского календаря. Тангутская медицина тоже находит небольшое количество своих представителей в нашей тангутской коллекции. Так, напр., имеется описание 紫菀丸 Цзы-юань-вань, т. е. «пилюлей из *Aster tartaricus*», рекомендуемых от всех болезней. Дается подробный рецепт с точным указанием количества составных частей и способа составления пилюли. Далее указывается, как надо принимать пилюли при тех или иных заболеваниях и, наконец, приводятся (китайские) исторические примеры исцеления болезни от данного лекарства. Кроме того мною обнаружен небольшой фрагмент по аккупунктуре. Оба этих медицинских произведения, если не точный перевод с китайского, то во всяком случае ясно, что основываются они на китайских источниках. Имеются далее книги с указанием рецептов для лечения лошадей; выбору лошадей тоже посвящено несколько работ. Далее, в нашей коллекции имеется весьма интересный труд, исследование которого должно осветить как государственный строй Тангутского государства, так и все людские взаимоотношения в нем. Я имею в виду «Измененный кодекс законов эпохи Небесного Процветания» (1149—1171), состоящий из 20 с лишком книг. Кодекс этот был составлен целой комиссией ученых. Упоминание нескольких переводчиков с китайского заставляет предполагать, что данный кодекс был переводом Сунского уложения, приноровленным к тангутской специфике.

Кроме этого ксилографированного большого труда, имеющегося в коллекции почти полностью, мы находим еще рукописные книги другого кодекса, носящие название «Новые законы» года обезьяны эпохи 光定 (=1212).

Переходя к тангутской поэзии, должно отметить влияние на нее поэзии китайской и тибетской. Наиболее распространенные размеры этого вида поэзии, повидимому, были пяти- и семисложные строфы. Существовала ли в этих стихах рифма, как в китайской поэзии, — пока не установлено тангутское произношение, ответить на это затруднительно. Из такого рода поэтических произведений можно назвать уже упоминавшееся мною произведение «Крупинки золота на ладони», представляющее собою стихотворное сочинение из пятисложных строф, состоящее из 1000 идеографов, которые за одним единственным исключением не повторяются по 2 раза. Книга, повидимому, предназначалась для начинающих изучать иероглифику с целью облегчения запоминания фонетической стороны идеографов, в чем можно усмотреть аналогию с китайским «Тысячесловием»

Цянь-цзы-вэнь, преследовавшим ту же цель. Однако тангуты предпочитали не однообразные пятисложные или семисложные строфы, а такие стихи, в которых обычно строго выдерживается параллелизм, но число слогов не обязательно одинаково в каждой строфе. Так мы имеем, напр., стихи такого размера: 7, 7, 10, 7, 7, 10, 10, 7, 7, 10, 10, 6, 11, 6, 11 и т. д., или другой пример: 6, 6, 11, 6, 6, 6, 7, 6, 7, 6, 6, 7 и т. д. Мы уже видели по цитированному выше переводу оды в честь изобретателя письменности насколько силен в этих одах параллелизм содержания. Тангуты в своей поэзии обильно пользовались китаизмами, китайской конфуцианской идеологией и не брезговали китайскими словами. Так, в этой поэзии мы часто сталкиваемся с именами китайских князей древности, считавшихся идеальными с конфуцианской точки зрения государями, как то: Яо, Шунь, Тан, У-ван, Чжоуский Вэнь-ван и пр. Из китаизмов можно назвать понятия «небо-земля», «восемь стран» (направлений), «четыре моря», «поднебесная», «мириад лет» (в значении «ура»), совершенный «светлый царь», «девятиярусный» (в смысле императорский дворец), «семизвездный ковш» (Б. Медведица) и др. Из китайских слов, встречающихся в тангутской придворной поэзии, отмечу «хун-ни» (радуга), зверь хе-чай,[1] трава кюй-и.[2] Наряду с китайской идеологией находим и идеологию буддийскую, выразившуюся в заимствованных из сутр понятий вроде гора Сумеру, мир саха, царь Брама, будда Майтрея, śali (шарира, мощи), дождь «сладкой росы» (т. е. amṛta), «три жизни» (три стадии существования), «закон златых уст» (т. е. религия Будды) и пр.

Приведу несколько выдержек из тангутской поэзии, напр.:

«Яо и Шунь были страшно добры, —
Не было слышно при них про отцов и братьев дурных;
Вэнь-ван из Чжоу любил веселиться с людьми,
Дети свои и дети других лицом ему были равны».

Или из другой оды:

«Среди тысячи миров нет подобного
Стране верховьев Белой с ее совершенным светлым царем.
Идея любви жизни у него от рожденья, она превыше небес.
Его поведенье с ненавистью к смерти, ни от кого не заимствованное — шире земли.

[1] Название легендарного единорога, умевшего отличать виновных от невинных; его изображение было символом судейской справедливости.

[2] Название легендарного растения, произраставшего во дворе «идеального» императора Яо и умевшего отличать коварных людей.

Среди столпов, что держат Небо, не найти клеветников;
Все вассалы, что служат государю, исключительно преданные.
В деле правленья страны единое стремленье — брать за образец Яо и Шуня.

В образе воспитанья народа нет иной мысли, как следовать пути Тан'а и У».

И далее:

«Под августейшим Небом все покорны ему,
На континенте-земле он единый владыка,
На царей (всех) восьми направлений гнева не подымает,
С народами четырех морей мир совместный берет».

Или, напр., такая ода:

«Некоторые цари-государи до крайности дошли:
Зверя хе-чай'я считая (символом) преданности,
На великой Небо-Земле у какого-то зверя ищут премудрости;
Про травку кюй-и говорят, что в ней-то сама почтительность,
И здесь они тоже у какой-то травинки ищут силы мышления.
Ныне царствующий святой государь на них не похож, по идеям обширен;
С пути своих предков отобравши хорошее, отстраняет плохое,
Знатного феникса он не считает знаменем счастья,
Мудрых и умных людей, почитая за счастье, встречает почетом;
Про червонное золото да белое серебро не говорит, что только они драгоценности,
Правдивые и преданные вассалы — вот драгоценность, так говоря, по всем правилам их подымает.
С августейшего Неба Звезда счастья, своим ухом внимая,
С сердцем довольства и радости на помощь государю приходит.
Из прекрасного рога высокий царский престол занимая,
Получай преимущества над государями стран!
Со счастливым народом обширной землей управляя,
Над прочими всеми царями доблестью славься и радуйся!

Особо должно отметить еще один вид поэзии, который я перевожу «изречения» и который облечен в пару строго параллельных строф с одинаковым количеством слогов, колеблющимся от 3 до 18 в каждой строфе. Наибольшее количество таких изречений имеет по 7 слогов в строфе. Эти изречения интересны тем, что в них, помимо тех или иных заимствований у соседних народов, можно распознать и образцы настоящего народного творчества или фольклора, выражающего народную мудрость. Они весьма напоминают наши пословицы. Подобного рода «изречения» попа-

даются там и сям в уже упоминавшейся мною книге «Море смысла», где они называются стихами, так что, повидимому, в них была и рифма. Вот несколько образцов из данной книги:

1) Умный человек женское поведенье в расчет принимает,
глупый человек женскою наружностью дорожит.
2) Обладающий скотом не богат, обладающий умом богат.
3) Старший брат род продолжает, младшие братья ночуют где попало.

Но в нашей коллекции есть и специальная книга, состоящая только из таких изречений. Судя по имеющимся в книге предисловию и послесловию, она была составлена в 1176 г. тангутским ученым Лян Дэ-Ян'ом 梁德養 (судя по фамилии и имени — китаец) из разбросанных в разных произведениях «изречений» и, повидимому, из существующих на устах людей пословиц. Но преждевременная смерть не дала составителю возможности увидеть его произведение напечатанным, тогда другой ученый по имени Ван Жэнь-чи 王仁持 проредактировал его произведение и издал в 1187 г. Вот образцы этих изречений из данной книги:

1) Как муравей ни старайся, на царя-льва похожим не станет.
Как муха не прихорашивайся, с златокрылой птицей видом не сравнится.
2) Не почтителен к отцу, к матери — страданья и несчастья умножатся.
Не почитаешь мужа ученого — успех и знанье уменьшатся.
3) Нет лучших близких, чем отец с матерью.
Нет мяса вкуснее, чем мясо на костях.
4) У разумного отца безрассудный сын на отце сидит; отец умрет, он вниз свалится.
5) У безрассудного отца разумный сын под отцем находится; отец умрет, он вверх вылезет.
6) Если в натягивании лука и стрельбе слаб, — стрелу не пускай.
Если речей говорить не умеешь, то рта не открывай.
7) (Человек) с жалованьем незначительным на государственной службе ревнителен;
Жена некрасивая мужу верна.
8) Неприкрашенные две красоты — зелень и молодость.
Неподмазанные две уродливости — бедность и старость.
9) Если у богатого скот еще не истощился, то когда неудачник-сын подрастет, исчерпаться будет нетрудно.
Если бедняк имущества еще не накопил, то когда удачливый сын родится, богатство недалеко.
10) Большое делая, — не торопись.
Далеко отправляясь, — не спеши.

11) Лед растает, вода появится.
Тучи рассеются, луна выглянет.
12) Птица усядется, — к ветру грудь выставит.
Рыба заснет, — против воды голову повернет.
13) Красоту любя, могущественным не станешь.
Соблюдая строгое приличие, доблести не достигнешь.
14) Непреложность смерти железом не свяжешь.
Быстротечность жизни пешком не догонишь.
15) Волк поест, — объедки оставит.
Вор унесет, — следы останутся.
16) У пристыженного двух лиц не бывает.
Умерший двумя жизнями не обладает.
17) На горе снег лежит, — значит высокая.
В человеке достоинство есть, — значит благородный.
18) Пожалеешь, — красиво оденешься.
Сэкономишь, — сладко поешь.
19) За добром зло тянется.
За красивым некрасивое стоит.
20) На голову не смотрят, на хвост смотрят.
Великого не почитают, ничтожного почитают.
21) Тысячи белых солнц материнская прелесть жарче.
Мириада красных месяцев отцовская мудрость светлее.
22) Посыльный жизни не жалеет.
Выпущенная стрела места не выбирает.
23) Дожди пятой луны деловые люди ненавидят.
Луну ночью воры не любят.
24) Вор и обманщик — одно слово.
Продавцу и торговцу — одна цена.

Особенно должно отметить в нашей коллекции обилие лексикографической литературы, что показывает, насколько был важен и актуален для тангутов всякий вопрос, связанный с их идеографической письменностью. Помимо уже упоминавшегося тангутско-китайского словаря Чжан-чжунчжу, в нашем фонде имеются всевозможные словари, начиная от словарей, недалеко ушедших от простого списка всех тангутских идеографов в известной фонетической последовательности, до словарей с подробным описанием расположенных по тонам и рифмам идеографов, описанием с точки зрения структуры идеографа, его семантики и его фонетики. Последняя поясняется тангутскими же идеографами по китайскому методу рассечения, т. е. фань-це. Аккуратное обследование всех этих фань-це с привлечением данных фонетических таблиц, составленных по китайскому образцу, поможет теоретически вывести и обосновать тангутскую фонетику для большей части идеографов. Этому обследованию фонетической стороны идеографов должны помочь также фрагменты тангутских текстов с тибетской транскрипцией, имеющиеся в нашей коллекции и в незначительном количестве в английской коллекции Aurel Stein'a в Британском музее.

Помимо всего прочего в нашей коллекции имеется немало официальных документов и долговых обязательств, имеющих историческое и экономическое значение, но так как все эти документы написаны тангутской скорописью, — они до сих пор были мне почти совершенно недоступны. Однако я надеюсь, что аккуратное исследование скорописи и методов сокращения идеографов на основании переводов с китайского или тибетского языков, оригиналы которых известны, постепенно прольет свет и на эти документы.

Из всего вышеизложенного, представляющего собою лишь краткое описание некоторой разобранной части тангутского фонда Академии Наук, надеюсь, ясно показывает, насколько ценен наш фонд для всестороннего изучения погибшего Тангутского государства. Фонд этот в несколько раз превышает количественно все мировые фонды, взятые вместе, а в смысле его внутреннего содержания не может даже и сравниться с прочими фондами.

В дальнейшем, мне кажется, работа должна пойти в направлении обследования и издания материалов, могущих пролить свет на тангутский язык, и в направлении обследования политико-экономических сторон бывшего государства, для чего в первую очередь должны быть привлечены для исследования своды тангутских законов.

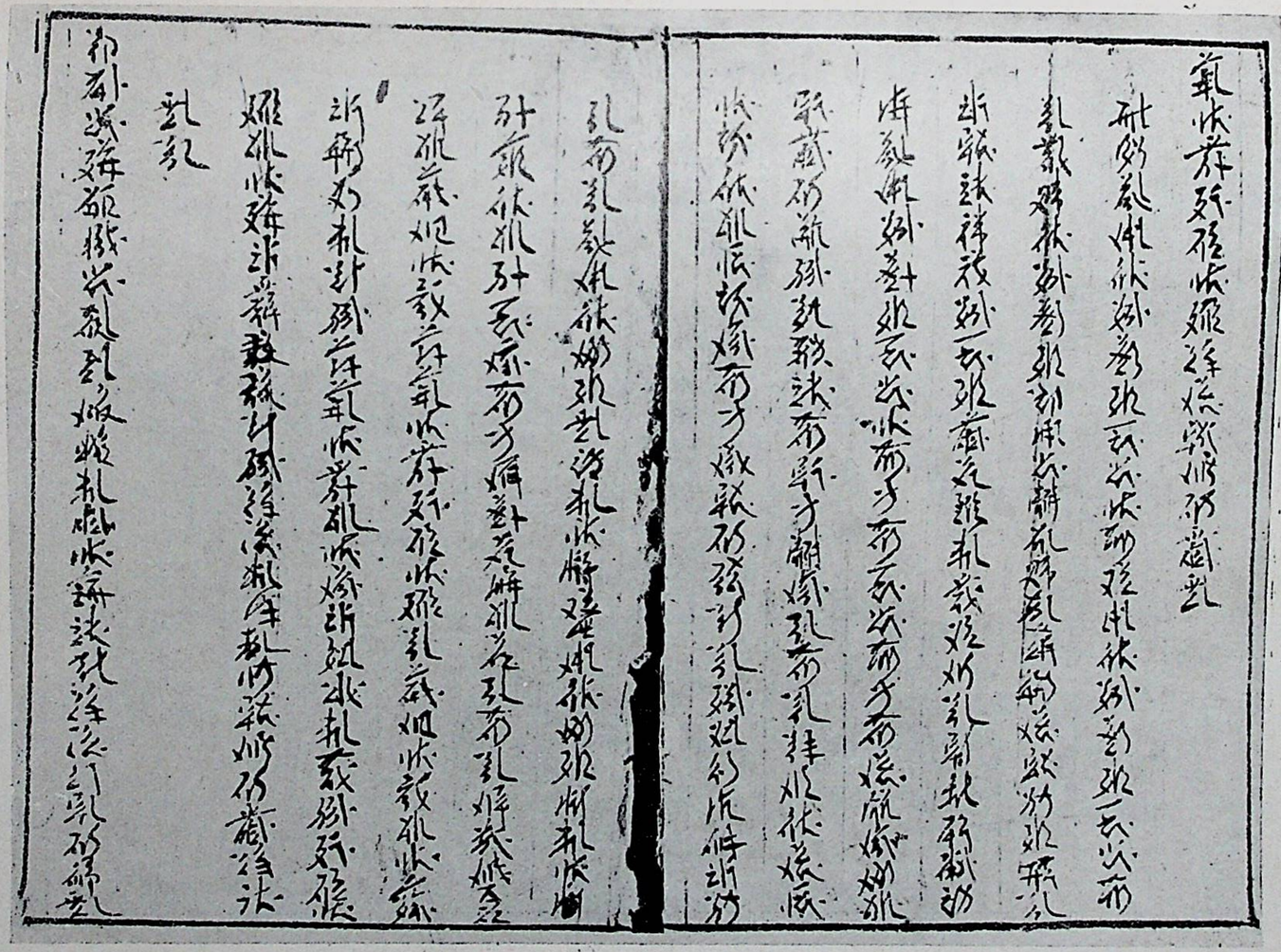
Март 1935.
Ленинград.

Таблица I

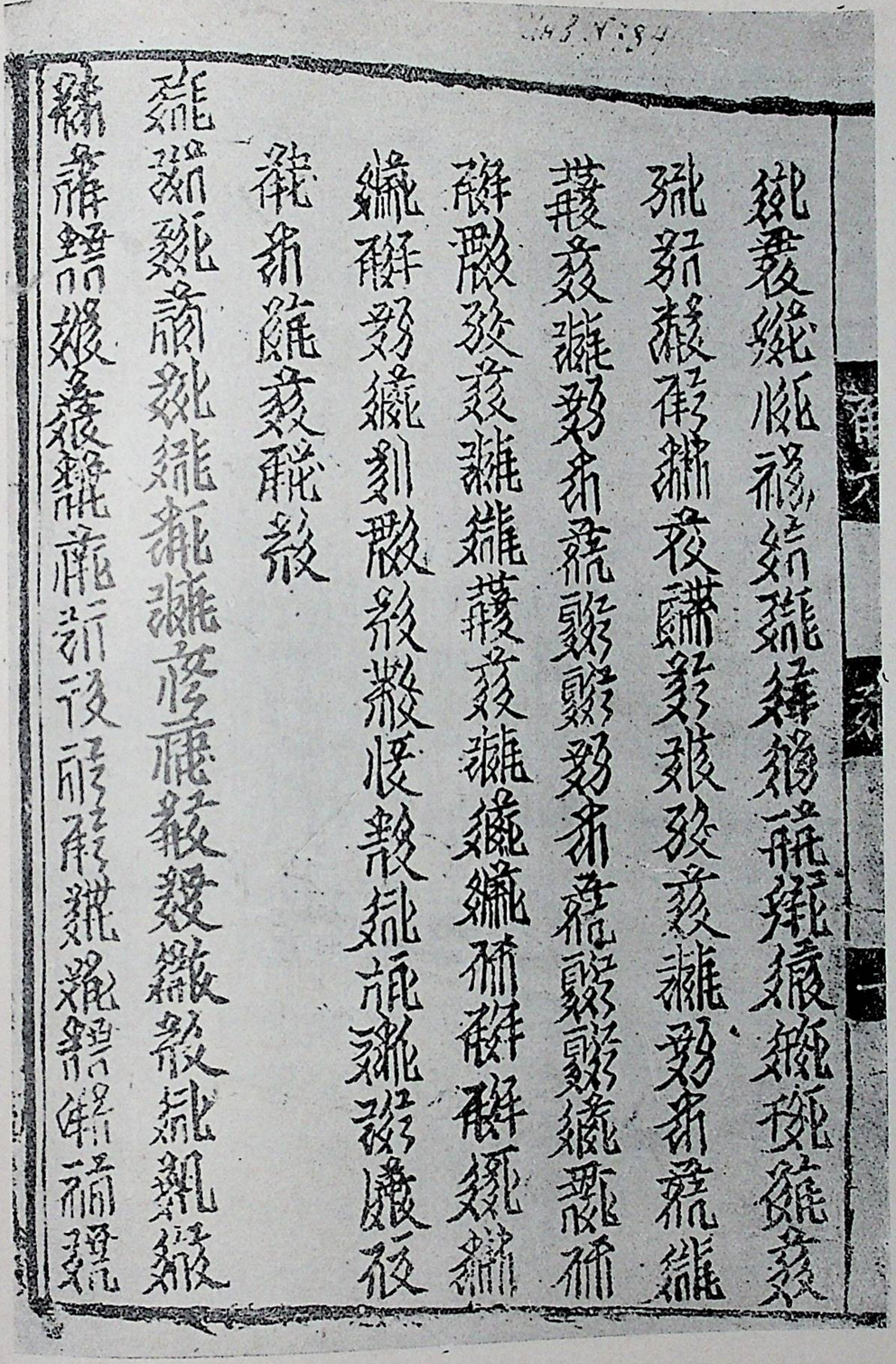
Лист из ксилографированного перевода «Военных текстов Сунь-цзы в трех комментариях».

Лист из ксилографированного перевода «Сань-лио» Хуан Ши-гун'а.

Таблица III



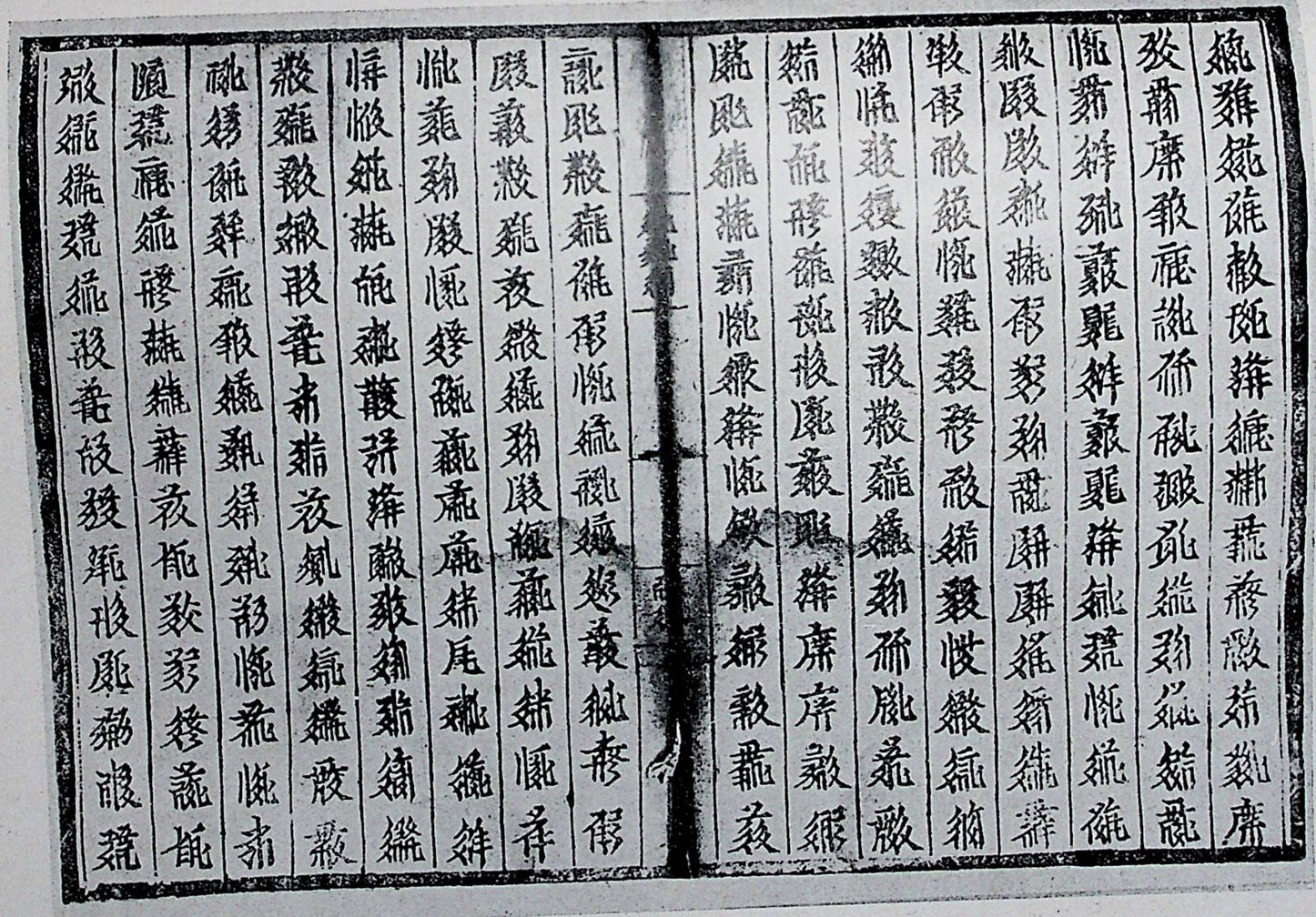
Лист из рукописного перевода «Сяо-цзин чжуань» Сун'ского Люй Хуй-кин'а.



Страница из ксилографированного перевода «Лунь-юй» с тангутским комментарием.

Один из фрагментов рукописного перевода «Мэн-цзы» с комментарием.

Таблица VI



Лист из ксилографированного перевода «Чжэн-гуань чжэн-ло».

А. П. БАРАННИКОВ

Легенды о Кришне

«BHĀGAVATA PURĀṆA» и «PREM SĀGAR» ЛАЛЛУ ДЖИ ЛАЛА

Из всех религиозных систем, которыми изобиловала Индия в прошлом и которые существуют в настоящее время, ни одна не нашла столь широкого выражения в художественной литературе Индии, как вишнуизм.

Туземные авторы относят возникновение вишнуизма к глубокой древности. Даже один из современных авторов, Babu Premanand Bharati,[1] относит деятельность Кришны, который почитается одной из аватар (воплощений) Вишну, к четвертому тысячелетию до н. э.

Однако Bhandarkar[2] в своем прекрасном исследовании о религиозных системах Индии показал, что вишнуизм оформляется как религиозная система одновременно с развитием буддизма. Между тем как буддизм первоначально нашел широкое распространение на востоке северной Индии, областью широкого распространения вишнуизма был запад северной Индии. Как известно, в конце первого тысячелетия н. э. вишнуизм вытеснил буддизм из Индии.

Несомненно, однако, что культ Вишну очень древний. Вишну, центральная фигура вишнуизма, выступает уже в Риг-Веде. A. A. Macdonell в своей «Vedic Mythology»[3] указывает, что Вишну в Риг-Веде[4] является одной из важных, но все же второстепенных фигур и носит характер солнечного божества: своими тремя шагами он обходит весь мир, причем первые два шага его доступны зрению смертных, третий же находится за пределами полета птиц.

В последующей литературе, напр. в Aitareya Brāhmāṇa (I, 1), в связи с развитием монотеизма, Вишну выступает в качестве высочайшего боже-

---

1 Babu Premanand Bharati. Sree Krishna, the Lord of Love, 1905, p. 29.

2 R. G. Bhandarkar. Vaisnavism, Çaivaism and minor religious Systems, Strassburg, 1913, p. 9.

3 A. A. Macdonell. Vedic Mythology, Strassburg, 1897. 37.

4 Rg-Veda, 1, 1555, VII, 992.

ства, чистого духа. В качестве высочайшего чистого духа Вишну выступает и в эпических поэмах — Махабхарате и Рамаяне, в Пуранах и во всей позднейшей литературе вплоть до настоящего времени.

Вопрос о том, каким путем Вишну, второстепенный член ведийского пантеона, возвысился до положения высочайшего божества, остается не выясненным. Мы наблюдаем только постепенное осложнение мало конкретного образа Вишну путем отожествления его с другими божествами и героями древней Индии.

В «Законах Ману» и в последующей литературе Вишну отожествлен с космическим божеством Нараяном, который представляется покоящимся либо на водах, либо в молочном море. В Bhāgavadgīta, создание которой относится обычно к IV в. до н. эры, Вишну отожествлен с Васудевом Кришной. В последние века н. эры и во всяком случае не позже I в. н. э. Вишну был отожествлен с Кришной пастухом (Kṛṣṇa Gopāla).

В дальнейшем с Вишну было отожествлено значительное число наиболее чтимых в Индии фигур. Так, наиболее известны частичные аватары Вишну — Рама, весьма популярный и чтимый герой древней и современной Индии; Капила, создатель философской системы Sāṅkhya, Будда и др.

Из всех аватар Вишну наиболее чтимыми являются аватары — Кришна и Рама, с образами которых связано множество разнообразных легенд.

Оба эти героя выступают в качестве аватар Вишну уже в крупнейших произведениях древнеиндийской литературы — в «Махабхарате» и «Рамаяне».

Общеизвестен факт, отмечаемый многими авторами, что оба эти произведения дошли до нас в тех редакциях, которые они получили в руках вишнуитов. Именно в состав Махабхараты входит «Бхагавадгита», в которой Кришна отожествлен с Вишну. Последняя книга «Махабхараты» «Harivaṅça» целиком посвящена Кришне.

Равным образом «Рамаяна» получила свою окончательную редакцию в руках вишнуитов; ее последняя глава, изображая Раму в виде аватары Вишну, целиком посвящена проповеди вишнуизма.

Хотя обе санскритские эпопеи в своей первоначальной редакции не были произведениями вишнуитскими, и Рама и Кришна в первоначальной редакции изображались лишь как великие герои, однако тот факт, что оба эти величайшие произведения древнеиндийской литературы, которые имели огромное значение для развития всей последующей индийской литературной традиции и на которых воспитывались индусы высших каст, дошли до нас

в тех редакциях, которые они получили от вишнуитов, свидетельствует о том, в какой мере мощным был вишнуизм как литературное явление.

Вишнуизм создал или переработал целую литературу пуран.

Пураны, т. е. сказания о древности, до настоящего времени мало изучены и привлекают мало внимания европейских исследователей, хотя имеют исключительное значение для развития последующей литературной традиции и для изучения индийских религиозных систем и индийской философии. Об огромном значении пуран говорят многие авторы. Недавно Глазенапп[1] в своей книге об индуизме говорит о них следующим образом: «На ряду с обеими поэмами (т. е. Махабхаратой и Рамаяной), пураны в настоящее время являются главным источником религиозных верований индусов, и их влияние на жизнь и мышление народа... огромно. Благодаря переводам на народные языки, их содержание стало известно в самых жалких хижинах и исполнение их профессиональными певцами познакомило с ними широкие народные массы неграмотного населения».

Причина малой популярности пуран среди европейских исследователей коренится в том, что над ними довлеет традиционная брахманская точка зрения, согласно которой пураны почитаются литературой второго сорта, так как чтение их дозволено низшим кастам и женщинам: пураны почитаются ведами низших каст. Из восемнадцати пуран, из которых некоторые достигают огромных размеров, девять посвящено Вишну и его аватарам.[2]

Эпос и пураны оказали огромное влияние не только на всю последующую религиозную жизнь Индии, но и на развитие всей последующей литературы на новоиндийских языках.

Почти все крупнейшие авторы всех новоиндийских литератур, ведущих свою непрерывную литературную традицию с X—XII вв., являются вишнуитами. Некоторые новоиндийские языки, как, напр., асами и урья, получили свое литературное оформление лишь в руках вишнуитских авторов.

Для иллюстрации указанного положения достаточно отметить, что на одном бенгальском языке[3] с XIV по XIX в. имеется восемь Рамаян и несколько десятков крупных произведений, посвященных Кришне. Аналогичное положение вещей наблюдается и в литературе хинди[4] и в маратской

[1] H. v. Glasenapp. Der Hinduismus, München, 1922, p. 201.

[2] a) Padma Purāṇa, b) Viṣṇu Purāṇa, c) Bhāgavata Purāṇa, d) Brahma vaivarta Purāṇa e) Vāraha Purāṇa, f) Skanda Purāṇa (частично), g) Vāmana Purāṇa, h) Kaurma Parāṇa, i) Garuda Purāṇā, k) Brahmaṇda Purāṇa.

[3] Dinesh Chandra Sen. History of Bengali Language and Literature. Calcutta, 1911.

[4] F. E. Keay. A. History of Hindi Literature. L., 1920.

литературе. Лирика крупнейшего поэта маратской литературы Тукарама насквозь пронизана идеями вишнуизма.

Названные факты, я полагаю, в достаточной мере иллюстрируют положение, что вишнуизм является религиозной системой, которая нашла наиболее широкое выражение в художественных литературах Индии. Мы можем добавить, что вишнуизм, насчитывающий в настоящее время свыше 200 млн. приверженцев, в течение многих веков находил широкое выражение не только в литературе, но и в других искусствах — в архитектуре, скульптуре, живописи и особенно в театральных зрелищах (так называемые Rāma Līlā, Kṛṣṇa-Līlā[1] и т. д.).

Из пуран, посвященных Вишну, наиболее важной и наиболее популярной является Bhāgavata Purāṇa. Эта пурана в прошлом столетии была издана с французским переводом. Первые три тома изданы E. Burnouf'ом, последние два тома Hauvette Besnault'ом.[2] Некоторые легенды, входящие в состав этой пураны, переведены A. Roussel'ем.[3]

В предисловии к первому тому Bhāgavata Purāṇa Е. Бюрнуф говорит: «После Вед, Рамаяны и Махабхараты нет произведений, пользующихся (в Индии) такой известностью как пураны, и среди восемнадцати пуран ни одна не пользуется бо́льшим уважением и известностью, чем Bhāgavata».[4] Этот факт подтверждается всеми последующими авторами, касавшимися вопроса о Bhāgavata Purāṇa. Несмотря на общепризнанное исключительное значение Bhāgavata Purāṇa, она до сих пор остается мало изученной.

Туземная традиция приписывает создание Bhāgavata Purāṇa, равно как и других пуран, Вьясе, легендарному автору Махабхараты. Однако в самой Индии давно был распространен взгляд, что автором ее является Vopadeva,[5] живший во второй половине XIII столетия. Этой традиции следовали Colebrooke, Wilson и сам E. Burnouf. Однако целый ряд данных позволил Bhandarkar'у, а за ним и I. N. Farquhar'у[6] отнести создание «Бхагаваты Пураны» к началу X в. н. эры.

---

[1] श्यामसुंदरदास. हिंदी भाषा और साहित्य, इंडियन प्रेस, लिमिटेड, प्रयाग, १६८७ प्रथम संस्करण।

[2] Le Bhāgavata Purāṇa, ou Histoire poétique de Krichna, Traduit et publié par M. Eugène Burnouf, T. I, MDCCCXL, T. IV M. Hauvette Besnault, Paris, MDCCCL XXIV.

[3] A. Roussel. Légendes morales de l'Inde, Paris, 1900.

[4] Le Bhāgavata Purāṇa, CII.

[5] Le Bhāgavata Purāṇa, LII.

[6] J. N. Farquhar. An Outline of the Religious Literature of India, Oxford, 1920, стр. 231.

Все авторы согласны с E. Burnouf'ом в том, что хотя «Бхагавата Пурана» является относительно поздним произведением, но в основе ее лежит старая, весьма древняя Пурана.[1]

Центральной и наиболее популярной книгой «Бхагаваты Пураны» является десятая, в которой описывается детство и юность Кришны. Ряд авторов, напр., H. v. Glasenapp,[2] J. N. Farquhar[3] и др., отмечает, что Bhāgavata Purāṇa переведена почти на все современные индийские языки.

Следуя широко распространенному взгляду, M. Winternitz[4] в третьем томе своего труда по истории индийской литературы говорит, что десятая книга Bhāgavata Purāṇa «была переведена на брадж, а в XIX в. с браджа была переведена Лаллу джи Лалом на хинди» и издана под названием «Прем Сагар» — «Океан любви». Называя «Прем Сагар» переводом десятой книги «Бхагаваты Пураны», M. Winternitz, сам не занимавшийся новыми литературами, не заглянул даже в историю литературы G. Grierson'а,[5] который говорит, что Лаллу джи Лал называет свое произведение переводом версии десятой книги «Бхагаваты Пураны», версии, написанной на языке брадж.

Совершенно очевидно, что M. Winternitz'у не было известно предисловие самого Lallū Jī Lāl'a, который говорит:[6] «Чатурбхудж Мишра перевел... на язык брадж сказание десятой главы славной Бхагаваты, сочиненной некогда Вьясадевом. Поэт шри Лаллу джи Лал, гуджаратский брахман, взяв его сущность и передав на языке *kharī bolī*, назвал «Prem Sāgar».[7]

Таким образом Лаллу джи Лал признает, что труд его является передачей сущности (सार) десятой книги «Бхагаваты Пураны», причем посредствующим звеном был труд Чатурбхудж Митры (XVI в.), в настоящее время утраченный.

Если бы даже Лаллу джи Лал назвал свой труд, пользующийся величайшей популярностью за свои высокие художественные достоинства, простым переводом, то каждый знакомый с традицией и принципами перевода на индийские языки должен отнестись к такому утверждению с большой

---

[1] Le Bhāgavata Purāṇa, CXII.

[2] H. v. Glasenapp. Hinduismus, 210.

[3] J. N. Farquhar. Op. cit., 297.

[4] M. Winternitz. Geschichte der indischen Literatur, Leipzig, 1920, стр. 590—591.

[5] G. Grierson. A. Modern Vernacular Literature of Hindustan, Calcutta, 1889.

[6] Lallū Lāl. Prem Sāgar. Ed. by E. B. Eastwick. Hertford, MDCCCLI.

[7] The Prem Sāgar or the Ocean of Love. A new edition by E. B. Eastwick. Hertford, MDCCCLI, 1 p.

осторожностью. Я имел случай отметить,[1] что рассказы Л. Толстого, «переведенные» современным романистом Прем Чандом на хинди, совершенно индианизированы и некоторые изменены настолько, что сохранена лишь общая идея. Равным образом рецензент переводов комедий Мольера на хинди говорит:[2] «Прекрасно то, что переводчик омолодил оригинал Мольера. Он внес также много комического и нравоучительного материала и тем увеличил занимательность произведения Мольера. Если бы Мольер был еще жив, он бы подпрыгнул от восхищения, увидев свое произведение в такой замечательной форме».

«Прем Сагар» известен в европейской литературе давно. Главнейшие легенды первой части его перевел Garcin de Tassy в своей «Истории литературы хинди и хиндустани».[3] Полный перевод Прем Сагара на английский язык дан несколько позже E. B. Eastwick'ом[4] и Pincott'ом.[5] В конце XIX в. появился также полный перевод на французский язык, исполненный E. Lamairesse'ом.[6] Даже беглое сравнение перевода Lamairesse'а с оригиналом показывает, что это не перевод, а пересказ «Прем-Сагара»; лишь немногие главы его переданы здесь с относительной точностью. Других отмеченных выше переводов «Прем Сагара» в Ленинграде, к сожалению, нет.

В европейской научной литературе имеются утверждения, высказываемые людьми, которые абсолютно незнакомы с так наз. новоиндийскими языками, что «Прем Сагар», равно как и другие так наз. «переводные» произведения новоиндийских литератур, являются простыми переводами санскритских произведений и потому не имеют серьезного значения. Эти утверждения, основанные на традиционной точке зрения брахманов, которые часто относятся с негодованием и презрением к литературной продукции низших каст, пользующихся новоиндийскими языками, ничем обычно не доказываются, принимаются за аксиому, и потому я считаю уместным на примере десятой книги «Бхагаваты Пураны» и «Прем Сагара» показать, в каком отношении стоят эти «переводы» к своим «оригиналам».

Это сравнение тем более необходимо, что даже некоторые авторы, исполнившие переводы с хинди и других новоиндийских языков, отмечая

---

[1] Зап. Коллегии востоковедов, т. II, вып. 2, Л., 1927, стр. 379.

[2] А. Баранников. Короткий начерк новоиндійських літератур, Лім, Харьков, 1933, стр. 85.

[3] Garcin de Tassy. Histoire de la littérature Hindoui et Hindoustani, т. II, Paris, MDCCCLXVII, p. 76—214.

[4] E. M. Eastwick. Prem Sagar, Hertford, 1851.

[5] Prem Sagar. Transl. by Pincott, Westminster, 1897.

[6] Le Prem Sagar. Traduit par E. Lamairesse, Paris, 1893.

пренебрежение, с которым в Европе относились лет 50 тому назад к новым индийским литературам, приступают обычно к своим переводам, испросив извинения у Вьясы и знаменитых индианистов за уклонение «с большой дороги санскритской литературы в проселочные дороги новоиндийских литератур».[1]

Основные моменты содержания десятой Книги «Бхагаваты Пураны» и «Прем Сагара» совпадают. Оба произведения говорят о жизни Кришны. Кришна родился в Матхуре. Из страха перед его дядей Кансой он сразу же после рождения был отправлен к пастуху Нанде, где и был воспитан. Уже в раннем детстве он совершает ряд великих подвигов. В детстве он отличается большим озорством, ворует у пастушек масло и простоквашу и своими грубыми шалостями вызывает их возмущение. Несколько позже он пасет телят и коров, продолжая совершать великие подвиги. Его любовь к телятам и коровам, а также пастухам, сильна настолько, что когда Брахма хочет испытать его и уводит всех телят и пастухов, то Кришна, оставаясь самим собою, в то же время эманирует из себя телят и пастухов и долгое время пребывает в таком состоянии. Подвиги Кришны проявляются не только в победах над демонами, которых посылает царь Канса с целью погубить Кришну, но также и в его борьбе со всеми божествами ведийского пантеона. Кришна-пастух без труда посрамляет Брахму и заставляет его признать свое полное ничтожество. Он уничтожает культ Индры и побуждает пастухов отказаться от всех богов, культ которых установлен высшими кастами. Так как пастухи зависят от своих стад, то, учит Кришна, пастухи должны поклоняться лишь лесу и горам, которые дают траву стадам. Равным образом он без труда заставляет склониться перед собою Варуну, бога вод, и Яму, бога преисподней. После жестокой борьбы он побеждает, наконец, и посрамляет Шиву, одного из крупнейших богов послеведического пантеона. Параллельно с этой борьбой с многочисленными демонами и богами Кришна пастух совершает поступки, исключительные по своему озорству. Так, однажды он ворует одежды у купающихся в Ямуне пастушек и заставляет каждую из них подойти к нему с поднятыми руками. Кришна-пастух выступает не только против богов высших каст, против традиционной религии, но и против морали высших каст. В юности он по ночам водит свои знаменитые хороводы с пастушками, причем в этих хороводах выступают преимущественно замужние пастушки, уходящие от своих мужей.

---

[1] Krichna et sa doctrine. Bhagavata Dasam Askand. Dixième livre du Bhagavata Purana. Traduit par Th. Pavie, Paris, MDCCCLII, p. 6. ss.

Впоследствии вызванный ко двору своего дяди Кансы в город Матхуру, Кришна после страшной борьбы убивает Кансу, садит на престол его отца Уграсену, а сам делается его первым богатырем и правителем царства. Родовитые цари не хотят видеть у власти Кришну-пастуха и ополчаются против него, выступают с многомиллионными армиями. Кришна побеждает всех их и совершает множество разнообразных подвигов и чудес. Видя, однако, что борьбе нет конца, он переносит свою столицу в новый город Дварку, которую божественный архитектор Вишвакарма создает для него посреди океана. Туда было перенесено и все население Матхуры. Обосновавшись в неприступной Дварке, Кришна продолжает вести войну с царями и богами. Он много воюет из-за жен, число которых достигает 16 108. Кришна сам принял 16 108 образов и счастливо проживает с ними. В дальнейшем он выступает как крупный политик, не брезгающий никакими средствами для достижения своей цели — объединения Индии и распространения вишнуизма. Из 11 книг «Бхагаваты Пураны» мы знаем, что Кришна умер от стрелы дикаря, попавшей в ступню.

В обоих произведениях Кришна-пастух и Кришна-политик представлен в качестве высочайшего божества, полного воплощения Вишну.

Уже давно, начиная с Weber'a, целым рядом исследователей было указано, что образ Кришны крайне сложный. В последний раз об этом говорили J. Kennedy[1] в своих двух статьях,[2] J. N. Bhattacharya,[3] A. B. Keith[4] и N. Macnical.[5] Указанные авторы отметили, что под именем Кришны объединены два совершенно отличных образа, а именно: 1) Кришна, герой «Махабхараты» и второй части «Бхагаваты Пураны», храбрый воин, крупный политик, не брезгающий никакими средствами для достижения своей цели и 2) Кришна-пастух.

Кришна-пастух обычно почитается одним образом. Однако даже сравнение образов Кришны, имеющихся в санскритских памятниках, показывает, что мы должны различать по меньшей мере два литературных образа Кришны-пастуха: Кришну-пастуха «Бхагаваты Пураны» и Кришну-пастуха «Гитаговинды» Джаядева. Общее между этими образами лишь то, что оба они называются пастухами. В остальном они совершенно различны: для Кришны-пастуха Джаядева, его хороводы с пастушками и его игры с пастушкой Радхой — все; для Кришны-пастуха «Бхагаваты Пураны», его хороводы небольшой и мало значительный эпизод.

[1] J. Kennedy. The Child Krishna, Christianity and the Gujars. JRAS, 1907, pp. 851—992.
[2] J. Kennedy. The Child Krichna and his Critics. JRAS, 1908, pp. 505—521.
[3] J. N. Bhattacharya. Hindu Castes and Sects, Calcutta, 1894, p. 423.
[4] A. B. Keith. The Child Krichna. JRAS, 1908, pp. 161—175.
[5] N. Macnical. The Origin of the Krishna Cult. JRAS, 1913, pp. 145—151.

В виду того, что первая часть «Бхагаваты Пураны» и «Прем Сагара», т. е. сказание о Кришне-пастухе, представляет совершенно самостоятельную тему, имеющую большой интерес с художественной и историко-литературной точки зрения, я привлеку к сравнению главным образом первые части «Бхагаваты Пураны» и «Прем Сагара».

Поверхностный просмотр «Бхагаваты Пураны» и «Прем-Сагара» показывает, что эти произведения весьма близки. Различие лишь в том, что в первой главе «Прем Сагара», разъясняющей причину и сюжет повествования, передаются некоторые моменты из других книг «Бхагаваты Пураны», и потому первой главе десятой книги «Бхавагаты Пураны» соответствует вторая глава «Прем Сагара» и т. д. По своему основному содержанию почти каждая глава «Прем Сагара» совпадает с соответствующей главой «Бхагавата Пураны». Этим устанавливается несомненная связь между «Прем Сагаром» и «Бхагаватой Пураной».

Однако даже чтение одного лишь текста «Прем Сагара» заставляет нас усомниться в том, что «Прем Сагар» является точным переводом «Бхагаваты Пураны». В начале «Прем Сагара», в четвертой главе его, имеется упоминание о пушке, в тридцатой главе упоминается знаменитый поэт литературы браджа Бихари Лал, живший в XVII столетии. Совершенно понятно, что в тексте «Бхагаваты Пураны», относимой к X в., этих упоминаний нет и не могло быть.

Сличение текста обоих памятников показывает, что хотя оба памятника в основном описывают одни и те же события из жизни Кришны и почти в той же самой последовательности, эти описания сделаны по-разному, и ни одна строчка «Прем Сагара» не представляет точного перевода «Бхагаваты Пураны».

Для примера возьмем IV главу «Прем Сагара» и соответствующую ей по содержанию III главу «Бхагаваты Пураны».

В начале этих глав дается описание природы, ликующей перед рождением Кришны, однако эти описания в обоих произведениях совершенно различны.

Далее в «Прем Сагаре» Васудев, отец Кришны, увидев рожденного бога, говорит ему: हमारे बड़े भाग जो आप ने दर्शन दिया और जन्म मरण का निबेड़ किया[1] т. е. «Велик наш жребий, коль ты виденье дал нам и положил предел

[1] श्री पण्डित लल्लू लालजी कृत प्रेमसागर, изд. हरिप्रसाद भगीरथ जी, бомбей, संवत् १९०६, p. 26.

рождению и смерти». В «Бхагавате Пуране» слово Васудева дано в весьма пространной форме, охватывающей 10 шлок. Васудев держит перед новорожденным Кришной философскую речь, в которой определяет сущность божества и его отношение к миру. Засим в «Бхагавате Пуране» далее следует аналогичная речь Деваки (матери Кришны), речь, которая совершенно отсутствует в «Прем Сагаре». В «Бхагавате Пуране» новорожденный Кришна напоминает Деваки и Васудеву о своих прежних аватарах.

Вместо того в «Прем Сагаре» Кришна лишь сообщает родителям, что он родился для устранения страданий своих последователей и просит отправить его в Гокуль, к пастухам Нанде и Яшоде. Далее в «Прем Сагаре» приводится беседа Кришны, Деваки и Васудева о том, как спасти Кришну от царя Кансы. Деваки вспоминает об обещании пастушки Яшоды спасти ее (Деваки) сына и просит Васудева отнести сына к пастуху Нанде, супругу Яшоды. Эта беседа, равно как и встреча Деваки с Яшодой, описанная в предшествующей главе «Прем Сагара», в «Бхагавате Пуране» отсутствует.

Даже одни и те же события часто описываются совершенно различно в «Бхагавате Пуране» и «Прем Сагаре».

Так, напр., в обоих произведениях пастухи и пастушки приходят поздравлять Нанду с рождением сына (V глава «Бхагаваты Пураны» и VI гл. «Прем Сагара»). Но в «Бхагавате Пуране» пастухи и пастушки являются одетыми с царственной роскошью. Совершенно иное мы читаем в «Прем Сагаре», а именно:

जितने गोकुल के गोप ग्वाल थे वे भी अपनी २ नारियों के शिर पर दहेंडियां लिवाये, भांति भांति के भेष बनाये नाचते गाते नंद को बधाई देने आये। आते ही ऐसा दधिकांदौ किया कि सारे गोकुल में दही कर दिया।[1]

«Все пастухи, что были в Гокуле, поставили на головы своих супруг кувшины с кислым молоком, все нарядились по-разному и с пеньем и пляской пришли поздравить Нанду. Придя к нему, они устроили такую дадхикандау, простоквашную игру, что потонул весь Гокуль в кислом молоке».

Весьма важно отметить, что в «Бхагавате Пуране» нет никакого упоминания об этом моменте, меж тем как дадхикандо, обливание друг друга кислым молоком, есть весьма древний народный обычай, связанный с праздником рождения Кришны и соблюдаемый с древнейших времен по настоящее время.

[1] प्रेमसागर, p. 22.

Сравнение описания праздника рождения Кришны показывает, что пастухи в «Бхагавате Пуране» и пастухи в «Прем Сагаре» принадлежат к разным социальным классам: меж тем как в «Прем Сагаре» они остаются простыми пастухами, в «Бхагавате Пуране» они превращены в богачей, одетых с царственной роскошью.

В отношении перенесения Кришны и окружающих его пастухов в иную социальную среду весьма характерны главы, где изображается детство Кришны. В «Бхагавате Пуране» Яшода, приемная мать Кришны, и Рохини, мать брата Кришны, забросили все дела и занимаются только тем, что с нежной заботливостью следят за своими детьми. Иное в «Прем Сагаре». Здесь мы читаем, что Кришна и его брат Балорам

नीले, पीले झँगुले पहने, माथे पर छोटी छोटी लटुरियां बिधुरी छुई तांइत गंडे बांधे कठुले गले में डाले, खिलौने हाथ में लिये, खेलते आंगन के बीच घुटनों चल चल गिर पड़ें और तोतली तोतली बातें करें। जब छोटे छोटे बछड़ों और बछड़ियोंकी पूंछ पकड़ पकड़ उठें और गिर पड़ें तब यशोदा और रोहिणी अतिप्यार से उठाय छाती से लगाय दूध पिलाय भांति भांति के लाड़ लड़ावें।[1]

«Одеты оба в синие, желтые рубашонки, в мелких локонах вся голова, на шее в лентах амулеты, заклинанья, украшенья, в руках игрушки. Так они играли во дворе и ползали повсюду, лепетали беспрерывно. Когда они ручонками своими хватались за хвосты малюсеньких телят и на ножонках поднимались и падали потом, тогда Яшода с Рохини с любовью брали их, прижав к груди ... ласкали».

Далее «Бхагавата Пурана» лишь упоминает о том, что Кришна в детстве воровал у пастушек сметану, масло, простоквашу и молоко. В «Прем Сагаре» дается целая сцена, изображающая деревенских мальчишек, которые во главе с Кришной забираются в чужие дома, и сцена того, как Кришна был пойман на краже.

В XI гл. «Бхагаваты Пураны» упоминается о том, что Кришна с братом Баларамом пасли сначала телят, а затем коров.

В «Прем Сагаре» этому упоминанию соответствуют целые сцены, представляющие большой интерес.

जब श्रीकृष्ण पांच वर्ष के हुए तब मा से कहने लगे कि मा! मैं बछड़े चरावने जाऊंगा तू बलदाऊ से कहदे कि मुझे बन में अकेला न छोड़ें। वह बोली—पूत! बछड़े चरावने वाले बहुत हैं दास तुम्हारे तुम मत पल ओट हो मेरे नयन आगे से प्यारे। कान्ह बोले—जो मैं बन

[1] प्रेमसागर p. 28.

में खेलने जाऊंगा तो खाने को खाऊंगा नहीं तो नहीं। यह सुन यशोदा ने ग्वाल बालों को बुलाय कृष्ण बलराम को सौंप कर कहा कि तुम बछड़े चरावने दूर मत जाइयो और सांझ न होते दोनों को संग ले घर आइयो बन में इन्हें अकेले मत छोड़ियो।

«Когда пять лет исполнилось шри Кришне, то матери своей он так сказал: «Матушка! Я пойду пасти телят. Скажи ты Баладау, чтобы он не оставлял бы одного меня в лесу». Она сказала: «Сынок. Ведь для телят у нас есть много пастухов. Ни на минуту ты не удаляйся с глаз моих, мой милый». Кришна молвил: «Коли пойду я в лес, то буду кушать, не то не стану ничего я есть». Услышав это, мать Яшода позвала немедля пастухов и, им вручая Кришну с Баларамом, молвила: «Телят пасти теперь вы не ходите далеко. Смотрите же, до сумерек с обоими все возвращайтеся домой. В лесу не оставляйте их одних».[1]

Равным образом простое упоминание «Бхагаваты Пураны» о том, что оба брата были признаны способными пасти коров, в «Прем Сагаре» является в развернутой и драматизованной форме.

जब श्रीकृष्ण आठ बर्ष के हुए तब एक दिन उन्हों ने यशोदा से कहा कि मा मैं गायें चरावन जाऊंगा! तू बाबा से समझाय कर कह जो मुझे ग्वालों के साथ पठायदें। सुनते ही यशोदा ने नंद जी से कहा। उन्हों ने शुभ मुहूर्त ठहराय ग्वाल बालों को बुलाय कार्तिक शुद्धि आठें को राम कृष्ण से खिरक पुजवाय विनती कर ग्वालों से कहा कि भाइयो! आज से गौ चरावने अपने साथ राम कृष्ण को भी ले जाया करो! पर इन के पास ही रहियो बन में अकेले को न छोड़ियो। ऐसे कह छाक दे कृष्ण बलराम के दही का तिलक कर सब के संग विदा किया। वे मगन हो ग्वालबालों समेत गायें लिये बन में पहुंचे।[2]

«Когда шри Кришне восемь лет исполнилось, тогда однажды он сказал Яшоде: «Матушка! Теперь уж я пойду коров пасти. Ты батюшку уговори, чтобы отпустил меня он с пастухами в лес». Услышав это, Яшода сообщила Нанде джи. И он, установив счастливый час, созвал всех пастухов и в месяц картик, в восьмой день светлой половины, велел шри Кришне с Рамой хлеву пуджу совершить, затем почтительно он обратился к пастухам: «Братцы, с сегодняшнего дня, когда вы отправляетесь коров пасти, с собой берите Раму с Кришной, но не спускайте с глаз своих, в лесу не оставляйте их одних». Сказавши так, он Кришне с Баларамом из простокваши сделал тилак, завтрак дал и отпустил их с пастухами. Они в восторге с пастухами погнали в лес коров».

[1] Премсагар, p. 41.
[2] Премсагар p. 75.

Таким образом в «Прем Сагаре» Кришна выступает как подлинный пастух. Он посвящается в это звание, делается полноправным членом касты пастухов, предварительно совершив поклонение хлеву.

С представлением о Кришне как о простом пастухе логически более согласны и отдельные моменты сказания обоих памятников. Так, младенец Кришна, едва научившийся ползать, надолго остается посреди двора привязанным к ступе, предоставленный самому себе. Очень трудно представить себе в таком виде царевича, окруженного царственной роскошью, каким изображает Кришну «Бхагавата Пурана».

Правда, и Лаллу джи Лал, автор «Прем Сагара», почти в каждой главе говорит, что Кришна есть высочайшее божество, воплощение Вишну, что он явился в мир с целью «облегчить бремя земли», погубить злых и спасти добрых, но это пастухи постигают только в короткие моменты просветления, обычно же Кришна изображается простым пастухом.

В «Бхагавате Пуране» Кришна всегда остается богом, и потому автор ее иногда оказывается в большом затруднении при изображении некоторых «подвигов» Кришны. Такова, напр., исключительная по своему озорству сцена похищения одежд у купающихся пастушек. В «Бхагавате Пуране» Кришна, унеся одежды пастушек, сам зовет их и вручает им одежды. Они, видя в Кришне божество, без больших колебаний приближаются к Кришне.

В «Прем Сагаре» Кришна прячется на дереве, и пастушки, увидевшие его, осыпают его руганью и угрозами и, только видя свое безнадежное положение, решаются подойти к Кришне за своими одеждами, постигнув только в этот момент, что Кришна — бог.

В знаменитых сценах хороводов Кришны с пастушками в «Бхагавате Пуране» (гл. 29) Кришна, вызвавший звуками своей свирели пастушек в лес от их мужей, обращается к ним с речью, вполне согласной с ортодоксией. В «Прем Сагаре» (гл. 30) Кришна сначала говорит вполне ортодоксальную речь в согласии с «Бхагаватой Пураной»:

रात समय इस महाबन में तुम कैसे आईं? ऐसा साहस करना नारियों को उचित नहीं स्त्री को कहा है कि कायर, कुमति, क्रूर, कपटी, कुरूप, कोढ़ी, काना, अंधा, लूला, लँगडा, दरिद्री कैसा ही पति हो पर उसे उस की सेवा करनी योग्य है। इसी में उनका कल्याण है और

जगत में बड़ाई। कुलवती पतिव्रता का धर्म है कि पति को क्षण भर न छोड़े। और जो स्त्री अपने पुरुष को छोड़ परपुरुष के पास जाती है सो जन्म जन्म नरकबास पाती है।[1]

„Зачем вы в этот страшный лес пришли в ночное время... Такую смелость проявлять не подобает женщинам. Ведь сказано жене: «Хотя бы трус, порочный иль жестокий, хотя бы лживый, безобразный, прокаженный, иль кривой, слепой, хромой, калека, хотя бы бедный — каков бы ни был твой супруг, но надлежит жене ему служить. Лишь в этом счастие ее и слава в мире. Ведь долг жены, принадлежащей роду, преданной супругу — ни на мгновенье не оставлять супруга своего. А если же супруга, оставив мужа своего, идет к иному мужу, она во множестве рождений будет обитать в аду".

После этой ортодоксальной речи, которая в данной обстановке звучит издевательством над ортодоксальной моралью высших каст, Кришна в «Прем Сагаре» продолжает:

तुम ने आय सघन बन निर्मल चांदनी और यमुना तीर की शोभा देखी। अब घर जा मन लगाय कांत की सेवा करो। इसी में तुम्हारा सब भांति भला है।[1]

«Вот вы сюда пришли, полюбовались частым лесом, чудесным лунным светом и красой Ямуны... Теперь все отправляйтесь по домам и там служите все прилежно своим мужьям».

В ответ на это в «Прем Сагаре» пастушки обращаются к Кришне с упреками: तुम बड़े ठग हो «Жестокий ты обманщик...» В «Бхагавате Пуране» нет ни последних слов Кришны, ни упреков пастушек.

В известной сцене уничтожения культа Индре и принесения жертвы горе Говардхану в «Бхагавате Пуране» Кришна, обращаясь к Нанде, говорит (глава 24 «Бхаг. Пур.»):

न नः पुरो जनपदा न ग्रामा न गृहा वयं।
नित्यं वनौकसस्तात वनशैलनिवासिनः॥ २४॥
तस्माद्वयं ब्राह्मणानामद्रेश्चारभ्यतां मखः।[2]

«У нас нет ни городов, ни деревень, ни сел, ни домов, мы дикие, отец, и живем лишь в лесах и городах... Одним лишь коровам, брахманам и этой горе мы должны поклоняться...»

[1] प्रेमसागर, p. ७१.
[2] Le Bhāgavata Purāṇa. T. IV par M. Hauvette Besnault, Paris MDCCC LXXXIV, p. 242.

В «Прем Сагаре» Кришна возвышается до четкого кастового самосознания и говорит:

पिता! हम वैश्य हैं। गायें बढ़ीं इस से गोकुल ऊधा तिस से नाम गोप पड़ गया। हमारा यह धर्म है कि खेती बणिज करें और गो ब्राह्मण की सेवा में रहें। वेद की आज्ञा है कि अपनी कुलरीति न छोड़िये। जो लोग अपना धर्म तज और का धर्म पालते हैं सो ऐसे हैं जैसे कुलबधू हो परपुरुष से प्रीति करे। इस से इंद्र की पूजा अब तज दीजे बन पर्वत की पूजा कीजे क्योंकि हम बनवासी हैं हमारे राजा वेई हैं।[1]

„Отец! Мы — вайшьи. Умножилось число коров, отсюда происходит Гокуль, отсюда и название наше «гопа» — хранители коров. И наша карма в том, чтоб землю обрабатывать и торговать, служить корове, брахману. Ведь веды всем повелевают не оставлять обычай рода своего. И тот, кто оставляет свой закон и начинает соблюдать чужой закон, подобен женщине замужней, любящей чужого мужа. Поэтому теперь нам надлежит оставить почитанье Индры, нам лес и горы нужно почитать. Ведь мы лесные жители, и лес — наш царь".

Суммируя наблюдения над текстами «Бхагаваты Пураны» и «Прем Сагаре», мы можем сделать следующие выводы.

1. В «Бхагавате Пуране» и в «Прем Сагаре» описываются одни и те же события из жизни Кришны и почти в одинаковой последовательности, но все события в обоих произведениях описываются в разной форме.

2. Материал в обоих произведениях расположен так, что содержание определенной главы «Бхагаваты Пураны» почти всегда соответствуют материалу соответствующей главы «Прем Сагара».

3. Этот факт устанавливает зависимость автора «Прем Сагара» от «Бхагаваты Пураны».

4. В «Прем Сагаре» отсутствуют пространные монологи различных персонажей и самого автора на философские и религиозные темы.

5. В «Прем Сагаре» является целый ряд бытовых подробностей, которые совершенно отсутствуют в «Бхагавате Пуране», но характерны для народных празднеств, издавна связанных с именем Кришны.

6. Хотя оба произведения изображают Кришну в качестве высочайшего божества, аватары Вишну, но автор «Бхагаваты Пураны» постоянно

[1] प्रेमसागर, p. ६०.

памятует об этом, меж тем как пастухи, изображаемые в «Прем Сагаре», лишь в отдельные моменты просветления постигают, что Кришна — божество, Кришна здесь представлен пастухом, с которым часто обращаются безо всякой почтительности.

7. Меж тем как автор «Бхагаваты Пураны» всегда памятует, что Кришна — царевич и соответственным образом изображает его, в «Прем Сагаре» Кришна изображается в виде озорного пастуха.

8. Таким образом наблюдаются не только расхождения в изображении одних и тех же событий, но автор «Прем Сагара» создал иной образ Кришны, принадлежащий к иной социальной среде, чем Кришна «Бхагаваты Пураны».

Должно сказать, что аналогичные соотношения наблюдаются часто и в ряде других памятников новоиндийских литератур, памятников, которые почитаются переводами произведений санскритской литературы.

Таким образом новоиндийские литературы имеют свою особую традицию литературных образов, отличную от санскритской. Мы можем задать вопрос, какой из образов Кришны-пастуха более древний, Кришна — пастух-царевич «Бхагаваты Пураны», или Кришна-пастух «Прем Сагара», хоть называемый и здесь царевичем, но изображенный подлинным пастухом.

Было бы весьма просто ответить, что «Бхагавата Пурана» памятник большой древности, относящийся к X в., меж тем как «Прем Сагар» издан только в начале XIX столетия, и потому «Бхагавата Пурана» дает более древний образ Кришны пастуха.

В этом случае пришлось бы признать, что образ Кришны, представленный Лаллу джи Лалом, адоптирован иной социальной средой. Из истории литературы и искусства мы знаем случаи подобной адоптации. Так, напр., в некоторых старых украинских евангелиях апостолы изображаются в виде парубков в прекрасных овчинных полушубках. Классическим примером такой адоптации является также фигура Христа в Heliand'е, где он представлен подлинным саксонским королем.

Однако такое предположение вряд ли возможно.

Во-первых, целый ряд «подвигов» и «чудес» Кришны стоит в таком противоречии с ортодоксальным индуизмом, что автору «Бхагаваты Пураны», а за ним и автору «Прем Сагара» пришлось придать всему сказанию о Кришне чисто аллегорический смысл и перенести все подлинные игры Кришны с пастушками на небеса, в Goloka.

В этом отношении весьма характерен вопрос царя Парикшита, которому рассказывается сказание о Кришне, обращенный к повествователю:

दीनदयाल! यह तुम मुझे समझा कर कहो कि श्रीकृष्णचंद्र तो असुरों को मार पृथ्वी को भार उतारने और साधु संतों को सुख दे धर्म का पथ चलाने के लिये अवतार ले आये थे। उन्हों ने पराई स्त्रियों के साथ रासबिलास क्यों किया? यह तो कुछ लंपट का कर्म है जो बिरानी नारी से भोग करे।[1]

«О милосердый... Ты объясни мне, вразуми. Шри Кришначандра принял аватару и явился в мир, чтоб погубить асуров, чтоб бремя снять с земли, придать счастье всем благим и добрым и показать пути закона. Зачем же он устроил забаву хороводную с чужими женами? Ведь это действие прелюбодея — с чужой супругой наслаждение вкушать».

Ответ повествователя шри Шукардева джи звучит следующим образом.

सुन राजा यदि भेद न जान्यो। मानुष सम परमेश्वर मान्यो॥
जिन के सुमिरे पातक जात। तेजवंत पावन है गात॥
जैसे अग्निमांझ कछु परै। सोउ अग्नि होय के जरै॥

और गोपियों की उत्पत्ति तो मैं तुम्हें पहले ही सुना चुका हूँ कि वेद और वेद की ऋचायें हरि का दरशपरश करने को व्रज में जन्म ले आई हैं। महाराज! कहा है कि हरि का चरित्र मान लीजे पर उन के करने में मन न दीजे।[2]

„Внемли, о царь, коль не постиг еще сей тайны!
За человека ты всевышнего считаешь!
Одна лишь мысль о нем способна удалить грехи,
Очистить тело, красотой его облить,
Как все, что попадет в пылающий огонь,
Все в нем горит, все обратится в огнь.

И сверх того, ведь я уж ранее сказал тебе, открыл происхождение пастушек: богини то и гимны вед для лицезренья Кришны в Брадж пришли и там родились. Махарадж! Сказано есть: «Все веруйте душою в чудеса святые Кришны, но подражать его делам не помышляйте".

Исходя из этого толкования, мы должны признать, что образ Кришны-пастуха принадлежит к социальной среде, отличной от высших арийских каст, создавших традиционную мораль. Мы можем говорить об этом с тем большим основанием, что образ Кришны, воина и политика, данный во вто-

[1] प्रेमसागर, p. ८२.
[2] प्रेमसागर p. ८२.

рой части «Бхагаваты Пураны» и «Прем Сагара», радикально отличен от образа Кришны-пастуха: все дела и мораль Кришны, воина и политика, стоят в полном соответствии с ортодоксией и находятся в полном противоречии с делами и моралью Кришны-пастуха.

На этом основании уже давно многие авторитетные авторы считают Кришну-пастуха образом, созданным не высшими кастами, а кочевыми племенами северо-западной Индии. В частности, по мнению Bhandarkar'а[1] культ бога-пастуха принесен племенем кочевников abhir'ов, предков современной касты ахиров. Bhandarkar объясняет хороводные игры Кришны с пастушками фактом более широкой свободы общения разных полов у этих пастушеских племен, чем то допускалось законами высших индусских каст.

Отсюда мы можем сделать заключение, что образ Кришны, данный в «Прем Сагаре», может быть более древним, чем тот, который дается в санскритской литературе, в частности в «Бхагавате Пуране», обратившей бога-пастуха в бога-пастуха-царевича.

Представленное заключение было бы мало убедительным, если бы образ Кришны-пастуха такой, каким он дан в «Прем Сагаре», явился бы впервые в памятнике, написанном на рубеже XVIII и XIX столетий. Но, во-первых, сам Лаллу джи Лал указывает, что его труд основан на произведении Чутурбхудж Миширы, автора XVI в.; во-вторых, образ Кришны — подлинного пастуха — дается с наиболее давних времен в литературе хинди: таков Кришна одного из крупнейших поэтов литературы хинди Сур Даса и других авторов. Наконец, мы должны помнить, что легенды о Кришне-пастухе имели хождение в широких массах населения Индии в весьма отдаленное время, и Sylvain Lévi[2] полагает, что даже возникновение индийского театра связано с легендами о Кришне, герое-пастухе.

Мы можем, наконец, поставить последний вопрос: чем объясняется иная, чем в санскритских памятниках литературная трактовка образа Кришны в литературе хинди, почему Кришна-пастух, который и в литературе хинди, очевидно под влиянием «Бхагаваты Пураны», продолжает называться царевичем, на деле изображается простым пастухом-озорником?

Мне представляется, что ответ надо искать в классовой принадлежности аудитории и авторов этих литератур. Известно, что санскритская литература создавалась брахманами и находила аудиторию среди брахманов и высших слоев дворянства, кшатриев. Аудитория авторов, писавших на

[1] R. G. Bhandarkar. Vaiç navism, p. 38.
[2] Sylvain Lévi. Le théâtre indien, Paris, 1890, p. 316.

новоиндийских языках, начиная с VIII в. н. э., совершенно иная: в то время это были языки самых широких кругов, и различные авторы обращались к широким массам пастухов, ремесленников, к крестьянству и т. д. К тому же и контингент авторов, писавших на хинди и других новоиндийских языках, весьма демократичный; так, Намдев был портной, Сена — брадобрей, Рай Дас — чамар (кожевник), Кабир — ткач, Тукарам — мелкий торговец. Только в XVI в., т. е. почти через тысячу лет после того периода, который почитается начальным периодом в развитии литературы хинди, на новоиндийских языках начали выступать с большими произведениями брахманы. Как свидетельствует Tulsī Dās, автор XVI столетия, по касте брахман, его «Рамаяна» на хинди была встречена жестоким осуждением верных старине брахманов, которые находили, что он изменил своей касте, перейдя с санскрита на хинди, что он профанировал высокие религиозные и философские идеи, перейдя на язык шудров.[1]

Очевидно, что традиция литературного образа Кришны-пастуха, отличного от образа Кришны-пастуха санскритских памятников, традиция, созданная на хинди и на других новоиндийских языках авторами — выходцами из небрахманских каст — была так сильна, что ей подчинились и брахманы, которые в XVI и последующих столетиях в большом количестве выступают в качестве авторов, пишущих на новоиндийских языках в надежде найти широкую аудиторию.

В свете этих фактов становится понятным утверждение J. N. Farquhar'а,[2] который говорит: «Религиозные книги на местных языках являются такой же органической частью в развитии сект, как и их более формальные санскритские произведения». К этому можно было бы добавить, что идеи наиболее радикальных реформаторов, писавших на народных языках, вовсе не нашли отражения в санскритской литературе.

В заключение отметим, что о первоначальном демократическом характере Кришны-пастуха свидетельствуют также и такие факты: 1) Кришна всегда изображается черным, между тем как боги высших каст изображаются белыми; 2) ачхуты, низшие, презренные внекастовые члены индусской общины с давних времен называются हरिजन, т. е. последователи Хари, Кришны. Происходящая в настоящее время борьба ачхутов за идею социального равенства внешне проходит под теми лозунгами, которые выставил в начале XV в. радикальный реформатор вишнуизма — Ра-

[1] तलसी दास, रामचरितमानस, изд. नागरी प्रचारिणी सभा, काशी, १९२२.
[2] J. N. Farquhar. An Outline of the Religious Literature of Jndia. Oxford, 1920.

мананд (1400—1470), имевший в числе своих учеников не только представителей разных каст, но и внекастовых индусов.

Таким образом на примере легенд о Кришне-пастухе мы убеждаемся, что новоиндийские литературы имеют свою самостоятельную традицию литературных образов, отличную от санскритской. Начиная с VII—X вв. наблюдается параллельное развитие двух потоков литературной традиции: а) санскритская литература, созданная преимущественно брахманами, и b) новоиндийские литературы, созданные преимущественно представителями низших каст на различных новоиндийских языках.

Обе эти литературы часто оперируют с одними и теми же именами и событиями. Однако в эти традиционные литературные образцы авторы разных каст вкладывают разное социальное содержание.

Черпая из одного и того же источника — народных легенд весьма древнего происхождения, авторы разных каст поступают по-разному. Брахманы переводят героев народных легенд в высшую социальную среду и тем затемняют социальную сущность героев этих легенд. Представители низших каст оставляют этих героев в своей среде и при изображении мифических героев черпают материал из своей среды, выставляя этих героев борцами за свои идеалы.

А. ЯКУБОВСКИЙ

Восстание Тараби в 1238 г.

(К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии)

Ориенталистам хорошо известно, как богата история феодального общества на Востоке движениями крестьян и ремесленников. Стоит вспомнить только историю халифата. Там буквально нет десятилетия, чтобы в той или иной части Передней Азии не вспыхнуло восстание рабов, крестьян или ремесленников. К сожалению, несмотря на обилие материалов, в буржуазной науке мало отражены эти интересные и важные явления. Даже такие мощные движения, как крестьянские восстания конца VIII и начала IX в. в Иране,[1] восстание зинджей,[2] карматы[3] имеют о себе весьма ограниченную литературу, если подойти к ней с требованиями социального анализа событий. Богата крестьянскими и ремесленными движениями и история феодальной Средней Азии. Однако и здесь мы имеем в литературе только одну работу, а именно известную статью В. В. Бартольда «Народное движение в Самарканде в 1365 г.»,[4] появление которой в 1906 г. несомненно вызвано событиями революции 1905 г. Мне не известно ни одной серьезной статьи, которая затронула бы вопрос о крестьянских и ремесленных движениях в ранние эпохи в Средней Азии как в целом, так и по частям. Даже о знаменитом движении Муканны, которое огнем крестьянского восстания охватило всю земледельческую Сред-

---

[1] Имею в виду движения, известные под именами хуремдинов или хурремитов, мухаммира (одетые в красное), сурх-алам (краснознаменщики). Среди них особенно важное значение имеет движение Бабека в Арране (816—838 гг.). См. о нем Encyclopédie de l'Islam, 9-me Livraison, pp. 557—558. Здесь в статье C. Huart под словом «Babek» указаны арабские источники, правда неполные.

[2] См. Th. Nöldeke, Orientalische Skizzen, Ein Sclavenkrieg im Orient, p. 153—185, а также Encyclopédie de L'Islām, Livraison T. Здесь в статье L. Massignon под словом «Zandj» (pp. 1281—1282) дана библиография (правда, неполная).

[3] См. Encyclopédie de L'Islām, 30-me Livraison под словом «Karmates» статью L. Massignon, pp. 813—818. Здесь указана литература вопроса.

[4] ЗВО, т. XVII, стр. 01—019.

нюю Азию в конце VIII в., кроме двух страниц в труде В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»,[1] не имеется почти ничего. А между тем благодаря подробному рассказу Нершахи в его «Истории Бухары»[2] мы могли бы при помощи других нарративных источников вскрыть многие стороны этой замечательной борьбы, которую так блестяще возглавлял Хашим ибн-Хаким, известный больше под прозвищем Муканны (закрытый покрывалом). Традиции революционной борьбы крестьян в Мавераннахре очень стары. У нас имеются бесспорные данные считать, что остатки разбитых маздакитов направились в Хорасан,[3] откуда перебрались в области по Кашка-Дарье и Зарявшану.[4]

Под манихейской оболочкой маздакитов было много как в сельских областях, так и в городах Средней Азии.[5] Многие из них были в Средней Азии известны и под именем зиндīк. Слово это, как известно, в свое время породило о себе целую литературу. О нем писал В. Розен.[6] Согласно высказанным в этой литературе взглядам слово «зиндīк» применялось не только к зороастрийцам и манихеям, но и к буддистам. Однако термин зиндик прилагался и к маздакитам.[7]

Интересно, что даже в X в. последователей Муканны, учение которого было несомненно проникнуто маздакитскими идеями, называли зиндīками. Так, по крайней мере, называет их Макдиси (Мукаддеси).[8] Маздакитские идеи, как известно, в Средней Азии держатся долго[9] и, как мы увидим ниже, в отраженном виде дошли до XIII в. Популярность в народных массах маздакитского учения не случайна. И дело здесь не в том, что кто-то завез эти идеи, а в том, что в земледельческих оазисах Средней Азии условия социальной жизни были очень близки тому, что имелось в Иране времен Кавāда и Хосроя Ануширвана. Только этим можно объяснить ту популярность, с какой маздакитские взгляды были распространены среди последователей Муканны в 70—80 гг. VIII в. Известно, наконец, как долго жили эти идеи в самом Иране. Позволю себе упомянуть о фактах, которые не могут не остановить на себе внимание. В конце VIII и IX вв. в Иране революционные секты, бережно хранящие маздакитские традиции, носят уже иные названия. Они известны под именем хурремдинов,[1] хурремитов,[2] мухаммира (люди, одетые в красное). Нивам ал-мульк называет их سرخ علم[3] (краснознаменщики). Мутаххар-Макдиси,[4] который хурремдинов называет хурремитами, рассказывает, что они избегают проливать кровь, как и маздакиты, за исключением тех случаев, когда подымают знамя восстания. Не безинтересен и самый факт употребления красного знамени как символа восстания угнетенных масс. Едва ли это не первый случай в мировой истории в столь раннее время упоминания красного знамени в указанном смысле. История Ирана при Аббасидах и Тахиридах насыщена крестьянскими движениями, особенно в IX в. Они захватывают буквально всю страну и находятся в непрерывной связи с соседними областями. Средняя Азия, особенно Мавераннахр, была неразрывно связана с переднеазиатскими областями и постоянно получала оттуда беглецов-революционеров, которые продолжали пропаганду на новом месте. Обо всех этих фактах я по ходу своей темы могу сказать буквально несколько слов. Не подлежит сомнению, что революционные движения Ирана IX в. явились бы одной из важнейших и интереснейших тем советского востоковедения, тем более, что о них можно было бы набрать достаточно материала, правда, фрагментарно разбросанного в разных источниках. К сожалению, о народных движениях в Средней Азии IX и X вв. у нас очень мало данных. Однако, если мы заглянем в географическую и историческую литературу X в., написанную на арабском и персидском языках, то не раз встретим совершенно точные указания на мятежные настроения народных масс в таких городах, как Мерв, Самарканд, Бухара. Макдиси (Мукаддеси) рассказывает, что насе-

---

[1] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, стр. 203—204. Его же английский перевод — Turkestan down to the mongol invasion, pp. 198—199.

[2] Персидский текст в изд. Schefer'a, Paris, 1892 г. стр. 63—74, есть русский перевод Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, под ред. В. В. Бартольда, стр. 84—96.

[3] См. Сиасет-Намэ Низам-ал-Мулька (стр. 182 в изд. Schefer'a); здесь приводится предание о бегстве жены Маздака в окрестности Рея, где она вела усиленную маздакитскую пропаганду.

[4] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 44—45.

[5] Рукопись Туманского Худуд-ал-алем, с введ. и указателем В. Б. Бартольда, л. 23-а.

[6] ЗВО, т. VI, стр. 336—340, т. IX, стр. 290. См. также Encyclopédie de l'Islām, Livraison T., статья L. Massignon под словом «Zindik», стр. 1298—1299.

[7] Китāб-ал-агāни, т. VIII, стр. 63—64. Хвāрезми, Мафāтих-ал-'улūм. стр. 37; здесь определенно говорится, что маздакиты назывались зиндīками; Табари, Prima Series, II, стр. 888—889. Здесь Кавāд, взявший сторону Маздака, прямо называется зиндīком (стр. 888).

[8] BGA, III, p. 323. О маздакизме у Муканны говорит Бируни в «Хронологии», см. араб. текст, стр. 21.

[9] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. стр. 45.

---

[1] См. Siasset Namèh, изд. Schefer'a, персид. текст, стр. 199 и след., франц. перев., стр. 291 и след.

[2] Motahhar el-Maqdisi, ed. Huart, IV, арабск. текст, стр. 30, франц. перев., стр. 28.

[3] О мухамнира см. Абу-Ханифа Динавери, стр. 382 и Табари, III серия, т. I, стр. 493; о сурх-алам см. Siasset Namèh, перс. текст, стр. 199, франц. перевод, стр. 291 در سنه اثنین و ستین و مایه درایام خلیفه مهدی باطنیان کرکان که ایشان را سزخ علم خوانند با خزم دینان دست یکی کردند

[4] Motahhar el-Maqdisi, ed. Huart, IV, арабск. текст, 31.

ление Мерва склонно к волнениям,[1] Ибн-Хаукаль особо подчеркивает мятежность трудящихся масс Самарканда,[2] а Нершахи упоминает, что знаменитому Исмаилу Самани при вступлении его в Бухару пришлось подавить грозящее широко распространиться крестьянское движение,[3] и т. д.

В наши дни не приходится защищать важности поднятой здесь темы. Скорей приходится удивляться тому, что в этой области еще нет нужных работ. Повидимому, исследователей несколько пугает трудность условий изучения этих важных вопросов. А трудности действительно большие. Только очень немногие движения сохранили о себе рассказы с такими подробностями, которые могут пролить свет на их классовое содержание, вскрыть руководящие идеи и дать достаточно материала, чтобы научно восстановить картину того, как эти движения протекали в конкретной исторической обстановке. В большинстве случаев сведения приходится собирать по крупицам в разных источниках. Более того, самые сведения часто носят характер записанных, а то и переписанных из другого источника, преданий. Здесь нужно суметь извлечь зерно исторической истины. Наконец, все рассказы о таких движениях дошли до нас в известиях авторов, которые вышли из слоев, определенно враждебных народным массам. И географы и историки пишут о них, не скрывая своей злобы, не останавливаясь перед клеветой. В этом отношении особенно может быть характерным Нершахи, который при одном упоминании имени Муканны начинает ругаться, посылает ему проклятия[4] и т. д. Нечего и говорить, в каком искривленном виде дошли до нас образы вождей этих движений, а также изображение самих событий.

Пожалуй, еще в большие затруднения попадает изучение этих вопросов, когда исследователь ставит себе задачей вскрыть причины движения, определить, к каким целям направлено оно, выяснить разультаты его, не говоря уже о попытке точно наметить соотношение классовых сил. Несмотря на то, что внешняя политическая история Средней Азии до XVI в. изучена достаточно подробно, факты социальной жизни нам мало еще известны. До сих пор нет аграрной истории Средней Азии. На данном этапе наших знаний имеется много спорных моментов по вопросу о господствующих тогда формах эксплоатации крестьян. Про-

[1] B. G. A. III, 311, 336. Макдиси говорит о волнениях в Серахсе (стр. 336) и Несе (стр. 320).

[2] B. G. A. II, 367.

[3] Нершахи, изд. Schefer'a, перс. текст, стр. 79.

[4] См. Нершахи, изд. Schefer'a, перс. текст, стр. 64, 65 и след.

водимый автором настоящих строк взгляд о преобладающей форме эксплоатации земледельцев через испольные аренды, повидимому, разделяется далеко не всеми. Причины такой неизученности лежат прежде всего в большой скупости источников IX—XV вв. по вопросу о социально-экономической жизни. К сожалению, о Мавераннахре этого времени мы не имеем пока таких документов, как об Уйгурии XII—XIV вв.

Все вышеизложенное ставит исследователя крестьянских и ремесленных движений в действительно тяжелое положение. Но следует ли из этого, что мы должны оставить эти темы до разрешения кардинальных вопросов социальной истории? Думается, что нет, ибо изучение фактов классовой борьбы будет приближать нас к самым существенным явлениям социально-экономической жизни, помогая разобраться в том, что еще неясно. Да и нет особой беды в том, что при исследовании того или иного движения не будут даны ответы хотя бы даже на очень важные вопросы. Оставленные без ответа сегодня, они получат его в последующих работах. Таков уже ход развития научной мысли. Движение, которому посвящена настоящая статья, еще меньше отражено в востоковедческой литературе, чем выступление Муканны и его последователей. «О восстании Тараби» в работе В. В. Бартольда говорится несколько раз по нескольку строчек.[1] Вот наиболее подробное из этих упоминаний, помещенное в Encyclopédie de l'Islām, в статье «Bukhāra»: «En 636 = 1238 — 1239, la ville fût exposée à des nouveaux périls par un mouvement populaire dirigé contre Mongols aussie bien que contre les classes possédantes; mais le gouverneur Maḥmūd Valawādj, résident à Khodjend, réussit, après avoir écrasé l'insurrection, à détourner de la ville la vengeance des vainqueurs. D'après la relation de Djuwainī... la seule que nous possédions sur ces évènements, le mouvement ne partit pas cette fois de la classe ouvrière, comme trente ans auparavant, mais de la population campagnarde».[2]

Вот, собственно говоря, и все, что было написано В. В. Бартольдом об одном из значительных крестьянских восстаний. Нельзя сказать, что В. В. Бартольд прошел мимо этого события в своих занятиях по истории Средней Азии. Стоит взять только II т. D'Ohsson'a «Histoire des Mongols» в экземпляре, принадлежавшем лично В. В. Бартольду, посмотреть на неко-

[1] ЗВО, XVII, 03. «Из демократических движений этого периода, пишет В. В. Бартольд, известно только одно — восстание Тараби в Бухаре в 638 г. хид. (1239—1240 н. э.), направленное одинаково против монголов и бухарской знати». Кроме того, см. его же «Историю Туркестана», Ташкент, 1922 г., стр. 34.

[2] См. Encyclopédie de l'Islām, статью В. В. Бартольда под словом «Bukhāra», стр. 800.

торые его пометки,[1] чтобы убедиться, что это не так. И тем не менее остается фактом, что он не написал о движении Тараби даже небольшой статьи. В начале XIII в. во многих областях мусульманского Востока происходила борьба крестьян и ремесленников против гнета феодальной эксплоатации. Отмечая этот факт, нельзя пройти мимо одной характерной черты. Почти повсюду, где шла борьба, в ней живейшее участие принимали города. В этом отношении яркими примерами являются близкие по времени движения в трех крупных городах того времени — Рейе, Исфахане и Бухаре. Особенно заслуживающими внимания могут быть признаны события в Рейе. В своей небольшой статье «К истории крестьянских движений»[2] В. В. Бартольд привел в переводе замечательный отрывок из Якута с описанием города Рейя после происходившей в нем настоящей гражданской войны. Якут, как известно, был в Рейе в 1220 г. накануне захвата города монголами. Рассказ Якута (со слов очевидца) о происходившей там классовой борьбе ведется в выражениях, где употребляемая им социальная терминология требует научной расшифровки. Дело в том, что борющиеся силы выступают у него под религиозной терминологией. Борются ханафиты, шафииты и шииты.[3] Но из самого текста ясно, что религиозные термины разлагаются на социальные. За каждым из таких терминов стоят вполне определенные классовые силы. Не останавливаясь подробно на анализе рейских событий, отмечу, что борьба в Рейе происходила сначала между городом и исмаилитскими замками, причем крестьянство вначале, повидимому, помогало в борьбе феодалам-исмаилитам. Однако произошел перелом, направление борьбы круто изменилось, в самом Рейе наметился разрыв между феодальными хозяевами города и массой трудящегося населения (ремесленники, чернорабочие и др.) и началась жесточайшая гражданская война. Крестьяне вмешались в эту борьбу и приняли сторону ремесленников. По словам Якута: «И приходили сельские жители, а они ханафиты — к городу с наступательным оружием, и помогали людям своего толка; и не принесло им это никакой пользы, так что их истребили. И эти развалины, которые ты видишь (говорит очевидец Якуту. *А. Я.*), это кварталы шиитов и ханафитов; и остался этот квартал, известный под [названием] шафиитского, а он — самый малый из кварталов Рейя; и не осталось из шиитов и ханафитов [никого], кроме тех, кто скрывает свое вероисповедание». Едва ли можно сомневаться, что шафиитами в городе были крупные феодалы и богатые купцы. Насколько эта борьба была жестока, видно из дальнейших слов Якута, где он как свидетель подчеркивает, что большая часть города была совершенно разрушена, а производящая часть населения должна была уйти из города и временно укрыться в подземных помещениях. Почти одновременно с этим происходила аналогичная, может быть, не столь суровая по своим последствиям борьба и в Исфахане.[1]

[1] См. особенно стр. 103 указанного экземпляра (хранится в библиотеке Института востоковедения Академии Наук).

[2] В. В. Бартольд. «К истории крестьянских движений в Персии». «Из далекого и близкого прошлого». Сборник в честь Н. И. Кареева, 1923 г. стр. 61; Jacut's geograf. Wörterbuch, II, 893.

[3] Борьба эта старая: в Серахсе о борьбе между ханифитами и шафиитами рассказывает Макдиси, см. BGA, III, стр. 336.

Уже в своей статье «К истории крестьянских движений в Персии» В. В. Бартольд, обращая внимание на наличность классовой борьбы в Рейе и Исфахане и подчеркивая всю неисследованность и сложность связанных с ней вопросов, писал: «ответ на эти вопросы требует не только особого исследования, но и привлечения нового материала из неизданных и неисследованных источников, каких по истории Персии еще очень много».[2]

Крестьянские и ремесленные восстания накануне монгольского завоевания имели место не только в Персии. Не менее интересным является и то движение ремесленников, которое произошло в Бухаре в начале XIII в. при садре Мухаммеде ибн-Ахмед ибн-Абд-ал-Азизе. Бухара того времени, как известно, нашла свое освещение в работах В. В. Бартольда и прежде всего в его капитальном «Туркестане».[3] За отсутствием нужных сведений по социально-экономической истории этого времени, только очень немногое можно прибавить к тому, что дано последним. Классовая борьба в городе развернулась в обстановке, когда политическая власть в Бухарском округе была целиком в руках садров. Илек-ханы фактически не имели над Бухарой никакой власти. Кара-китаи, которые собирали в это время дань с Мавераннахра, были далеко, в Бухару они присылали только своих сборщиков податей, да и то не всегда, ибо в начале XIII в. садр сам отвозил дань в ставку кара-китайского гурхана. В известной мере о Бухаре того периода можно говорить как о самостоятельном феодальном княжестве, где вся власть была в руках своеобразной духовной династии. Будучи по своему официальному положению высшими представителями мусульманского духовенства, а по светской линии реисами и хатибами, садры фактически являлись полновластными хозяевами богатейшего и культурнейшего из городов того времени. В руках садров находились несметные богатства, кото-

[1] Jacut's geograph. Wörterbuch, I, 296, а также упомянутая статья В. В. Бартольда, стр. 61.

[2] Указ. соч., стр. 62.

[3] Кроме того, в статье в Encyclopédie de l'Islām, Livraison 13, под словом «Bukhārā» стр. 799—800.

рые складывались из разных источников. Об одном из садров — Омар ибн-Абд-ал-Азизе автор Китаб-и-Мулла-заде рассказывает:[1] «Говорят, что его ежегодные доходы с земельной собственности и других владений выражались в 100 000 динаров».[2] В эту эпоху динар был еще золотой, и, конечно, цифра в 100 000 ежегодного дохода не может быть нами принята на веру, она явно преувеличена. Однако богатства садров были действительно велики. В. В. Бартольд рядом примеров показал это достаточно убедительно. Повидимому, огромную роль здесь играли собственные поместья садров, о которых, кроме упомянутого выше Мулла-заде, говорят и поэты.[3] Большое значение имели и доходы с разнообразных вакфов, которыми так богаты были бухарские мечети и медрессе. Можно ли сомневаться в том, что садры были полновластными распорядителями этих огромных средств. Как представители светской власти, в звании реисов и хатибов, они распоряжались всеми доходами и поступлениями, которые шли с ремесла и торговли, в виде податей и пошлин. Если к этому присоединить разнообразное их имущества, состоящее в недвижимой городской собственности (лавки на базарах, бани, караван-сараи, а то и просто земельные участки), то картина получится достаточно выразительная. Власть и влияние садров, конечно, держались не только на их большом богатстве. Они умели использовать и свое высокое положение фактических вождей господствующего в Бухаре ханифитского толка, а также свой ученый авторитет в среде высшего духовенства Бухары. В их руках было большое количество людей, имеющих то или иное прикосновение к духовенству. Еще В. В. Бартольд в своем «Туркестане» отметил, что на средства садра Бурхан-ад-дин-Мухаммед ибн-Ахмед-ибн-Абд-ал-Азиза жило до 600 факихов.[4] Одним словом, садры были своеобразными духовными князьями, в руках которых фактически была и вся полнота светской политической власти. Недаром, по словам В. В. Бартольда: «Ces «imams» furent comparés par certaines poétes aux «emīrs» de la dynastie Sāmānide et ces «porteurs de turbans» (ahl al-ʿamā'im) furent élevés plus haut que les «porteurs de couronnes» (arbāb tīdjān)».[5]

Нам хорошо известно, что к концу XII в. садры в широких кругах бухарского населения потеряли и те немногие симпатии, которые, быть

[1] Мулла-заде, рукопись Института востоковедения Академии Наук, В. 676, л. 31 в.

[2] Выражение از اسباب в данном случае лучше всего передать с «земельной собственности и других владений».

[3] См. Мухаммед Ауфи. Лубāб-ал-албāб, в изд. Browne, ч. II, стр. 385, строки 15—23. London, 1903. На них впервые обратил внимание В. В. Бартольд. ЗВО, т. XVII, стр. 02.

[4] В. В. Бартольд. Туркестан, стр. 381.

[5] W. Barthold. Encyclopédie de l'Islām, livraison 13, p. 816, статья под словом «Burhān».

может, и были прежде к некоторым из их представителей. Светский образ жизни, широкие траты на свою личную жизнь, где роскошь сочеталась с кичливостью и спесью, наконец, что самое важное, жестокие формы сборов всяких повинностей с населения как городского, так и сельского не только подорвали их авторитет, но и создали около них атмосферу народной ненависти. Вот почему, когда в Бухаре при вышеупомянутом садре Бурхан-ад-Дин ибн-Мухаммед ибн-Ахмед Абд-ал-Азизе началось восстание ремесленников во главе с Синджаром, то все трудящиеся элементы города их поддержали. Приходится очень жалеть, что источники не оставили нам, хотя бы в общих чертах, сведений, которые дали бы возможность наметить главные этапы восстания. Все, что мы знаем о нем, может быть сведено к следующим фактам. Восстание произошло в самой Бухаре, не захватив, повидимому, окрестных селений, а следовательно и крестьян. Время восстания — 1206—1207 гг. Во главе движения стоял сын продавца щитов (Маджан-фурӯш), известный со времени захвата им власти в Бухаре под именем Мелик-Синджара. Переворот совершен был силами бухарских ремесленников. Садры были выгнаны из города, имущество их было захвачено, а поместья[1] лишены воды, отчего и пришли в запустение. Убежав к кара-китаям, садры принесли гурхану жалобу на насильственный захват Мелик-Синджаром власти и даже получили диплом на управление Бухарой, однако не могли его реализовать, ибо в последней уже сидели чиновники Хорезмшаха-Мухаммеда. Мелик-Синджар мог продержаться только несколько месяцев, так как Хорезмшах-Мухаммед, узнав о бухарских событиях, быстро двинул свои войска и в 1207 г. взял Бухару.[2] Судя по рассказу Джувейни (по существу единственный источник) Меликом-Синджаром были проведены какие-то мероприятия против богатых и именитых людей города, т. е. против светских и духовных феодалов, и крупных купцов, связанных с ними. К сожалению, указание Джувейни скупо, и в чем выразились эти мероприятия — мы не знаем, ибо Джувейни ограничился только упоминанием о притеснении почетных людей.[3] Повидимому, положение Мелик-Синджара до захвата Бухары Мухаммедом Хорезмшахом было достаточно прочно, если он успел выстроить

[1] Muhammad Auwfi, изд. Browne, ч. II, стр. 385.

[2] Encyclopedié de l'Islām, Livraison 13, статья В. В. Бартольда под словом «Bukhāra», p. 800 и под словом «Burhān», p. 817.

[3] Вот, собственно говоря, наиболее важные строки Джувейни, XVI, 2, p. 74: ازاحاد النّاس
که پسر مجان فروشی بود ست سنجر نام مستولی کشته و اهانت و استذلال
اصحاب خزمت را از لوازم کار می دانسته و نام او سنجر مَلِک شده

для себя даже дворец, с которым нам еще придется встретиться при рассказе о движении Тараби.[1]

Не следует, однако, преувеличивать демократичность этого восстания. До нас дошли некоторые детали, которые заставляют быть достаточно осторожными в этом вопросе. Прежде всего Синджар, объявивший себя меликом, был не просто ремесленник, а богатый ремесленник по изготовлению щитов, которого Джувейни называет сыном продавца щитов.[2]

Наконец, что чрезвычайно важно, Мухаммед Хорезмшах при подавлении восстания не казнил Синджара, а увез его к себе в Хорезм в город Ургенч, где низложенный мелик из ремесленников, как еще указал В. В. Бартольд, «жил [он] при дворе султана и наравне с прочими именитыми владетелями должен был принимать участие в придворных церемониях».[3] Едва ли будет ошибкой предположить, что руководящими группами движения являлись хозяева ремесленных мастерских, тесно связанные с базарной жизнью города и отчасти с караванной торговлей. Не в их интересах было в корне ломать сложившиеся в эту эпоху порядки, и если вождю движения пришлось прибегать к ряду насильственных мер по отношению к бухарской феодальной знати, то это являлось уступкой в сторону поддержавших и вынесших движение на своих плечах подмастерьев, не говоря уже о необходимости крупных мер в целях пресечения возможности контрпереворота. Нельзя не принять во внимание и того факта, что крестьяне соседних рустаков не приняли участие в движение. К сожалению, все эти важные вопросы не имеют для своего решения нужных сведений в источниках, отчего на данном этапе наших знаний и не приходится выходить за пределы хотя бы и очень вероятных предположений. В рамках последних стоит и самый вопрос о причинах этого движения. Думается, что существо дела лежало здесь в тех огромных пошлинах и податях, которые садрами как правителями Бухары налагались на ремесленную промышленность.

В иной конкретной исторической обстановке протекало имеющее более широкую социальную базу и более глубокую программу движение Тараби.

Спустя 10 с небольшим лет после восстания Мелик-Синджара на востоке произошли события, имевшие мировое значение.

К 1221 г. вся Средняя Азия была во власти монголов. Города дымились грудами развалин в результате бесчисленных грабежей и пожарищ.

---

[1] Juwayni, XVI, I, стр. 87, а также В. В. Бартольд, Туркестан, II, стр. 387.

[2] См. прим. выше پسر مجان فروشی

[3] В. В. Бартольд, Туркестан, II, стр. 386—387 со ссылкой на Nessewi, texte, p. 21, trad., p. 38.

Работоспособное городское население частично было убито, а частично (особенно ремесленники) уведено победителями в Семиречье, Уйгурию и Монголию. Ремесла и торговля переживали тяжелые дни. Огромные массы сельского населения (мужчины) были угнаны в действующие монгольские отряды в качестве необходимой подсобной при осадах городов рабочей силы, которую часто заставляли принимать и непосредственное участие в сражениях. Казалось, богатому Мавераннахру суждено испытать судьбу совершенно разрушенного Мерва.

Однако уже первое десятилетие монгольской власти показало другое. Монголам не было смысла уничтожать производственные ресурсы страны, которая могла давать им большие доходы. Отсюда стремление создать благоприятные условия для возрождения экономической жизни Мавераннахра. Возрождение это ни в какой мере, конечно, не рассматривалось как поднятие благосостояния трудящихся масс сельских поселений и городов. Имелось в виду только одно — получение максимальных поступлений в казну монгольской власти. «Возрождение» могло строиться на базе каких-то твердых политических порядков. В течение более чем полустолетия монголы, как известно, не осуществляли непосредственно власти в Мавераннахре. Улус Чагатая, в состав которого формально вошли культурные области по Заравшану и Кашка-дарье, первоначально ограничивался кочевьями в долине реки Или и связанными с ней пастбищ.

Б. Я. Владимирцов в своей книге «Общественный строй монголов» совершенно правильно указал: «Культурные области с оседлым населением, входившие в уделы царевичей, были первоначально подчинены хану-императору, который правил ими через назначенных губернаторов (darugaciin); царевичи же пользовались только доходами с этих земель, причем не имели права сами производить сбора податей».[1] Слова эти в первую очередь приложимы к Мавераннахру.

Чагатай и его семья фактически не управляли последним. Первые десятилетия монголы собственными силами и не могли бы организовать управления страной со сложной общественно-политической жизнью. Пришлось первоначально итти по линии наименьшего сопротивления. Заинтересованная в получении максимальных поступлений с сельского населения, с городского ремесла и торговли монгольская власть прибегнула к услугам сильного в условиях восточного феодализма купеческо-ростовщического капитала.

---

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 100.

Известно, что монгольские ханы были в самой тесной связи с целым рядом крупных мусульманских торговых компаний. Об этом у нас много данных.

Не лишенным интереса является следующее указание Рашид-ад-дина, в котором он, говоря об Угэдее, указывает: «Некий человек (уже) очень старый и немощный пришел к его величеству каану и попросил, чтобы тот дал ему в качестве пая в дело двести золотых балишей, тот (каан) приказал, чтобы ему выдали (эти деньги)».[1] Наиболее ранний из персидских историков монгольской эпохи Джузджани особо подчеркивает дружеское отношение монгольских ханов к мусульманам. Говоря о Бату, он считает нужным упомянуть, что «мусульмане Туркестана под тенью его опеки наслаждались большими богатствами и чрезвычайной безопасностью».[2]

Не подлежит сомнению, что термином «мусульманин» авторы того времени обозначали в первую очередь купцов. К их услугам прибегали прежде всего в делах налаживания финансового управления, что в обстановке восточного феодального государства обозначало организацию взимания разных повинностей с сельского и городского трудящегося населения.

К услугам купеческо-ростовщического капитала прибегнули сразу же монгольские власти и в Средней Азии. В ставке улуса Чагатая большую роль играл в качестве всесильного «министра» Хабаш-Амид, которому Рашид-ад-дин посвятил даже небольшую главу своего труда.[3] По словам последнего, Хабаш-Амид был мусульманином, битакчи Чагатая и родом из Отрара.[4] В данном случае характерно, что к знаниям и «опыту» мусульманина прибегнул даже такой ярый противник ислама, каким был Чагатай. Выше уже указывалось, что первоначально Чагатай и его орда не вмешивались в дела управления Мавераннахром, здесь полновластным хозяином был крупнейший купец и ростовщик Махмуд Ялавач, по происхождению хорезмиец, получивший мандат непосредственно от великого хана. Резиденцией его был город Ходжент, как это, между прочим, видно и из приводимого ниже рассказа Джувейни о восстании Тараби.[5] Отсюда и управлял Махмуд-Ялавач сначала от имени великого хана, а потом Чагатая, областями Мавераннахра. Особой ломки в самой системе управления Махмуду

1 Рашид-ад-дин, изд. Blochet, Gibb memorial, XVIII, 2 перс. текст, стр. 65.

2 Tabakat-i-Nasiri, 1172.

3 Рашид-ад-дин, изд. Blochet, Gibb merorial, XVIII, 2 перс. текст, стр. 193—197.

4 Указ. соч., стр. 197.

О Хабаш-Амиде см. также у Джувейни Gibb memorial, в главе, посвященной Чагатаю (XVI, 1, стр. 226—232).

5 Juwayni, Gibb memorial, XVI. 1, стр. 86.

не пришлось производить. Все местные должности, как они были в домонгольскую эпоху, так и остались на первые десятилетия после завоевания. Уже самая передача сбора повинностей и управления в руки мусульманского ростовщического капитала определенно указывает, что между завоевателями и верхушкой феодального общества покоренной страны установился полный контакт.

Представители феодальной аристократии, уцелевшие после бури первых лет завоевания, приспособились к монголам и нашли с ними общий язык, который выражался в том, что, сохраняя свои земли, свою недвижимую собственность в странах, свое авторитетное положение в рядах высшего мусульманского духовенства,[1] они должны были согласиться на то, чтобы огромная часть произведений труда крестьян и ремесленников шла в пользу ханской казны. Едва ли можно сомневаться, что делалось это в большей мере за счет непосредственных производителей, чем уменьшения обычных доходов феодальной аристократии. К сожалению, в источниках, относящихся в Мавераннахру XIII в., не имеется достаточных данных, чтобы представить себе даже в общих чертах схему управления страной, начиная с самой мелкой сельской единицы, кончая центральной властью.

На данном этапе наших знаний приходится довольствоваться фрагментарными сведениями, добавляя к ним известия, касающиеся соседних областей, более всего Ирана, завоеванного войсками Хулагу-хана в конце 50-х годов того же XIII в. И все же, несмотря на фрагментарность материалов, некоторые существенные черты управления страной в первые десятилетия после завоевания выступают достаточно ярко. Прежде всего бросается в глаза тот факт, что по городам и крупным селениям расставлены были небольшие военные отряды монголов, находящиеся в руках баскаков, подчиненных непосредственно Махмуд-Ялавачу. Наиболее наглядный пример этого мы имеем в рассказе Джувейни о восстании Тараби.[2] Нельзя обойти молчанием одного характерного момента. Баскаки одновременно являлись и начальниками военных монгольских отрядов и сборщиками повинностей, вернее, организаторами и ответственными лицами за сбор.

По сути дела в конкретной обстановке только-что завоеванной страны они были наиболее нужной для монголов, а следовательно, и наиболее всесильной властью на местах. Как непосредственно подчиненные Махмуд-

1 Как видно из приводимого ниже рассказа о восстании Тараби, садры из дома Бурхан-ад-дина сохранили в Бухаре свое влияние и, повидимому, все свои богатства. См. указанное сочинение, стр. 87—89.

2 Указ. соч., стр. 86—90.

Ялавачу (среди которых были не только монголы, но и мусульмане), опираясь на свои отряды, имея единственной задачей выкачать из населения как можно больше продуктов и денег, баскаки самым ходом вещей были поставлены в такие условия, когда могли безнаказанно творить самые вопиющие злоупотребления. Иначе и не могло быть при откупной системе сбора повинностей, да и всего управления.

Рашид-ад-дин, который более чем кто-либо другой из авторов XIII—XIV вв. дает нам сведения о системе управления покоренными областями при монголах, особо останавливается на чрезвычайно важных распоряжениях великого хана Мангу (1251—1259), изданных в целях ликвидации ряда злоупотреблений по взиманию всяких поборов с населения. Эти распоряжения в негативном плане вскрывают те порядки, которые наблюдались прежде всего в Средней Азии, ибо в 50-х гг. XIII в., когда изданы были распоряжения Мангу, области Мавераннахра были самыми культурными землями. Ведь не надо забывать, что походы Хулагу в Иран начались только в 1256 г., а Золотая Орда к этому времени не успела еще развернуться в богатое и культурное государство.

Во времена Чингис-хана, Угедей-хана и Куйюк-хана, по словам Рашид-ад-дина, создалась практика, согласно которой монгольские царевичи и ханши направо и налево раздавали частным лицам (крупным землевладельцам и купцам), а также чиновникам ярлыки и пайцзы,[1] дающие право на получение за счет населения разных служб и повинностей, которые разорительно ложились на трудящиеся массы и тяжело отражались на доходах казны. Мангу-хан приказал все выданные в этом порядке до него ярлыки и пайцзы отменить.[2] Дальнейшие слова Рашид-ад-дина я позволю привести целиком в переводе с персидского языка, ибо в них каждая строчка ценна для разбираемого нами вопроса. Приказал Мангу-хан: «чтобы впредь царевичи не писали и не давали бы никаких приказов в каком-нибудь деле, которое имело отношение к управлению вилайетами, не запросив мнения наместника ханского величества, чтобы главные ильчи (посланцы-коммисары), когда

1 Марко Поло, который пользовался пайцзами, дал нам подробное их описание (см. стр. 20 и 114—115 в перев. И. П. Минаева). По его словам: «Написано было там их письмом, чтобы всюду трех послов почитали и служили им как самому владетелю, давали бы лошадей, продовольствие и провожатых. Так и делалось; повсюду в его земле давали им лошадей, продовольствие, выдавалось им все, что им нужно было. По правде сказать, иной раз давали им провожатых от места к месту до двухсот человек» (стр. 20). В Государственном Эрмитаже, в секторе Востока хранится лучшая в мире коллекция серебряных и бронзовых пайцз.

См. о пайцзах также Рашид-ад-дина. Рукопись Института востоковедения Академии Наук, D., 66, л. 421а, в — 422а, в и D'Ohsson IV, стр. 412—416.

2 Рашид-ад-дина, изд. Blochet, Gibb memorial, vol. XVIII, 2. стр. 310.

они едут от ямы к яму, не брали больше четырнадцати почтовых [лошадей][1] и чтобы они не забирали у населения животных. Во времена [великого] хана[2] было договорено, чтобы купцы в областях Моголистана разъезжали на почтовых;[3] отвергая это [Мангу-хан] приказал, чтобы торговые люди, которые стараются ради собственной прибыли, ездили бы на собственных животных, ибо какой расчет государству предоставлять им пользоваться почтовыми. Приказал он также, чтобы ильчи без дела ни в какой город или деревню не заезжали и не забирали бы [у населения] фуража и провианта[4] сверх положенного им. Так как дела насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно были доведены до крайности земледельцы от множества всякого рода тягот, взысканий и обременений чрезвычайными налогами,[5] так что польза, получаемая ими, не равнялась половине взысканий [в виде повинностей], то он [Мангу-хан] приказал, чтобы лица простого и благородного происхождения из числа купцов[6] и деловых людей поступали по отношению к зависящим от них людям снисходительно и сострадательно. Всякий сообразно своему достатку и силе пусть выплачивает без уклонения и отговорки [т. е. немедленно] следуемую с него повинность, за исключением лиц, которые по постановлению ярлыка Чингис-хана и хана [Угэдея] были освобождены от тягот [т. е. повинностей] и поборов, а именно: из мусульман — почетные сейиды, великие шейхи и достойные имамы, из христиан ارکاونات — высшие духовные чины, монахи и верующие, из идолопоклонников известные священнослужители, а из всех слоев людей [освобождаются] те, которые достигли престарелого возраста и стали слабы для исполнения всякого вида работ. Так как каждый трудящийся не может ежедневно выделять долю [труда своего], то он [Мангу] установил ежегодную подать, согласно которой богатые люди в областях Китая должны выплачивать 15 динаров, что же касается бедных, то один динар; в Мавераннахре — то же число, в Хорасане и Ираке богатые — 7 динаров, а бедные — один; [далее Мангу установил], чтобы чиновники

1 Здесь приведено слово اولاغ, что может обозначать, повидимому, также и мулов и верблюдов (стр. 311).

2 Подразумевается Угэдей-хан (стр. 312).

3 Т. е. за счет казны, так как почта была в руках государства и для государственных надобностей.

4 Этими двумя словами я перевожу термин علوفه (стр. 312).

5 Здесь употреблено слово دهاقين, арабизированное множественное от دهقان. Повидимому, в данном случае мы имеем одно из наиболее ранних упоминаний термина دهقان в современном смысле крестьянина.

6 Употреблено слово اورتاق в значении пайщика в торговом деле, так называли в ту эпоху крупных купцов (стр. 312).

и писцы личных симпатий и подобострастия [к сильным] не проявляли, сердечными связями не руководствовались, подкупов не совершали и взяток не брали. Что же касается подати со скота на пастбищах, называемой купчур,[1] пусть дают с каждого вида скота, с каждой сотни по голове, а если [владелец имеет] меньше ста [голов], то не дает ничего. Остальное имущество, где бы оно ни было, кому бы ни принадлежало, у подданных да не отнимают».[2]

Вышеприведенные распоряжения Мангу-хана чрезвычайно показательны. Они дают яркую картину того, как много непосильных поборов ложилось на трудящееся население в покоренных монголами областях, в особенности в Мавераннахре. Наиболее тяжело жилось в это время сельскому населению, которое помимо обычных повинностей в пользу своих феодалов и разных платежей в казну должно было содержать еще огромное количество проезжающих с мандатами [пайцзы], выданными представителями и членами династии. Чтобы представить себе в подробностях, что творилось с трудящимся населением в сельских областях и городах при монгольской власти в первые десятилетия после завоевания монголами той или иной страны, следует обратиться к незабываемым по яркости своего изображения страницам знаменитого труда Рашид-ад-дина (Джами'а ат-таварих). Много страниц в томе, отведенном хулагидским государям, посвятил автор подробному описанию порядков управления Ираном тотчас же после завоевания Хулагу, т .е. после конца 50-х гг. XIII в.

Уже D'Ohsson в своей «Histoire des Mongols» привел с некоторыми сокращениями в переводе на французский язык эти замечательные страницы Рашид-ад-дина.[3] К ним обращался и В. В. Бартольд, когда писал свою известную работу «Персидская надпись на Анийской мечети Мануче».

Рашид-ад-дин в качестве фактического везира Газан-хана стоял настолько близко к делам управления Ираном, что прекрасно был осведомлен о порядках взимания повинностей с трудящегося населения, как они происходили при нем и в предшествующие три десятилетия. С большим знанием фактов он рисует все злоупотребления, которые творили местные

[1] Термин купчур разобран у В. В. Бартольда в его работе «Персидская надпись на Анийской мечете Мануче», стр. 30 и след. и у M. Quatremère. Histoire des Mongols de la Perse écrite en Persan par Raschid-el-Din (Collection orientale) стр. 256 и след. Между прочим на стр. 177—179 указ. соч. имеются интересные примечания по вопросу о пайцзах, а на стр. 179 и след. по вопросу о ярлыках.

[2] Рашид-ад-дин, в изд. Blochet, Gibb memorial, vol. XVIII, 2 стр. 310—314. Место это приведено в труде И. Березина «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева» (ТВО, т. VIII, стр. 461—462), опубликованного в 1864 г., однако без точной ссылки на определенную рукопись.

[3] D'Ohsson. Histoire des Mongols, vol. IV, pp. 370—477, 1835.

власти (баскаки, хакимы, битакчи, шихне и т. д.), находящиеся в полном контакте со всякого рода спекулянтами, ростовщиками и особенно откупщиками. Он рассказывает, как крестьяне и ремесленники, терроризованные военными отрядами, бывали вынуждены вымогательствами разного рода чиновников и сборщиков выплачивать причитающиеся с них повинности (натуральные и денежные) по нескольку раз в год. В течение каких-нибудь двух-трех десятилетий такая безудержная хищническая система управления и взимания налогов довела трудящееся население Ирана до полного разорения. Согласно Рашид-ад-дину крестьяне и ремесленники предпочитали скорее бросить свои дома и хозяйство на произвол судьбы, чем выплачивать то, что уплатить фактически не было возможно. И сколько ни прибегали монгольские чиновники к помощи военных отрядов, не всегда им удавалось вернуть к труду обедневшее и бежавшее население. Сколько раз бывало, по словам Рашид-ад-дина, что жители деревни или города забивали двери своих домов камнями, а сами входили и выходили через крышу. Когда какому-нибудь сборщику податей нужно было обойти один из кварталов, он прибегал к помощи имевшегося всегда к его услугам негодяя, который служил проводником. Завидя издали сборщика, жители бросались в поисках убежища и, прыгая с крыши, ломали себе ноги. Если сборщики не могли их поймать, они захватывали их жен и гнали последних, как стадо баранов, из квартала в квартал и приводили к чиновнику, ведающему сбором в округе. Здесь их связанных подвешивали за ноги и так били, что воздух оглашался криками и жалобами.[1]

Злоупотребления при взимании податей были настолько велики, что не только разорялись полностью трудящиеся города и деревни, но и казна была часто совершенно пуста, и это понятно, ибо при активном участии ростовщического капитала большая часть поступлений, к тому же полученных в тройном и больше размерах, распределялась между всякого рода чиновниками и спекулянтами. Рашид-ад-дин мастерски описывает, как поставщики разного оружия, провианта и других предметов, нужных монгольскому войску,[2] в виду отсутствия в казне денег, получали ассигновками (حوالت-ассигновка, براة документ об ассигновке),[3] по которым надлежало получить на местах у соответствующих баскаков из не полученных еще каз-

[1] Рашид-ад-дин, рукопись Института востоковедения Академии Наук, D. 66, л. 406a, пагинация самого переписчика. D'Ohsson, IV, p. 376—377.

[2] Рукопись Института востоковедения Академии Наук, D. 66, л. 426b, 427a, b; D'Ohsson, vol. IV, стр. 387—390.

[3] См. В. В. Бартольд «Персидская надпись на Анийской мечети Мануче», стр. 26, прим. I.

ной поступлений с той или иной области. Нетрудно представить себе всевозможные комбинации злоупотреблений, которые возникали на этой почве. Поставщики входили с сборщиками податей в разные мошеннические сделки и наживались всеми незаконными способами. Когда впоследствии при Газан-хане (1295—1304) стал резко вопрос о необходимости коренных преобразований в самой системе управления Ираном, чтобы спасти казну от полного разорения, то взоры невольно устремились на основной источник поступлений — крестьян и ремесленников. И тут оказалось, что в большинстве случаев крестьяне не способны вести обработку земли за отсутствием быков и семян.[1] Чрезвычайно тяжело было при монголах и положение ремесленников. Вот в каких выражениях описывает их жизнь И. Плано Карпини, который, как известно, проехал в ставку монгольского хана в 1246, т. е. буквально через 8 лет после восстания Тараби:[2] «В земле сарацинов и других, пишет он,[3] в среде которых они (монголы) являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия».

Рашид-ад-дин дает более подробные сведения. Он рассказывает,[4] что в каждом городе было много ремесленников-оружейников (اوزان), которые выделывали луки, стрелы, колчаны, сабли и другие предметы вооружения. Монгольской властью ремесленники покоренных городов рассматривались как пленные и были на положении зависимых людей. Ремесленники эти должны были поставлять в казну известное число своей продукции, за что и получали определенное содержание.[5] Не его ли имеет в виду П. Карпини, когда говорит: «каждому (производителю) они (монголы) дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах».[6] Впоследствии при Газан-хане такой способ эксплоатации ремесленников был признан нерациональным, ибо полагающееся содержание не доходило по назначению,

1 См. подробности у Рашид-ад-дина. Рукопись Института востоковедения Академии Наук, D. 66, л. 436 в; D'Ohsson, v. IV, 419.

2 Плано Карпини хотя и побывал из областей Средней Азии только в Хорезме и Семиречье, однако хорошо знал положение и других районов.

3 И. П. Карпини и В. Рубрук в переводе А. Малеина, стр. 36.

4 Рашид-ад-дин, рукопись Института востоковедения Академии Наук, D. 66, л. 433 в. На ряду с этим существовали в некоторых городах كارخانه او زان سلاح; см. также D'Ohsson, vol. IV, 431.

5 П. Карпини склонен говорить о них даже как о рабах, см. указ. соч., стр. 36—37.

6 Указ. соч., стр. 36.

и продукция ремесла катастрофически падала. Пришлось вернуться к старым порядкам, разрешить былые ремесленные организации и пойти на то, чтобы уплачивать за исполнение поставки вооружения по строго фиксированным ценам.[1] Все это относилось, по словам Рашид-ад-дина и к ремесленникам, которые выделывали седла и конскую сбрую.[2] Вот в самых кратких чертах то положение, в котором находились производители сельского хозяйства и ремесла в XIII в. при монгольской власти в областях Ирана. Мне представляется, мы имеем все основания считать, что многие черты, характеризующие бедственное состояние Ирана в первые десятилетия управления монголами, как они нарисованы Рашид-ад-дином, могут быть перенесены и на Мавераннахр 30-х гг. XIII в. И нет беды в том, что характеристика Ирана, данная знаменитым персидским историком, относится к Ирану 60—90-х гг. того же века, ибо последний по существу только через несколько десятилетий пережил то, что уже для Средней Азии было пройденным этапом. Конечно, события, связанные с монгольским завоеванием, только углубили те противоречия, которые имелись в стране до монголов, и без анализа последних покрыть полностью причины движения нельзя. Остается основной вопрос, в чем были главные формы эксплоатации крестьянина и ремесленника в эту эпоху. Я уже имел возможность выскаzаться по этому вопросу в своей статье: «Об испольных арендах в Ираке VIII в.». В ней я проводил тот взгляд, что в Средней Азии эта форма эксплоатации играла огромную роль вплоть до новейшего времени. Достаточно внимательно посмотрет на Хидаю, которая составлена Маргиани, т. е. Маргеланцем в XII в.[3] Этот труд, имевший такой успех на мусульманском Востоке, пользовался особой популярностью в Средней Азии. И все те главы, которые в нем посвящены ал-музāр'а и ал-мусāкā, не просто никому ненужные юридические рассуждения, а нормы, отражающие самую реальную действительность.

Мне нет надобности повторять здесь все те факты и мысли, которые я проводил в своей упомянутой статье. Одно хочется подчеркнуть: только учитывая именно эти формы эксплоатации, в которых такую большую роль играет ростовщический капитал, можно будет понять многие замечания источников, особенно Рашид-ад-дина, когда он непрестанно повторяет, что у землевладельцев не было ни семян ни быков для производства

1 Рашид-ад-дин, рукопись Института востоковедения Академии Наук, D. 66, л. 434а. Газан-хан приказал: که اهل هر خرفه را از اوزان هر شهری با همدیگر ضم کردند, а также D'Ohsson, vol. IV, pp. 432 и сл.

2 Там же, Рашид-ад-дин, D. 66, л. 434 в, а также D'Ohsson, vol. IV, 433.

3 Хидая Комментарии мусульманского права, т. IV, стр. 32—44 и 45—51.

сельскохозяйственных работ. К чему мог привести пресс монгольских налогов, да еще осуществленный руками сборщиков податей, находящихся на службе у ростовщического капитала?

В европейской литературе на восстание Тараби впервые обратил внимание D'Ohsson[1] в своем известном труде «Histoire des Mongols», однако он ограничился только подробным пересказом Джувейни. Ни одним словом он не обмолвился ни о характере движения ни о его причинах. Эти страницы, как и весь труд, носят печать определенного подхода к источнику — дать максимально подробный пересказ, а то и целиком текст по наиболее важным, с точки зрения автора, вопросам исторической жизни. Повидимому, в этом и заключается секрет того, почему его 4-томный труд в течение столетия не потерял значения. Ведь основной его источник — Рашид-ад-дин — до сих пор не только не переведен целиком, но даже целиком не издан. Вслед за D'Ohsson'ом на восстание Тараби 1238 г. обратил внимание Defrémery. В январском номере Journal Asiatique за 1852 г. он начал печатать отрывки из Хондемира (автор начала XVI в.) под заглавием» Histoire des Khanes mongols du Turkestan et de la Transoxiane».[2] В числе выбранных им отрывков находился и рассказ Хондемира о восстании Тараби. Defrémery было ясно, что рассказ Хондемира есть подробный пересказ Джувейни, поэтому через несколько месяцев он опубликовал и первоисточник в том же Journal Asiatique. Как отрывки из Хондемира, так и рассказ Джувейни он издал с переводом на французский язык.[3] Defrémery не ставил себе никаких иных задач, как опубликование текста и перевода, поэтому в его работе мы не найдем ничего кроме нескольких замечаний по поводу значения некоторых слов. Выше мной уже указывалось, что в русской исторической литературе на восстание Тараби не было обращено достаточного внимания, и В. В. Бартольд в своих работах отвел ему не больше нескольких строчек, хотя есть основания думать, что подробный рассказ Джувейни не раз был им использован по тому или иному поводу. Рассказ Джувейни

1 D'Ohsson, Histoire des Mongols, II, pp. 102—108. В пересказе текста Джувейни D'Ohsson сделал ошибку, он вместо имени правителя Махмуд-Ялавача написал имя его сына Масудбека. На это обратил внимание В. В. Бартольд, подчеркнув в лично ему принадлежавшем экземпляре соответствующее место и написав на полях «неверно».

2 Journ. Asiat., Quatrième série, t. XIX, стр. 58 и след. 1852.

3 Там же, t. XX, 1852, стр. 376—382 (перс. текст) и 388—399 (франц. перев.).

о восстании Тараби, являющийся первоисточником, настолько ценен своими подробностями, что заслуживает вновь быть изданным, на этот раз в переводе с персидского на русский язык.

«РАССКАЗ О ВОССТАНИИ ТАРАБИ»[1]

В течение 636 г. хид. (1238 г. н. э.) в созвездии Рака произошло злополучное сочетание звезд. Звездочеты уже раньше предсказали, что произойдет смута, и возможно, что некий распространитель неверия подымет восстание. В трех фарсахах от Бухары находится селение, называемое Тараб. В нем жил некий человек по имени Махмуд, ремесленник по выделке сит. О нем говорили, что в глупости и невежестве он не имел себе равного. Посредством обмана и лицемерия он начал подвижническую и набожную жизнь и стал утверждать свою связь с духами, уверяя, что джинны беседуют с ним и из обители сокровенного сообщают ему сведения. В областях Мавераннахра и Туркестана многие люди, по большой части женщины, заявляют о своей связи с духами. Всякий человек, отягченный горем или страдающий недугом, устраивает угощение, приглашает заклинателей духов, и они устраивают плясы. Невежды же и простонародье воспринимают те небылицы и вымыслы за правду. Так как сестра Махмуда по всякому поводу разговаривала с ним об этих бреднях, то он, наконец сам объявил, что̀ нужно сделать, чтобы стать последователями заблуждения. [Люди] к нему устремились, и везде, где был какой-нибудь больной хроническим недугом или просто несчастный, они обращались к Махмуду. Случайно на одном или двух из круга его последователей обнаруживались следы выздоровления. В большинстве случаев приходили к нему из знати и простонародья, «кроме тех, кто пришел к Аллаху с мирным сердцем».[2] В Бухаре я слышал от людей, чьим словам можно доверять, как они говорили: «В нашем присутствии Махмуд ввел в глаз одному или двум слепым лекарство из собачьего кала, и они выздоровели». Я на это ответил: «Видевшие это сами были слепыми, да и кроме того, исцеление слепых есть чудо Иисуса, сына Марии, а затем сказал же о нем аллах всевышний: «Ты исцелил слепого и прокаженного».[3] Если бы я это собственными глазами видел, то занялся бы излечением глаз». — В Бухаре жил некий ученый человек, известный и прославленный за свои качества и происхождение. Прозвище

1 Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 85—90.

2 Коран, XXVI, 89.

3 Коран, V, 110.

(лакаб) его было Шемс-ад-дин Махбуби. По причине неприязни, которая была у него к имамам Бухары, он присоединился к безумию того глупца и вошел в число его последователей. Он сказал как-то этому еретику [Махмуду]: «Мой отец рассказывал и в книге записано, что из бухарского Тараба выйдет правитель, который освободит мир, и описал отличительные признаки его, и эти знаки видимы в тебе». Под влиянием этой мысли безумный еретик совсем возгордился. Эта молва совпала с предсказаниями звездочетов. С каждым днем число последователей [нового учения] увеличивалось, и уже вся Бухара и [окрестные] рустаки присоединились к Махмуду. Уже начали обнаруживаться признаки смуты и восстания. Эмиры и баскаки, которые находились [в Бухаре], устроили совещание о мерах к успокоению вспыхнувшей смуты и отправили в Ходжент к правителю Ялавачу гонца с извещением обо всем случившемся. Сами же под видом принесения хвалы и стремления к сближению направились в Тараб и стали уговаривать Махмуда переехать в Бухару, дабы он своим присутствием украсил город и устроил там свою резиденцию, рассчитывая, что, когда он (Махмуд) достигнет моста Вазидана, они неожиданно для него пронзят его стрелами. Когда они пустились в путь, Махмуд уже узнал об истинности их намерений.[1] Когда же они приблизились к мосту, Махмуд обратился к Тамша, который был главным из монгольских начальников, и сказал ему: «Откажись от злого умысла, а иначе я прикажу без вмешательства человеческой руки вырвать твои, глядящие на мир, глаза». Услышав эти слова, монголы сказали: «Ясно, что никто не извещал Махмуда о нашем замысле, а между тем слова его находятся в полном соответствии с действительностью. Монголы испугались и не причинили Махмуду никакого зла, так что он свободно достиг Бухары и остановился во дворце Синджара-Мелика. Эмиры, именитые люди города и садры старались оказать ему почести и уважение, а в душе хотели его убить при удобном случае, так как простонародье победило. Квартал и базар, в котором находился Махмуд, были так запружены народом, что кошке невозможно было пройти. Так как людская давка достигла предела, но никто не хотел возвращаться без его благословения, а выходов в проходах не оставалось, да и самого выхода не было, то Махмуд вышел на крышу и стал изливать воду из своего рта. Каждый, кто получал каплю от той воды, возвращался [домой] радостным и улыбающимся. Некий человек из числа последователей Махмуда сообщил ему о замыслах монгольских начальников.[2] Махмуд тотчас же выехал тайно через одни из город-

[1] Дословно: «Увидел признаки изменения в обстоятельствах того отряда».

[2] Буквально: «Того отряда».

ских ворот и сел на одну из лошадей, которые были привязаны у ворот. Посторонние люди не знали, кто он и не обратили на него внимания. Одним махом он достиг холма Абу-Хафса, и сразу же собралась около него огромная масса людей. Через некоторое время [в городе] стали искать этого еретика [Махмуда], но не нашли. На поиски его во все стороны поскакали всадники и, наконец, неожиданно обнаружили его на вершине упомянутого холма. Всадники возвратились и оповестили о случившемся. Народ поднял крик, что Ходжа одним взмахом взлетел на холм Абу-Хафса. Сразу же узда правления выпала из рук больших и малых. Большая часть народа направилась в степь, к холму, и собралась около Махмуда. Наступил час вечернего намаза. Махмуд обратился к народу и сказал: «О, защитники истины, чего еще медлить и ждать, необходимо очистить мир от неверных, пусть каждый приготовит и обратит в дело, что у него имеется из оружия и инструментов или палок и дубин».

Все мужское население города присоединилось к нему. Тот день была пятница, Махмуд остановился во дворце Раби'а и пригласил к себе садров, вельмож и известных людей города. Глава садров билик дахр, Бурхан-ад-дин, потомок рода доказательства, отпрыск могущественной семьи, дал Махмуду халифскую власть на том основании, что тот не являлся для него неприемлемым как в отношении ума, так и по благородству; он же (глава садров) провозгласил садром Шемс-ад-дин-Махбуби. Большую часть вельмож и людей именитых подверг он оскорблению и обесчестил; некоторых он убил, другая же часть бежала. Простому народу и бродягам он, наоборот, выказал расположение и сказал: «Войско мое состоит из двух частей, одна из потомства Адама, она — видима, другая скрыта и состоит из небесных сил, которые летают по воздуху и толпой джиннов ходят по земле. Теперь я обнаружу эти силы, посмотрите на небо и землю, чтобы иметь доказательство истинности моих слов». Близкие люди и последователи Махмуда посмотрели на небо. «Вот (сказал Махмуд) в таком-то месте такой-то летает в зеленой одежде, а в таком-то — в белом платье». Простой народ подтвердил сказанное. Всякого же, кто говорил: «не вижу», делали видящим при помощи палочных ударов. И еще сказал Махмуд: «бог всевышний послал нам оружие из обители сокровенного». В этот момент со стороны Шираза прибыл некий купец и привез четыре ослиных ноши сабель. После того у простого народа не оставалось никакого сомнения в победе. В ту же пятницу прочитали хутбу султанства на имя Махмуда. Когда намаз был окончен, он послал людей в дома богатых, чтобы они захватили там палатки, шатры и ковры

и устроили военный стан. Чернь и бродяги отправились в дома богатых и принялись грабить их и разорять. Когда наступила ночь, султан уединился с пэриподобными прелестницами и пьянящими сердце красавицами и предался приятному времяпрепровождению. На рассвете он принес из колодца воду для омовения, согласно тому, как сказал поэт: «Всякий раз, как она покидала меня, она приносила мне воду для омовения, как будто мы оба предавались запретному».

Для благословения и удачи воду эту его последователи разделили на мены и дирамсанги и приготовили из нее для больных напиток. Имущество, которое они награбили, Махмуд раздал тому и другому, выделил долю войску и своим приближенным. Сестра Махмуда, когда увидела чинимые им с женщинами и имуществом злоупотребления, отошла в сторону и сказала: «Дело его, которое осуществилось при моем участии, приняло вредный оборот». Эмиры и садры, которые прочли суру бегства,[1] сошлись в Кермине и собрали всех монголов, которые находились в окрестности, там из всего, что у них имелось, они составили войско и направились к Бухаре. Махмуд с своей стороны приготовился к сражению и вышел навстречу вражескому войску с базарными людьми, одетыми в рубахи и штаны (изар). С двух сторон выстроились ряды войск. Тараби вместе с Махбуби были в первых рядах без оружия и кольчуг. Так как широко распространился слух, что все руки, поднявшиеся против Махмуда, отсохнут, то войско монголов чрезвычайно вяло взялось за оружие — сабли и стрелы. Один из монгольских воинов выпустил стрелу, которая случайно убила Махмуда. Другая такая же стрела настигла Махбуби. Никто не знал об этом случае ни в войске Махмуда ни в войске монголов, а между тем поднялся сильный ветер, налетело столько пыли, что люди перестали видеть друга друга. Враги подумали, что все это чудеса Тараби, настроение у них упало, и они обратились в бегство. Войско Махмуда бросилось за ними в погоню. Население окрестных рустаков вышло из своих деревень, и, забрав с собой лопаты и топоры, присоединилось к последователям Махмуда и всякого, кого удавалось настичь из войска монголов, особенно сборщиков податей и богатых людей, они хватали и раскраивали топором голову. Так, в погоне они дошли до Кермине. Было убито около 10 000 человек. Когда последователи Тараби вернулись в Бухару и не нашли Махмуда, они сказали: «Ходжа сделался невидимым, до его появления пусть два его брата — Мухаммед и Али — займут его место». Эти двое еретиков стали продолжать

[1] Коран, XV, ст. 80.

дело и тактику Тараби. Простой народ и бродяги сделались их последователями и сразу же без удержу принялись за грабеж и разорение. Неделю спустя Ильдыз Нойон и Чекен Курчи пришли с большим монгольским войском. Эти же еретики со своим последователями вышли в степь и выстроились для сражения безоружными.[1] Лишь только началась стрельба, оба заблудшихся брата были убиты. В этом сражении монголы убили около 20 000 чел. На другой день, когда меченосцы утра рассекли границу ночи,[2] монголы погнали в степь захваченных людей — мужчин и женщин. Монголы уже отточили зубы мщения и разверзли пасть алчности и говорили друг другу: «Еще раз приложим руку к делу, осуществим желание, людей сделаем топливом очага бедствия, а имущество и детей их захватим в качестве добычи».

Божественная доброта и милость божья положили конец смуте благодаря вмешательству сострадания Махмуда,[3] каковой поступок был в полном соответствии с его именем, что значит хвалимый, и звезда этого города Бухары вновь стала счастливой. Когда Махмуд Ялавач приехал в Бухару, он воспрепятствовал монголам убивать и грабить. Он сказал: «Как можно убивать столько тысяч людей из-за нескольких преступников и как возможно из-за одного еретика уничтожить город, на который потрачено столько долгих усилий, чтобы он стал цветущим». После уговариваний, стараний и препирательств Махмуд с монгольскими военачальники порешили на том, что о случившемся доложат великому хану, и то, что будет в его приказе, исполнить. Тотчас же Махмуд отправил послов и так воздействовал на хана, что тот простил вину, которую невозможно было простить, и пощадил жизнь населения Бухары. Итоги этих усилий Махмуда Ялавача стали достойны похвалы и благодарности».

Вышеприведенный рассказ, несмотря на некоторую цветистость речи, явно враждебное отношение к движению и его руководителю Махмуду, а также нескрываемые симпатии к власти, особенно к правителю и откупщику Махмуд Ялавачу, представляет рядом своих деталей несомненную ценность. Несколько слов о ярко выраженной в рассказе классововраждебной к восстанию точке зрения автора. Для Джувейни, типичного представителя придворно-феодальной историографии, ремесленник Махмуд — обманщик, развратник, который потакает грабительским наклонностям темной массы простонародья. Отсюда, конечно, и исходит совершенно искрив-

[1] Буквально: голые.
[2] Т. е. на рассвете.
[3] Махмуд-Ялавач.

ленное, извращенное изображение самого движения и его руководителей, черта, которая так характерна для всей феодальной историографии, находящейся в руках представителей господствующего класса. Вспомним хотя бы известный рассказ Нершахи о восстании Муканны (Хашима ибн-Хакима) в 70—80-х гг. VIII в. Нершахи с еще большей злобой, чем Джувейни, пишет о восстании народных масс. Свой рассказ он часто снабжает ругательствами и проклятиями по адресу вождя движения Муканны. Такие выражения, как «прах ему в рот»[1] или «проклятие ему»,[2] — постоянные выпады Нершахи. Однако, как бы враждебно ни относился Джувейни к самому восстанию и его вождю, как бы ни старался снизить его социальный смысл, факты, приводимые им, говорят за себя и с учетом всех поправок дают возможность построить картину развернувшихся событий. Прежде всего нельзя пройти мимо характерной подробности.

Джувейни с презрением и явной недобросовестностью рассказывает о Махмуде как представителе неверия, как о человеке, который утверждает, что он находится в особой связи с духами, а о его последователях — что они устраивают особые угощения и плясы и приглашают на них заклинателей духов, которые, как и сам Махмуд, занимаются разного рода «исцелениями» и что, наконец, во всех этих собраниях особо видную роль играют женщины. Вместе с тем Джувейни подчеркивает, что в начале монгольской эпохи эти факты широко были распространены по всей Средней Азии (Мавераннахр и Туркестан). Из рядов этих сектантов или еретиков и вышли последователи Махмуда, они-то и дали политический актив самому восстанию 1238 г. К сожалению, в нашем распоряжении нет параллельных современных материалов, на основе которых мы могли бы дать анализ самой этой ереси и вскрыть ее содержание. В данном случае приходится исходить из рассказа Джувейни и фактов, относящихся к более раннему времени. Ценность рассказа Джувейни в том, что он, говоря о ереси, тут же вскрывает и ее социальное содержание, правда, всячески стремясь принизить его смысл. Здесь невольно вспоминается руководящее замечание Ф. Энгельса, сказанное им в «Крестьянской войне в Германии». Вот его слова: «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания».[3] Слова эти сказаны о другой стране, другом времени, но они в данном случае сохраняют всю свою значи-

[1] См. Нершахи, изд. Schefer'a, перс. текст, стр. 64, 65 и дальше.
[2] Указ. соч., стр. 65 и дальше.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. VIII, стр. 128—129.

мость. Народные массы Средней Азии, особенно земледельческих оазисов по долинам Заравшана, Кашка-Дарье и других рек как крестьяне, так и ремесленники, недовольные всеми общественными порядками своего времени, не могли в ортодоксальном исламе найти для своего протеста идейного оружия. Да и как они могли найти его в нем, когда руководящие представители мусульманского духовенства были крупнейшими феодалами, которые давили на массы не только тяжелым прессом феодальных повинностей, но всем авторитетом ислама, в задачу которого входило прежде всего идейно укреплять основы восточного феодализма. Вспомним только, что в эту эпоху два положения особенно проводились мусульманским духовенством: «царство принадлежит аллаху» и «султан — тень аллаха на земле». Здесь полная аналогия с тем, что происходило в крестьянских движениях на Западе. «Ясно, что при этих условиях, — пишет Ф. Энгельс, — всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять собою одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости».[1]

Характерно, что на мусульманском Востоке все революционные движения в сфере идеологической идут под лозунгами той или иной ереси, а то и просто антиисламских учений. Известно, что движение Муканны в конце VIII в. насквозь проникнуто было маздакитскими идеями.[2]

В XIII в. маздакизм не мог уже питать в старой форме народные массы, — и времена и отношения были уже не те. Однако многое из его идейного багажа сохранилось в сознании масс, и прежде всего его учение о праве проливать кровь в борьбе против угнетения и его идея об общности имуществ в типичной примитивной форме, свойственной крестьянским и ремесленным движениям феодального общества. Ремесленник Махмуд и его последователи проповедывали свое «неверие» или «ересь» в самом сердце среднеазиатского ислама, в Бухаре, которая известна была во всем мусульманском мире своими медрессе и учеными-богословами.[3] Тем понятнее тот факт, что именно здесь образовался идейный центр движения: слишком видна была неразрывная связь бухарского духовенства с феодальною властью, вместе с которой она и составляла господствующие слои феодального общества. Поколение Махмуда прекрасно помнило, какую роль в Бухаре играли

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. VIII, стр. 128.
[2] См. Бируни, Хронология, араб. текст, стр. 21.
[3] Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 84—85.

садры, сохранявшие впрочем и при монголах многое из своего прежнего положения.

В «ереси» Махмуда, как она изображена Джувейни, имеются остатки старого язычества, возможно, даже элементы шаманства, однако суть не в них, а в том, что за заклинаниями духов, «исцелениями», угощениями, и плясами видно глубокое социальное недовольство. Махмуд и его последователи не принимают существующих порядков, не хотят мириться с самыми формами феодальной эксплоатации, а не только с теми злоупотреблениями, которые так характерны для первых десятилетий монгольской власти в Средней Азии.

В этом отношении очень характерны два места в рассказе Джувейни. Шемс-ад-дин-Махбуби, выходец из рядов бухарского духовенства, перешедший на сторону Махмуда, сказал ему как-то: «Мой отец мне рассказал, и в книге записано, что из бухарского Тараба выйдет правитель, который освободит мир».[1] В полном соответствии с этими словами выступает Махмуд на большом собрании народа с холма Абу-Хафса, находящегося сейчас же на север от северной стены Бухары.[2] «О, защитники истины, что еще медлить и ждать, необходимо очистить мир от неверных, пусть каждый приготовит и обратит в дело, что у него имеется из оружия и инструментов или палок и дубин».[3] Дальнейшие события и мероприятия Махмуда в Бухаре вскрывают со всей полнотой классовую направленность движения.

Восставшие подвергают репрессиям представителей феодальной аристократии — светской и духовной, — налагают руку на все их имущество, которое и делят между собой на основе принципа об общности имуществ. Так по крайней мере разворачиваются события в самой Бухаре.

Джувейни не может спокойно говорить об этой стороне движения. В его сознании это преломляется только как грабеж и грубое насилие, а народные массы становятся чернью и бродягами. Сколько скопилось глухой ненависти у ремесленников и особенно у сельского населения, т. е. у крестьян по отношению к господствующим слоям феодального общества, лучше всего рассказывает то место отрывка, где говорится о разгроме отряда, собранного феодалами и монгольскими чиновниками. «Войско Махмуда бросилось за ними в погоню. Население окрестных рустаков вышло из своих деревень и, забрав с собой лопаты и топоры, присоединилось к последователям Махмуда и всякого, кого удавалось настичь из войска

[1] Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI I, стр. 86.
[2] Указ. соч., стр. 87.
[3] Указ. соч., стр. 87.

монголов, особенно сборщиков податей и богатых людей, они хватали и раскраивали топором голову».[1]

В рассказе Джувейни нет прямых указаний, на основе которых можно было бы утверждать, что в движении Тараби отражены маздакитские идеи. Однако едва ли народные массы забыли имя и образ Маздака. Величайшее творение феодального Ирана и Мавераннахра — Шахнамэ широко было известно в эту эпоху, особенно среди городского населения, а следовательно большой популярностью пользовался и образ Маздака, которому Фердоуси посвятил немало своих чудесных бейтов (Mohl, VI, 142—154). Да и не могла умереть из десятилетия в десятилетие переходящая традиция лозунгов крестьянско-ремесленных движений, которые в прошлом, как известно, питались маздакитскими идеями.

Рассказ Джувейни дает яркую картину распределения классовых сил движения. Глава движения — ремесленник, ситовщик; главный актив восстания — ремесленники и крестьяне. На это в рассказе имеются прямые указания. Джувейни все время оперирует с термином авамм — простонародье.[2] Когда наступил момент военного столкновения, то, по словам Джувейни, «Махмуд с своей стороны приготовился к сражению и вышел навстречу вражескому войску с базарными людьми, одетыми в рубахи и изар (штаны)».[3] Не подлежит сомнению, что эти «базарные люди»[4] и есть ремесленники Бухары. Известно, что в восточном феодальном городе кварталы ремесленников и базар неотделимы, так же как неотделимы и люди базара от ремесленников. Выше я уже приводил выдержку из Джувейни, где говорится о том, что к отряду Махмуда Тараби на всем пути от Бухары до Кермине присоединялись крестьяне окрестных рустаков.[5] Не менее четко с классовой точки зрения комплектуется и лагерь контрвосстания. Здесь мы видим тесное единение представителей феодальной аристократии (светской и духовной) с представителями монгольского командования и баскаками. «Эмиры и баскаки, которые находились [в Бухаре], устроили совещание о мерах успокоения вспыхнувшей смуты. . .»[5]

«Эмиры, именитые люди города и садры старались оказать ему почести и уважение, а в душе хотели убить его при удобном случае».[6] И, наконец, «Эмиры и садры, которые прочли суру бегства, сошлись в Кермине

[1] Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 89.
[2] Указ. соч., стр. 85 и след.
[3] Указ. соч., стр. 89.
[4] Указ. соч., стр. 89.
[5] Указ. соч., стр. 86.
[6] Указ. соч., стр. 87.

и собрали всех монголов, которые находились в окрестности; там из всего, что у них имелось, они составили войско и направились к Бухаре».[1]

С большим вниманием Джувейни останавливается и на личности вождя движения. С первых же строк он не скрывает своего враждебного к нему отношения, о чем выше уже вкратце указывалось. Основной мотив всего поведения Махмуда Джувейни видит в том, что он стремится к власти по соображениям личной выгоды. Джувейни готов изобразить его демагогом, который потакает грабительским инстинктам толпы, дабы с помощью ее притти к власти и получить большую долю награбленного добра. Первую же ночь после захвата власти в Бухаре он, по словам Джувейни, предается разврату. «Когда наступила ночь, султан уединился с пэриподобными прелестницами и пьянящими сердце красавицами и предался приятному времяпрепровождению».[2] Изображает он его и лицемером, обманщиком, не останавливаясь перед тем, чтобы возвести на него всяческую клевету. По словам Джувейни, Махмуд благословляет толпу водой от своего омовения.[3] Заодно Джувейни не прочь поиздеваться над восставшим населением и его темнотой. С презрением он рассказывает, что воду от омовения после развратного общения с женщинами Махмуд передал толпе как целящий напиток. «Для благословения и удачи воду эту его последователи разделили на мены и дирамсанги и приготовили из нее для больных напиток».[4] Однако при всей своей ненависти к классовому врагу он не может пройти мимо ряда фактов, которые целиком разбивают образ Махмуда в том виде, как он хочет его навязать читателю. Джувейни сам передает также детали событий, согласно которым Махмуд выступает как человек фанатически преданный идее освобождения народа от угнетения богачей и правителей. Когда «с двух сторон выстроились ряды войск», то «Тараби вместе с Махбуби были в первых рядах без оружия и кольчуг».[5] Махмуда скорей можно обвинить в неосторожности, в недостаточной оценке значимости своей личности как вождя движения, ибо в первом же сражении он и погиб как находящийся в переднем ряду восставшего народа. Махмуд не случайный человек в движении. Приводимые Джувейни факты дают право утверждать, что он вполне на высоте революционной политической мысли своего времени. Он — признанный вождь народной массы, умелый агитатор, к голосу которого прислушиваются и авторитету которого безусловно подчиняются.

[1] Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 89.
[2] Указ. соч., стр. 88.
[3] Указ., соч., стр. 87.
[4] Указ. соч., стр. 88.
[5] Указ. соч., стр. 89.

Лучшим доказательством этого являются две сцены: одна на базаре, когда он с крыши дворца Мелика Синджара говорит с народом,[1] другая — у холма Абу-Хафса, когда он зовет народ к вооруженному восстанию и захвату власти. Здесь народ ловит каждое его слово.[2] Не только для характеристики его личности, но и степени политической сознательности восставшего народа (ремесленников и крестьян) следует привести примечательный факт. Когда Махмуд в сопровождении большой массы крестьян и ремесленников прибыл из Тараба в Бухару, первое, что он сделал, — отправился во дворец Мелик Синджара.[3] Это факт не случайный, дворец Мелика Синджара не просто дворец, а как мы уже видели, дворец, выстроенный Синджаром, сыном продавца щитов, главой ремесленного движения против садров, имевшего место в Бухаре за двадцать один год до восстания Тараби. Синджар, сын продавца щитов, или, как его называли, Мелик-Синджар, успел за короткое время своей власти выстроить дворец. Для восставшего народа и его вождя Махмуда занятие дворца, превращение его в штаб-квартиру восстания есть глубоко продуманный политический шаг, целью которого является подчеркнуть связь с предшествующим освободительным движением. Бухарские ремесленники не забыли своего Синджара, и оставленный им дворец был для них символом народной власти.

Эта, на первый взгляд, маленькая деталь с дворцом проливает свет на вопрос: сильно ли было в Бухаре воспоминание о движении Синджара. О степени политической сознательности (в условиях своего времени, конечно) Махмуда нам рассказывают и другие факты. Махмуд понимал, что народу важно не только захватить власть в свои руки, но и придать его правителю законный характер. Отсюда и идет его стремление добиться от главы духовенства из дома Бурхан-ад-дина передачи ему звания халифа. Джувейни красочно передает,[4] как после захвата власти в городе в пятничный день Махмуд во дворце Раби'а пригласил к себе садров, «вельмож и известных людей города» и как он заставил главу садров в их присутствии передать ему халифское достоинство. Там же он заставил передать и звание садра своему соратнику Шемс-ад-дин Махбуби. В дальнейшем Махмуд выступает как халиф и султан[5] по воле восставшего народа и по законно переданной ему через высшего представителя духовенства власти. И только после этого он начинает проводить мероприятия по очищению города Бухары от знати,

[1] Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 87.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Указ. соч., стр. 87 и 88.
[5] Указ. соч., стр. 88.

высшего духовенства, богачей, т. е. прибегает к террору против врагов народа.[1] Махмуд выступает и как умелый стратег, несмотря, как выше указывалось, на личную неосторожность. Самый ход развернувшихся событий, приведших к открытому вооруженному выступлению против феодальных верхов, показывает, как правильно Махмуд поступил, когда сосредоточил свои силы в борьбе за захват власти не в узеньких улицах города, а за городом, имея возможность маневрировать. И действительно, если бы он не начал собирать силы у холма Абу-Хафса, а избрал бы какие-нибудь кварталы Бухары, монгольские военачальники при помощи своих отрядов, хотя бы и небольших, быстро с ним справились бы. Здесь же, к открытому месту могли стекаться (как оно и было на самом деле) не только жители города, но и окрестных селений. Последнее обстоятельство нужно особенно подчеркнуть. Махмуд прекрасно понимал, что его главный резерв — крестьянство соседних с Бухарой рустаков. С этой точки зрения военный лагерь у холма Абу-Хафса за пределами города приобретал огромное политическое значение, являясь одним из наиболее удачных моментов движения 1238 г.[2]

Несмотря на громадные разрушения, произведенные монголами во время взятия Бухары в 1220 г., город быстро оправился и к моменту восстания Махмуда Тараби вновь был одним из крупнейших на феодальном мусульманском Востоке. Правда, мы не имеем описания города, относящегося непосредственно ко времени 1238 г. Однако в нашем распоряжении есть два известия, совершенно независимые друг от друг и относящиеся в общем к середине XIII в. Одно из них исходит от знаменитого путешественника Марко Поло, который, со слов Николая и Матвея Поло, пишет: «Перейдя через пустыню, пришли они в Бухару. Город большой, величавый... Во всей Персии Бухара самый лучший город».[3] Если принять во внимание, что братья Поло видали много персидских городов,[4] то не приходится сомневаться в значительной доле истинности их суждения, тем более, что в самой Бухаре они прожили несколько лет. В. В. Бартольд считает, что они провели там «три года (вероятно, 1262—1265)».[5] Не менее решительно говорит о Бухаре в этом смысле и Джувейни, который, как известно, составил свой труд в 1260 г. Он особо подчеркивает,[6] что в его время не

[1] Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 88.
[2] Там же.
[3] И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло. Под ред. В. В. Бартольда, стр. 6.
[4] Т. е. городов, население которых говорило по-персидски.
[5] В. В. Бартольд, Мир-Али-Шир, стр. 105.
[6] Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 84—85.

было в странах ислама другого города, который мог бы сравниться с Бухарой по количеству и богатству населения, обилию ученых сил и т. д. Указывает он также, что в это время (при правителе Масудбеке сыне Махмуд Ялавача)[1] в Бухаре было выстроено два замечательных медрессе, одно, известное под именем Ханийя, другое — Масудийя, в каждом из которых обучалось ежедневно по 1000 студентов. Оба здания величиной своей и отделкой служили гордостью Бухары. Едва ли можно сомневаться, чтобы Джувейни, сведения которого о Мавераннахре отличаются точностью, дал бы нам значительное преувеличение действительности. Словом, ему приходится верить тем более, что с ними совпадают и впечатления европейцев Поло, которые никакого отношения к историческому труду Джувейни не имеют. Движение Махмуда Тараби, начавшееся в Бухаре и его окрестностях, имело здесь несомненно самую важную в политическом смысле точку Мавераннахра. Захват власти в Бухаре и первые удачи под Кермине, когда монгольский отряд был разбит, а крестьянство массами активно вступало в движение, сулил восстанию большие перспективы. При той напряженной атмосфере, которая была тогда в Мавераннахре, можно было в случае прочных первых успехов ожидать расширения движения по всей долине Заравшана. Однако мы знаем, этого не произошло. Не произошло прежде всего потому, что в первом же сражении были убиты вожди движения Махмуд и Махбуби. Два брата Махмуда Тараби — Мухаммед и Али, при всем своем желании продолжать линию убитого вождя, не оказались на высоте и в ближайшем же крупном сражении погибли. Громадную роль сыграло и то обстоятельство, что масса восставших ремесленников и крестьян не имела ни достаточного вооружения, о чем совершенно определенно рассказывает Джувейни,[2] ни необходимой военной выучки. Указанные обстоятельства приходится особо подчеркнуть, ибо все остальные условия складывались для движения благоприятно. Имею в виду главным образом полную готовность крестьянства выступить в качестве активно действующей силы. Трагедия с гибелью вождей Махмуда и Махбуби, заминка и растерянность в массах, связанные с потерей руководящей руки, дали возможность господствующему классу и прежде всего монгольскому командованию выиграть время и стянуть большие силы к Бухаре. Спустя какую-нибудь неделю «Ильдыз Нойон и Чекен Курчи пришли с большим монгольским войском».[3]

[1] Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 84—85.
[2] Указ. соч., стр. 87, 88, 89, 90.
[3] Указ. соч., стр. 89—90.

Силы оказались неравными, в открытом сражении движение Тараби было разгромлено, в Бухаре и его округе началась расправа с восставшим населением. Насилия, убийства, грабежи приняли такие размеры, что правителю Мавераннахра Махмуд Ялавачу пришлось вмешаться, чтобы спасти Бухару от полного разгрома. Джувейни не жалеет красок, чтобы прославить «мудрую» «примирительную» политику всесильного тогда откупщика и правителя. Если слова о примирительной роли Махмуда Ялавача соответствуют действительности, и он на самом деле своим обращением к великому хану Угэдэю спас Бухару от разрушения, то едва ли можно сомневаться в истинных мотивах его поступка. Как откупщик всех повинностей с Мавераннахра он не мог безразлично относиться к сокращению, а то и полному упадку хозяйственной жизни Бухары и ее округи. Ведь монгольский хан не снял бы с Мавераннахра даже небольшой части полагающихся с него повинностей. Разорение Бухары, конечно, отразилось бы на доходах самого Махмуд Ялавача. Дальнейшие репрессии с точки зрения последнего были тем более ненужны, что движение было уже подавлено.

Особо стоит вопрос о последствиях движения Тараби 1238 г. Оказало ли оно влияние на ход политической жизни Мавераннахра и отразилось ли на положении самих крестьян и ремесленников? Смягчились ли в частности творимые злоупотребления при сборе феодальных повинностей с населения? Прямых ответов на эти вопросы в источниках мы не получим.

Однако анализа вышеприведенных указаний Рашид-ад-дина о содержании ярлыков Мангу-хана (1251—1259) уже достаточно, чтобы не только поставить эти вопросы, но и пролить на них некоторый свет.

Прежде всего надо подчеркнуть, что ярлыки эти не могли быть изданы позже 1259 г. (год смерти Мангу-хана), т. е. спустя двадцать лет после восстания Тараби. Скорее следует предположить, что они относятся к началу его правления, т. е. к самой середине XIII в. Основной смысл этих ярлыков, как мы выше видели, сводится к стремлению прекратить все злоупотребления, которые были связаны с сбором разного рода феодальных повинностей как в самом Моголистане, так, особенно, в Мавераннахре. Позволю себе напомнить только одно место: «Так как дела насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно были доведены до крайности от множества всякого рода тягот, взысканий и обременений чрезвычайными налогами (повинностями) земледельцы, так что польза, получаемая ими, не равнялась половине взысканий (в виде повинностей), то он (Мангу) приказал, чтобы...[1]

[1] Рашид-ад-дин, в изд. Blochet, Gibb memorial, vol. XVIII, 2, стр. 312.

Нужны были очень серьезные обстоятельства, чтобы феодальная власть в лице монгольского хана заговорила языком «заботы» о положении крестьянства, которой вдруг прониклись ярлыки великого хана. Едва ли приходится сомневаться, что среди этих обстоятельств восстание Тараби сыграло решающую роль. И только ли одно восстание? Повидимому, в Мавераннахре и в других местах протекали движения крестьян и ремесленников: ведь, говорит же Джувейни, что ересь Махмуда[1] была широко распространена по областям Туркестана и Мавераннахра. Из того факта, что источники сохранили нам рассказ об одном движении, не следует, что их больше не было. К сожалению, на данном этапе наших знаний об этой эпохе невозможно ответить на вопрос, повлияло ли восстание Тараби в какой-нибудь мере на смягчение самых форм феодальной эксплоатации крестьян и ремесленников, как они (формы эксплоатации) сложились к началу монгольской эпохи. Имею в данном случае в виду не феодальные повинности в пользу государственной власти, а основные формы эксплоатации трудящихся масс феодалами.

[1] Juwayni, XVI, стр. 85.

А. А. ФРЕЙМАН

Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане

В изданном Академией Наук в 1934 г. «Согдийском сборнике»[1] уже было дано описание и оценка значения открытых в 1933 г. на горе Муг, на левом берегу Зеравшана, согдийских документов как исторических и языковых памятников. Они, повидимому, представляют собою остаток архива известного по арабским источникам согдийского владетеля Дивастича. Являясь первыми в истории науки письменными документами подобного рода, обнаруженными на территории Согдианы в определенной, исторически засвидетельствованной, обстановке, они не оставляют никакого места сомнению, что язык их — язык согдийский. Они подтверждают поэтому правильность высказанного ранее и утвердившегося мнения о языке подобных документов, найденных в Китае, как о языке согдийском.

Работа над дешифровкой этих документов в истекшем году подтвердила полностью сообщенные о них в предварительном описании данные. Эти документы — деловая переписка Дивастича и приближенных к нему лиц, юридические акты, деловые записки, расписки. Литературные памятники среди них не обнаружены. В качестве исторических документов обращают на себя сугубое внимание в этом собрании датированные документы. Они могут быть разделены на две категории: одни из них датированы годом Дивастича, месяцем и днем, а в других помечен лишь месяц и день. Таким образом, все они могут послужить материалом для попыток разъяснения согдийского календаря, а первые, с годами Дивастича, также и для характеристики последнего. Большинство датированных рукописей представляет собою краткие записи, преимущественно на коже и палках, об израсходованных продуктах (пшенице, баранах), о выдаче кож, поступлении денеж-

1 Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Ленинград, 1934, изд. Акад. Наук СССР.

ных сумм и т. п. Эти документы вводят нас непосредственно в хозяйственную обстановку данной среды.

1. Согдийский календарь

Датированные согдийские рукописи известны были и раньше, о них писал в 1912 г. Р. Готио,[1] но данные наших рукописей превышают во много раз все, что было известно до сих пор в этом отношении. Даты отмечены были прежде всего в шести старых согдийских письмах, найденных англо-индийской экспедицией М. А. Стейна к западу от Дунь-Хуана, в сторожевой башне у китайской стены, и изданных в 1931 г. в транскрипции, с переводом и с приложением таблиц Х. Рейхельтом.[2] Кроме того, датирована рукопись *mstk'r'k čš'nt prγwn pwstk*, «Сутра против опьяняющих напитков» из того же собрания М. А. Стейна[3] и рукопись № 3520 Парижского собрания из Дунь-Хуана (экспедиция П. Пеллио).[4] Помимо того, одно название месяца[5] отмечено в христианско-согдийском тексте, изданном Ф. В. К. Мюллером и В. Ленцем.[6] Только в одном из писем отмечено название месяца, а именно *tγm'yčw*,[7] быть может также *γwr*[8] *m'γ*. В остальных датировках месяц обозначен порядковым числительным. Обозначение дня в этих письмах и в упомянутой выше парижской рукописи сильно напоминает систему, отмеченную в древнеперсидских клинообразных надписях. В последних день обозначен числом в сопровождении слова «*θakatā*» 'по истечении'; например,[9] *Viaχnahya māhyā XIV raučabiš θakatā āha*^{n} «месяца Вияхна по истечении XIV дней было». Весьма близка к этой система обозначения числа месяца и в старых согдийских письмах и в названной выше рукописи: древнеперсидскому *θakatā* соответствует в них *sxt* — слово, представляющее собою соответственное отражение древнеперсидского *θakatā* в согдийском языке: *np'χšt ZNH δykh pr 'tδrtyk YRX' pr 10 sγth*[1] «написано[2] это письмо в третий месяц по истечении 10 (т. е. 10-го числа третьего месяца); *krt ZNH δykh kδ 10 myk m'χw kδ 10-5 sχth*[3] «составлено это письмо, когда 10-й месяц, когда 15 прошло» (т. е. 15-го числа 10-го месяца); *krt ZNH δykh* /////// 20-6 *sγth*[4] «составлено это письмо... 26 истекло (дней)»; *krt ZNH* /////// *10-5 sγth*[5] «составлено это... 15 истекло»; *pr myw srδ wγwšwmy m'γy pnčδs sγtyh*[6] «в год тигра, 6-го месяца, 15 (дней) истекло» (т. е. 15-го числа). Близка эта система к древнеперсидской также и в том, что обозначение последняго дня месяца отличается от обозначения остальных дней: отсутствуют *sχt*, resp. *θakatā*: *np'χšt ZNH δykh 'č kč'n pr 'δrtyk m'χw p 30'k*[7] «написано[8] это письмо из Качана 3-го месяца 30 числа; *θūravāharahya māhyā ǰiyámnam patiy*[9] «месяца *θūravāhara* к концу».

Аналогичное обозначение дня месяца в древнеперсидских документах и в старых согдийских письмах подтверждает, с одной стороны, известную уже относительную архаичность старых согдийских писем, а с другой стороны, поскольку такое же обозначение дня отмечено также и в колофоне вышеупомянутой парижской рукописи из Дунь-Хуана, это обстоятельство может быть приписано относительно меньшей зависимости документов, найденных в Китае, от зороастрийского культового влияния по сравнению с нашими документами с горы Муг. В последних каждый день месяца носит отдельное название, посвященное известному иранскому божеству.

Основным источником сведений о согдийском календаре была хронология древних народов, написанное на арабском языке сочинение хорезмийца Аль-Бīрӯнī «Аль-Ас̄ар-уль-ба̄кия». Это сочинение было издано в Берлине в 1878 г. Э. Захау, а в следующем году был издан им же перевод его на английский язык.[10] Аль-Бīрӯнī, один из замечательнейших и ученейших людей своего времени, жил в конце X и в первой половине XI в. (названное сочинение закончено в 1000 г.), т. е. 300 лет после событий, к которым

---

[1] R. Gauthiot. A propos de la datation en Sogdien. Journal of the Royal Asiatic Society, April 1912.

[2] Hans Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. In Umschrift und mit Übersetzung herausgegeben von... II Teil. Die nicht-buddhistischen Texte. Mit 9 Tafeln und Nachtrag zu den buddhistischen Texten. Heidelberg, 1931.

[3] В том же издании, стр. 70.

[4] R. Gauthiot. A propos de la datation en Sogdien, стр. 346.

[5] А именно *byq'nć m'χ*.

[6] Soghdische Texte II von F. W. K. Müller. Aus dem Nachlass herausgegeben von Dr. W. Lentz in Berlin. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Klasse, 1934, XXI. Berlin, 1934, стр. 14 (515).

[7] Стр. 18 упомянутого уже издания Х. Рейхельта.

[8] Там же в документе XI, стр. 61, строка 4.

[9] Бехистунская надпись, столбец I, § 11. Ср. H. C. Tolman, Ancient persian lexicon and texts. New York, 1908, стр. 4.

[1] Стр. 24 указанного издания Рейхельта.

[2] У Рейхельта l. c. «geschlossen».

[3] Там же, стр. 28.

[4] Там же, стр. 38.

[5] Там же, стр. 41.

[6] В парижской рукописи, см. выше.

[7] Стр. 34 изд. Рейхельта.

[8] У Рейхельта «geschlossen».

[9] Бехистунская надпись, столбец II, § 11.

[10] Dr. C. Eduard Sachau. Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî, herausgegeben von... Leipzig, 1878. Dr. C. Edward Sachau. The Chronology of the Ancient Nations. An english version of the arabic text of the Athâr-ûl-Bâkiya of Albîrûnî or «Vestiges of the Past». Translated and edited with notes and index, by... London, 1879.

относятся наши таджикистанские документы, — в ту эпоху, когда среднеазиатские иранские языки в основных центрах Хорезма и Согдианы перестали быть обиходными и отступали перед языком персидским, который стал языком населения, перенявшего мусульманство, но когда еще старые традиции были живы в стране, и Аль-Бīрӯнī смог привести среди сведений о календарях разных народов — названия месяцев, дней и праздников согдийцев и хорезмийцев; этим он оказал огромную услугу истории культуры и иранскому языкознанию. Как ни несовершенна передача этих названий арабским алфавитом, как ни коверкали в течение веков переписчики подлинный текст Аль-Бīрӯнī, все же именно эти скудные данные послужили основанием для суждения о языке некоторых документов из Турфана, позволили высказать мнение, что они написаны на согдийском языке.

Согдийский календарь по Аль-Бīрӯнī имеет все особенности иранского солнечного календаря. Год состоит из 12 месяцев, по 30 дней в каждом. Каждый день месяца носит особое название. Лишь восьмой, пятнадцатый и двадцать третий день месяца имеют, как и в персидском календаре, одно и то же название. Нетрудно видеть, что названия дней отражают древнеиранские имена божеств, сил природы. Некоторые имена искажены, повидомому, в течение веков переписчиками, и правильное чтение некоторых из них может быть восстановлено без особых затруднений. Большие различия между согдийским и персидским календарями наблюдаются в отношении названий месяцев. Недостающие до общего числа дней в году — 365—5 дней прибавляются под особыми названиями в согдийском календаре, как об этом говорит Аль-Бīрӯнī и как это подтверждается нашими таджикистанскими документами, в конце года.[1] Наши документы позволяют опознать большинство названий месяцев и дней, приведенных Аль-Бīрӯнī. Ниже приводятся несколько примеров из наших документов, иллюстрирующих только что сказанное.

Документ на коже 30A8[2] (фиг. 1):

	Перевод текста:
ZKn pnčy MR'Y	«Господина[3] Панча[4]
δyw'styč	Дивастича
'št srδ ''γ[5]	восемь лет есть

[1] Стр. 57 цит. «Chronology of Ancient Nations».

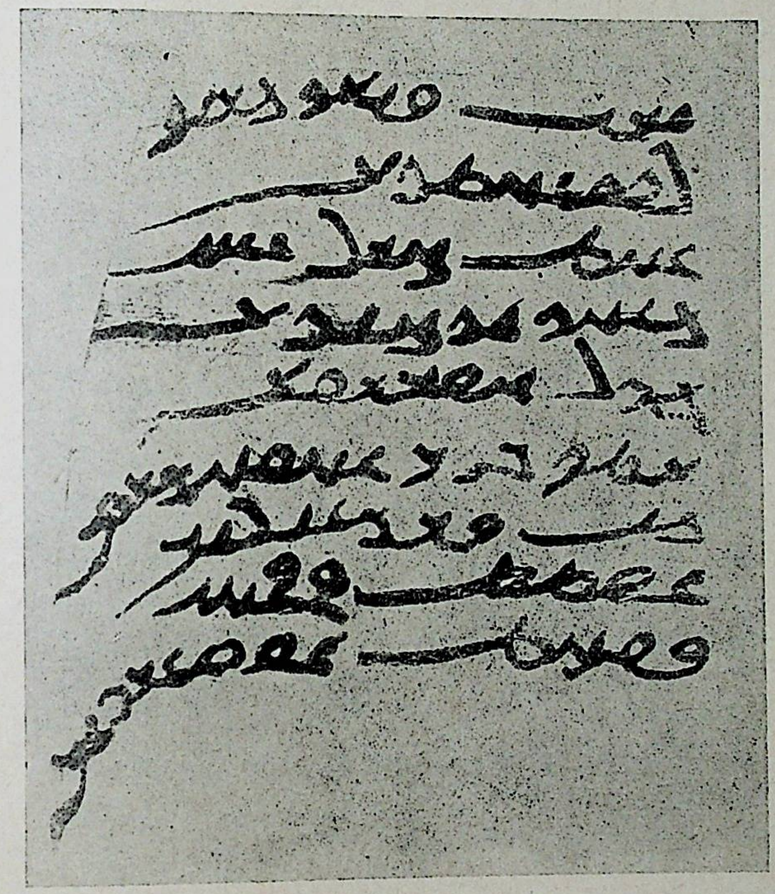
[2] См. «Согдийский сборник», стр. 43.

[3] Там же, стр. 12—13, где обосновывается перевод слова MR'Y как идеограммы для ϕшин' «господин».

[4] Или «пяти».

[5] Написание этого слова здесь и в других документах нашего собрания (*'γ*) — вместо обычного *'γw* < *aha̯u* — с убедительностью показывает, что орфография согдийских текстов —

m'γy nysnyč	месяц нисанич
myδ γwrrvč	день хварроч
rty βyr 'γwγsrβk	и получил ахухсравак
MN prm'nδ'r	от начальника
'wtt 20-20-3	уделов (?)[1] 20-20-3[2]
pwst 'pw'rβčk[3]	кожи без изъяна (?)[4]



Фиг. 1.

историческая. Наши документы показывают, что произношение этого слова в VIII в. было таким же, как и ныне в ягнобском языке.

[1] Мн. ч. от *'wt*, то же, что *'wt'k* 'удел, область' ср. ниже *'wtkwy*, стр. 153.

[2] Т. е. 43.

[3] Примененная здесь транскрипция, или, точнее, транслитерация, есть общепринятая для транскрипции согдийских текстов система, введенная пионером согдийской науки Р. Готно, согласно которой каждой согдийской букве соответствует латинская, причем алеф передается запятой над строчкой. Прописными буквами обозначаются идеограммы — слова, писавшиеся на семитическом языке, но произносившиеся по-согдийски. Эта система транслитерации не вполне впрочем оригинальна; она была введена лет за 15 до Готно Христианом Бартоломе для транскрипции пехлевийских текстов.

[4] Это слово связывается с *rβny* 'больной' VJ. 186, 65 b, *r'β* 'болезнь' SCE 390.

Этот документ представляет собою запись о получении неким Ахухсраваком от начальника уделов(?) сорока трех кож. Документ датирован точно днем хварроч, месяцем нисанич, восьмью годами Дивастича, господина Панча. Дивастич, годами которого датирован этот документ, не называется здесь ни согдийским царем, ни господином Самарканда, как в некоторых других документах, письмах, а лишь господином Панча (или 'пяти'). К этому вопросу еще вернемся и остановимся здесь на данных этого документа, имеющих отношение к календарю.

У Аль-Бīрӯнӣ находим следующую таблицу согдийских месяцев:[1]

نوسرذ (или نوسرد)	فغاز (или فغكان)
جرجن	ابانج
نيسن (или نيسنج)	فوغ
پساک (или فساکنج)	مسافوغ
اشناخندا (или اشناخندا٥)	ژيمدا (или ژيمدنج)
مژيخندا (или مرخندا)	خشوم

Выше было сказано, что названия согдийских месяцев значительно отличаются от персидских. Данные о персидском календаре у Аль-Бīрӯнӣ ничем не отличаются от обычных. Таблица персидских месяцев приведена на стр. 42 «Chronologie Orientalischer Völker»:

آذر ماه	مرداذ ماه	فروردين ماه
دی ماه	شهريور ماه	ارديبهشت ماه
بهمن ماه	مهر ماه	خرداذ ماه
اسفندارمذ ماه	آبان ماه	تير ماه

Таким стал официальный календарь в Иране лишь в эпоху Сасанидов, когда ортодоксальная зороастрийская церковная организация восторжествовала над другими иранскими сектами и религиями (напр., манихейством), вытеснив их. Иным было положение на периферии Иранского государства в Согдиане, где свободно распространялись иноверные учения (буддизм), где связи с центральной государственной властью и государственной церковью никогда не были особенно крепкими. Иным было и положение в том же Иране в древности, в эпоху Ахеменидов, когда зороастрийская ортодоксальная церковь не получила еще полного преобладания. И названия древнеперсидских месяцев поэтому совершенно не напоминают зороастрийско-персидских сасанидских времен или Авесты, и только некоторые из них носят названия культового происхождения. Древнеперсидские клинообразные надписи (именно Бехистунская) сохранили нам девять названий месяцев: *Bāgayādiš* («поклонение богу»), *Adukaniš*, *Āθriyādiya* («поклонение огню»), *Anāmaka* («безыменный»), *Margazana*, *Viyaxna*, *Garmapada* («теплый»), *Θūravāhara* («могущественно-весенний»), *Θaigarčiš*.

Таким образом, согдийские и древнеперсидские названия месяцев отражают отдельные, независимые друг от друга и от ортодоксальной зороастрийской, системы, но системы несомненно иранские по названиям. Поэтому приведенное у Аль-Бīрӯнӣ название месяца نيسن, очевидно, семитического происхождения, могло вызывать сомнения. Но наличие названия этого месяца в наших несомненно подлинных согдийских документах указывает на достоверность и самого Аль-Бīрӯнӣ и арабских источников, как таковых.[1]

Какие причины могли вызвать появление этого семитического названия месяца в иранской календарной системе согдийцев, трудно с уверенностью сказать. Едва ли они могут быть отнесены за счет древних влияний Ассиро-Вавилонии на Среднюю Азию, скорее всего здесь нужно видеть влияние христианства, христианской культуры, которое шло из Сирии и оставило свой след и в согдийской и среднеперсидской христианской литературе.

Название месяца *nysnyč* встречается в наших документах помимо названного документа 30А8 еще несколько раз, в том числе 3 раза в документе 45Б2.[2] Этот последний документ написан на разрезанной пополам ветви длиною 87 см, диаметром в $3^1/_2$ см. Документ — хорошей сохранности за исключением начала первой строки, где отломана поверхность палки в 4 см длины, вследствие чего пострадало название месяца. Документ представляет собою запись по дням о расходовании продуктов. Эта запись по дням, непрерывно в течение 10 дней — последних трех дней одного месяца и 7 первых дней месяца *nysnyč* — подтверждает, что порядок дней месяца в Согдиане в точности соответствовал общеиранскому (персидскому) зороастрийскому[3] и идентичен с тем, который приведен у Аль-Бīрӯнӣ. Это обстоятельство облегчает исправление некоторых неточностей

[1] Стр. 56 и 82 «Chronology of Ancient Nations».

[1] См. «Согдийский сборник», стр. 73.

[2] Там же, стр. 48.

[3] По крайней мере в течение 10 указанных дней.

у Аль-Бīрӯнī и, быть может, сможет оказать некоторую пользу при новом издании текста Аль-Бīрӯнī.

Из тридцати названий дней в наших документах не обнаружено пока лишь одиннадцать.[1] За исключением одного названия (двадцать восьмого дня) историко-лингвистическое разъяснение всех остальных не представляет никаких затруднений; некоторые названия повторяются в нескольких документах. Обращает на себя внимание сильная зависимость этих названий от персидской зороастрийской традиции в большей степени, чем в согдийских названиях, приведенных у Аль-Бīрӯнī. Эта зависимость должна быть отмечена прежде всего на факте сопровождения всех названий персидским (среднеперсидским) словом *rwč* 'день', словом, которого в согдийском языке в этом значении, повидимому, не было, и которое поэтому должно было пониматься в названиях дней как составная часть сложного слова и писалось поэтому в наших документах обыкновенно слитно с самим названием дня. Мы это только что видели в названии дня в документе 30A8: *myδ γwrrwč*. Прибавление слова *myδ* 'день' ясно показывает, что *γwrrwč* целиком воспринималось как название дня; в противном случае, т. е. если бы часть названия, слово *rwč*, понималось в значении 'день', прибавление слова *myδ* было бы излишним. *γwrrwč* по среднеперсидски значит 'день солнца'. И в названии данного одиннадцатого дня Аль-Бīрӯнī привел подлинную, живую, народную, чисто согдийскую форму этого названия خوير, так как по-согдийски солнце не *γwr*, а *γwyr*. Эти факты не дают, однако, сами по себе права делать какие-нибудь далеко идущие выводы. Несомненно только, что как в названиях дней, так в особенности в названиях месяцев, как мы это скоро увидим, могли существовать и в действительности существовали некоторые расхождения в названиях в согдийской среде, корни которых надо искать в социальной дифференциации населения. Данные Аль-Бīрӯнī по хорезмийским и согдийским названиям, сверенные с данными наших документов, позволяют судить о диалектических отношениях этих двух языков. На последнее иранистическая наука уже обращала внимание.[2]

Название первого дня — в наших документах *'γwrmztrwč*, *γwrmztrwč* — посвящено, как мы знаем из Авесты, верховному зороастрийскому божеству Ормузду, Ахура Мазде: *Ahurahe Mazdå*. Последовательно приводимая Аль-Бīрӯнī[3] согдийская (خرمزذ) и хорезмийская (ريمزذ) формы этого

[1] См. стр. 149, прим. 1. [Корректурное примечание].

[2] См., напр., F. Rosenberg в сборнике Prace lingwistyczne ofiarowane Baudouin de Courtenay», Krakow, 1921, стр. 90.

[3] Стр. 56—57 «Chronology of Ancient Nations».

названия как здесь, так и в названии хорезмийского десятого месяца ريمزذ с *ž* служит для нас ценным указанием на возможное произношение этого слова в Средней Азии в ту эпоху. Указания согдийских рукописей, редко когда отличающих *z* и *ž*, в этом отношении недостаточны.

Второй день иранского календаря был посвящен божеству «доброй мысли», авест. *Vaŋhave Manaŋhe*, новоперс. بهمن. В документе 45Б2 нашего собрания он носит название *'šwmynrwč*, у Аль-Бīрӯнī согдийская форма جهينر или (по другой рукописи) جهيز и хорезмийская — ازمين. Сравнение форм у Аль-Бīрӯнī с данной нашего документа позволяет предположить первоначальные формы у Аль-Бīрӯнī: согд. *شمين и хорезм. *ازمين.

Третий день посвящен *Ašahe Vahištahe*, точнее, как показывает отражение первого слова во всех иранских языках, не *Ašahe*, а **Artahe*, — «лучшей праведности», новоперс. اردیبهشت. Форма наших документов *'rtwšt* и *'rtw* подтверждает данное Аль-Бīрӯнī اردخوشت. Хорезмийская форма اردوشت, так же как и в ريمزذ, может указывать на склонность к элиминированию в определенном положении *h* в хорезмийском языке.

Четвертый день был посвящен древнеиранскому божеству *Xšaθrahe Vairyehe*, новоперс. شهريور «лучшему царству». В наших документах название этого дня представлено в форме *'γšywr*, быть может вместо *'γššywr*, где второе *š* представляло бы нормальное отраженье в согдийском древнеиранского *θr*. Согдийская форма у Аль-Бīрӯнī خستشور нуждается, очевидно, в исправлении.[1]

Пятый день был посвящен *Spəntayå Ārmatoiš*, новоперс. اسفندارمذ, «святому смирению», женскому божеству, божеству земли. Встречается в наших документах несколько раз — в форме *'sp'ntrmtrwč*. Алеф после *p* в наших документах, как это часто бывает в согдийских рукописях, есть scriptio plena и не выражает долгого гласного. У Аль-Бīрӯнī согдийская форма — سپندارمذ и хорезм. اسپندارمجی.

Шестой и седьмой дни были посвящены паре божеств *Haurvatātō* и *Amərətātō*, «целостности и бессмертию»; новоперсидские их эквиваленты — خرداذ и مرداذ, арабско-мусульманские هاروت и ماروت, засвидетельствованы в наших документах, как *r't't* и *mrt't*. Согдийские формы в наших документах — подлинные согдийские, с отпадением начального *h* в первом названии, согласно исторической фонетике согдийского языка. У Аль-Бīрӯнī согдийская форма ردد и مردد и хорезмийская هروداذ и همداذ.

[1] В خشيشور (?)

Восьмой день — день «творца», *Daδušō*, новоперс. دی, в наших документах *δts*. Помимо восьмого дня *Daδušō* посвящен также пятнадцатый и двадцать третий день. Повидимому, мы здесь имеем следы деления месяца на четыре части (недели), причем начальные дни этих «недель» были посвящены верховному божеству: первый день Ормузду, а восьмой, пятнадцатый и двадцать третий — ему же, как творцу, *Daδušō*. Новоперсидский календарь отличает восьмой, пятнадцатый и двадцать третий дни друг от друга тем, что прибавляет к слову دی названия следующих дней: دی بآذر, دی بهر, دی بدین. У Аль-Бīрӯнī согдийская форма — دست и хорезмийская — دذو. Предшествующее этому названию в документе 26A4 слово может быть прочитано *nγγγ* и переведено 'первый': *nγγγ δtsrwč* 'первый' *δtsrwč*.[1] Названия первый, второй, третий دست приводит сам Аль-Бīрӯнī.[2] Согдийская форма у Аль-Бīрӯнī دست представляет собою перестановку вм. دتس.

Девятый и десятый дни в наших документах пока не найдены. Первый из них был посвящен огню *Ādrō*, а второй водам *Apąm*, новоперс. آذر и آبان. Согдийские и хорезмийские формы этих названий у Аль-Бīрӯнī: согд. اتس и انجن и хорезм. ارو и يانخن.

Одиннадцатый день был посвящен солнцу или, точнее, «солнцу-царю» *Hvarəxšaētahe*, новоперс. خور. Согдийская и хорезмийская формы у Аль-Бīрӯнī — خویر и اخیر, в наших документах *γwrrwč*.[3]

Двенадцатый и тринадцатый дни в наших документах пока не найдены; они посвящены луне и звезде Сириусу: *Måŋhahe* и *Tištryehe*. Согдийская и хорезмийская формы этих названий прекрасно отражают диалектические особенности этих языков с согдийским *χ* в слове ماغ (< *Måŋhahe*) и хорезмийским *č* в چیری (<*Tištryehe*). Согд. تیش у Аль-Бīрӯнī представляет собою, очевидно, продолжение древнего *Tištryehe*, а в хорезм. جیزی — точка над ر подлежит устранению.

Четырнадцатый день, в наших документах *γwš rwč*, авестийское *Gəuš Tašnō*, новоперс. گوش, посвящен «творцу быка». Согдийское غش у Аль-Бīрӯнī свидетельствует о спирантном произношении первого согласного. То же — в хорезмийском غوشت; в последнем конечное ت может

[1] См. ниже, стр. 152.

[2] Стр. 58 «Chronology of Ancient Nations»: «As to the three identical names of days (the 8th, 15th, and 23rd, — *Dai* in Persian, *Dast* in Sughdian, *Dadhû* in Khwârizmian), ...Of the Sughdians and Khwârizmians... others connect the words in their language for „the first, the second, the third", with each of them».

[3] См. выше, стр. 141.

отражать вторую часть названия *Tašnō*, которая не отражена ни в новоперсидском, ни в согдийском.

Пятнадцатый день носит то же название, что и восьмой.[1]

Шестнадцатый день, не отмеченный пока в наших документах, посвящен Митре, авест. *Miθrahe*, новоперс. مهر. Согдийская форма у Аль-Бīрӯнī с *š* — مخش — отлично отражает постулируемую согласно согдийской фонетике форму слова. В хорезмийском فیغ, очевидно, должна быть исправлена первая буква на م (میغ).

Семнадцатый день, также не отмеченный в наших документах, посвящен посланцу Ормузда, *Sraošahe*, новоперс. سروش. Согдийская форма у Аль-Бīрӯнī — سرش. В хорезмийской форме اسروف конечное ف должно быть, очевидно, исправлено на ش.

Восемнадцатый день, посвященный божеству справедливости — *Rašnaoš*, новоперс. رشن также не найден пока в наших документах. Согдийская и хорезмийская формы у Аль-Бīрӯнī رسن и رشن представляют очевидную передачу древнего *Rašnaoš*. В согдийской форме необходимо, очевидно, исправить س на ش.

Девятнадцатый день был посвящен Фраваши, древнеиранск. **Fravartīnąm* — прототипам, идеям всего сущего, новоперс. فروردین. Это название засвидетельствовано в наших документах как *prwrtnrwč* и, с недостающими тремя буквами, *βrw'r...wč*. У Аль-Бīрӯнī — فروذ — форма несколько более сокращенная по сравнению с той, которая засвидетельствована в наших документах. В хорезмийском روجن — ج передает, повидимому, закономерно палатализованное хорезмийско-аланское *č* из *t* перед *i*.

Двадцатый день, посвященный божеству победы *Vərəθraγnahe*, новоперс. بهرام, в наших документах не засвидетельствован. Переданная у Аль-Бīрӯнī согдийская форма وخشغر и хорезмийская اریغن отчетливо отражают постулируемую форму этого названия с согдийским *š* из *θr* и хорезм. *r*< *hr* < *θr*.

Двадцать первый день, посвященный божеству *Rāmanō Xᵛāstrahe*, т. е. «миру с хорошими лугами», новоперс. رام, отмечен в наших документах как *r'mrwč*. Форма, засвидетельствованная у Аль-Бīрӯнī для согдийского названия с *n* в конце رامن, очевидно, древнее отмеченной в наших документах.

Двадцать второй день посвящен ветру *Vātahe*, новоперс. باذ, в наших документах не встречается. У Аль-Бīрӯнī согдийская и хорезмийская формы — واذ.

[1] См. выше, стр. 146.

Название двадцать третьего дня то же, что и восьмого.[1]

Двадцать четвертый день посвящен *Daēnayå* религии, новоперс. دین — в наших документах не встречается. У Аль-Бīрӯнī согдийская и хорезмийская формы دین и دینی.

Двадцать пятый день посвящен в Авесте *Ašōiš Vaŋhuyå*, божеству «доброго справедливого воздаяния», новоперс. ارد; отмечен, если правильно наше чтение в документе 5В4 как *'rdwyrwč*, в форме идентичной с той, которая приведена у Аль-Бīрӯнī ارذخ. Хорезмийская форма у Аль-Бīрӯнī ارذوخی, где ذ, вероятно, вместо ذ.

Двадцать шестой день — день божества прямоты, праведности *Arštātō*, новоперс. اشتاذ, в наших документах не представлен. У Аль-Бīрӯнī согд. استاذ и хорезм. اشتاذ; в согдийской форме, повидимому, س подлежит исправлению на ش.

Двадцать седьмой день — день неба *Ašnō*, новоперс. آسمان, в наших документах засвидетельствован: *'sm'n*. У Аль-Бīрӯнī — согдийская форма سمن и хорезмийская اسمان.

Двадцать восьмой день посвящен в Авесте духу земли *Zəmō*; новоперсидское название его زامیاذ. Согдийское название этого дня *'zmw$^{s}_{?}l^{s}_{?}$* встречается в названном уже документе 45Б2, в контексте, где перечисляются дни по порядку, где поэтому приурочение данного названия к 28 дню не может вызывать сомнение. И тем не менее, хотя оно встречается еще в одном документе 55Б12, чтение его пока неясно, неясна пока его этимология, и согдийская и хорезмийская формы этого названия у Аль-Бīрӯнī с ر в начале — رامجید[2] и راث, сильно отличающиеся друг от друга в конечной части слова, также не ясны. Быть может, мы имеем здесь дело с особым, засвидетельствованным у согдийцев и хорезмийцев названием, отличным от персидского, — расхождение, хорошо отмеченное в названиях месяцев.

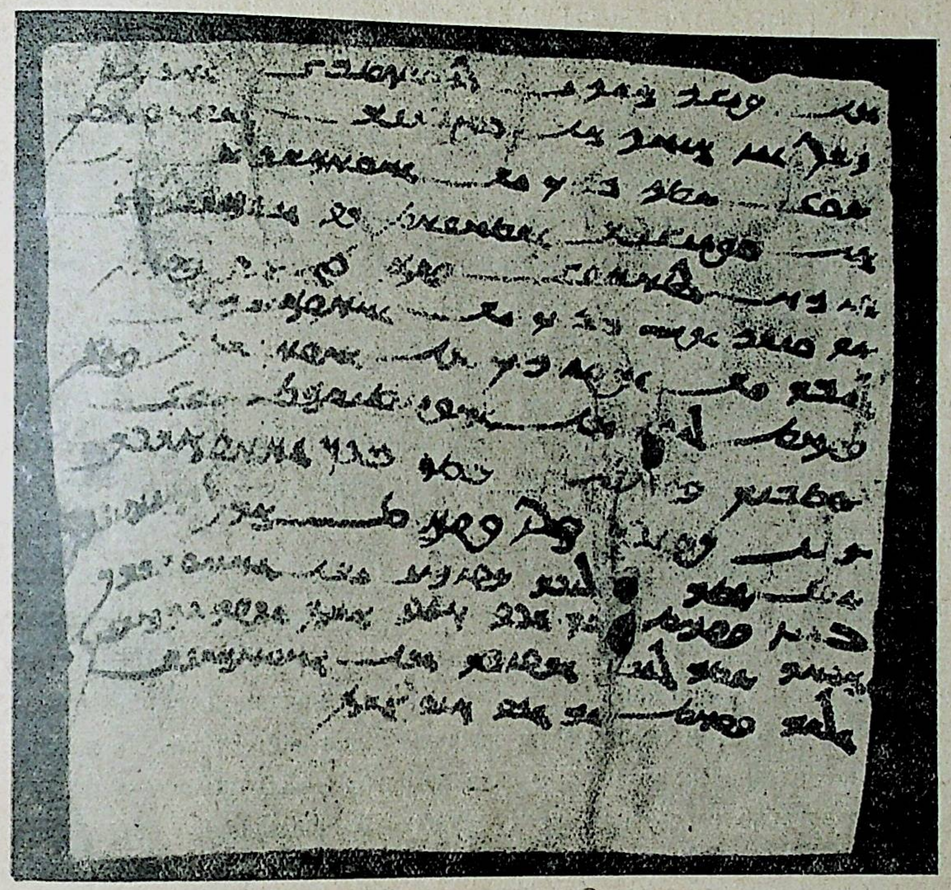
Названия последних двух дней месяца хорошо засвидетельствованы в наших документах и чтение их не вызывает сомнений.

Двадцать девятый день посвящен «святому слову» *Mąθrahe Spəntahe*, новоперс. مارسفند; название его засвидетельствовано в документе 45Б2. Приведенная в издании Аль-Бīрӯнī согдийская форма этого названия نشیند совершенно, очевидно, исковеркана переписчиками. Быть может здесь, как и в некоторых других случаях, согдийское *š* отражает законо-

[1] См. выше, стр. 146.

[2] Быть может زامیاد (?).

мерно древнеиранское *θr*; данное слово в-таком случае могло бы первоначально иметь вид مشسبند (вм. مشبند < *Maš-sband*). Хорезмийская форма у Аль-Бīрӯнī — مرسبند.



Фиг. 2.

Тридцатый, последний день месяца посвящен «безначальным светилам» *Anaγranąm raočaŋhąm*, новоперс. انیران (где новоперсидское *ē* представляет исторически закономерное отражение в определенном положении древнеиранского *aγ*). Это название *nγrnh rwč* встречается в наших документах несколько раз. У Аль-Бīрӯнī — согдийская форма نغر и хорезмийская — اونرغ.[1]

Наши документы помимо названий дней и месяцев дают материал для суждения о добавочных днях в конце года. Эти пять дней прибавлялись

[1] Другие названия дней отмечены в рукописи 34А12: 9-й день *'tsrwč*, 12-й — *m'γγrwč*, 13-й — ... *šrwč* (*-tyšrwč*), 17-й — *sr'wšrwč*, 20-й — *šγ'rrwč*, 22-й — *'trwč* (*w'trwč*), 24-й — *δyn'k rwč*, 26-й — *'st' rwč*. [Корректурное примечание].

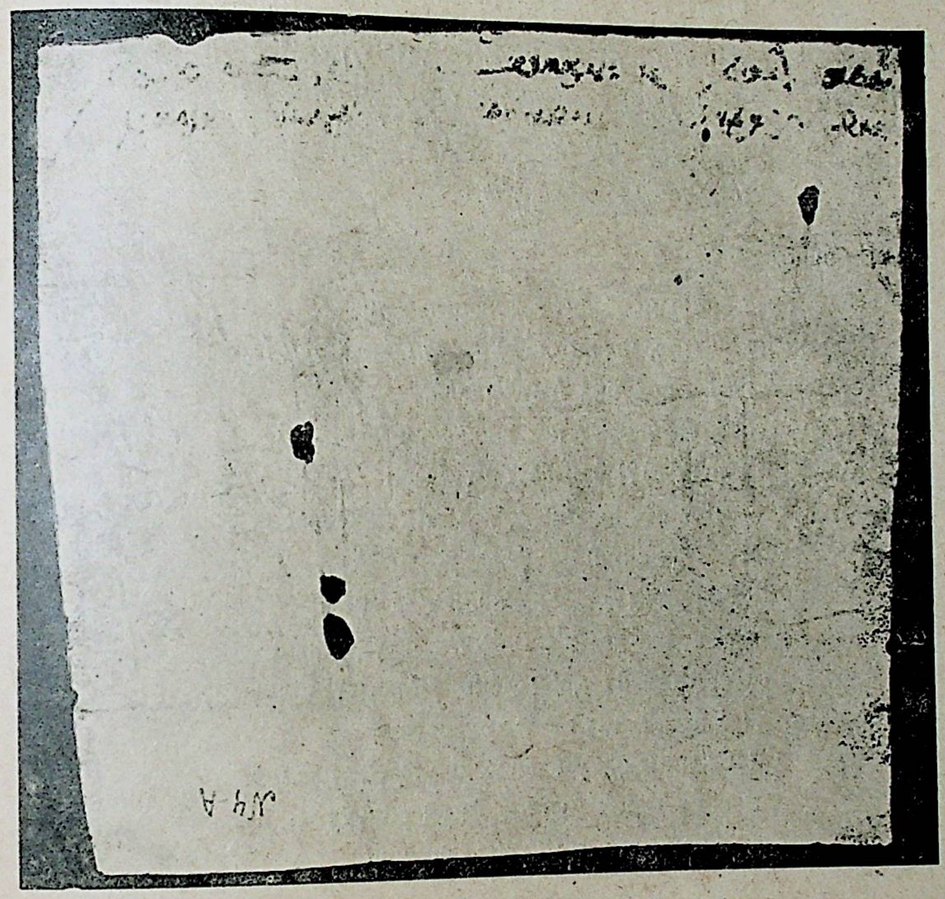
в согдийском календаре, согласно Аль-Бīрӯнī, в конце последнего месяца خشوم, другими словами, перед первым месяцем نوسرذ 'новый год'. В персидском зороастрийском календаре эти пять дней носят название گاه или اندرگاه, так как они посвящены пяти гатам, гимнам авестийским: оттуда и их названия: *Ahunavaitī-*, *Uštavaitī-*, *Spəntāmainyav-*, *Vohuχšaθrā-* и *Vahištōištay-* от первых слов пяти гат. Аль-Бīрӯнī сохранил нам помимо اندرگاه другое общее название для пяти добавочных дней, а именно فنجی или فنجه, т. е. новоперсидское *panǰa* 'пятерка', — очевидно, обиходное, народное название для этих дней, — а также названия каждого из этих дней в отдельности; в согдийском календаре, по Аль-Бīрӯнī, они имеют следующий вид: I حارث ست II نخندن III رخشن IV وناذن V اردمیس или I ژیورد II نبورد III سردرد IV ماخ رد V میرزده. Последние пять названий — сложные слова, во второй части которых, повидимому — رد древнеиранское *ratav-* 'отрезок времени', а последние три названия в первой части сложения содержат согдийские слова *srδ* 'год', *m'γ* 'месяц' и *tyδ* 'день', т. е. *srδrt*, *m'γrt* и *tyδrt*.

Документ 26A4 (на коже)[1] (фиг. 2 и 3) сохранил нам общее название добавочных дней у согдийцев и одного из них, повидимому, пятого, последнего. Этот документ, так же как и документ 30A8, представляет собою запись о выдаче кож. Относительное обилие в нашем собрании подобных документов и, в особенности, наличие в контексте указаний на сорта кож и определение их терминами «без изъяна», «наилучшая» — указывает на существование здесь в ту эпоху какого-то кожевенного завода. Контексты документов позволяют даже назвать лиц, имевших к нему отношение в качестве владельцев, получателей товара.

Состояние документа 26A4 хуже, чем 30A8. Основной причиной худшей сохранности его является плохое качество материала, плохая выделка его до момента использования его для письма. В этом легко можно убедиться даже по изображению. На шероховатой поверхности плохо выделанного материала плохо клалась краска при письме, вследствие чего она в нескольких местах стерта. Как можно видеть на изображении, писец был вынужден обходить, пропускать некоторые особо плохие места и делать даже пропуски в середине слова, например, в середине второй строчки в слове *mžβwγ'yč*. На фотографии отчетливо видны 4 дыры, в 4-й и 8-й строках сверху и 3-й и 4-й снизу. Дырка в четвертой строке сверху приходится в середине слова, но она его не затрагивает, все буквы

[1] См. «Согдийский сборник», стр. 41.

налицо; очевидно, этот изъян был в материале тогда, когда писец писал данный документ. Дыры в 3-й и 4-й строках снизу приходятся между словами. Расстояние между словами — несколько больше здесь, чем в других случаях — показывает с очевидностью, что и эти изъяны были налицо, когда



Фиг. 3.

писец начинал писать документ. Стертые места на лицевой стороне читаются всюду, за исключением трех-четырех мест; в том числе, к сожалению, неясно одно название дня. В тексте — 14 строк и на обороте — 2.

Текст гласит:

ZKn pnčy MRY' δyw['']styč wγwšw
srδ 'γ m'γy mžβ. β[w]γ'yč 'rt[γ]wšt
rwč rty βyr ZK 'γwγsrβk
MN wp'nč'k 'rtγwšt kw n'wsrδy č
nγγy δtsrwč prm 20-[20]-[20]-? pws[t]

čw w'ry 'kh βyr ZK 'γγwsrβk
[δ]'βr ZK 'kwz yr [Z]Kn 'γwγ[s]rβk pnč
pwst δ'[β][r] ZKn 'sp'nt'rmt [r]wč
rtβyr p[ws]t rty βyr 'γγwsrβk
č[n]n kwzy[r] 20-10-1 pwst myδ 'γš'ywr
rwč rty δ'βr kwzyr ZKn 'γγw[s]rβk
10-3 pwst ZY 'yw γ'w črm ṅkwy nysnyč
m'γy rty δ'βr 'kwzyr ZKn 'γwγsrβk
'δry pwst ZY 'yw γ'w črm.

Перевод:

Господина Панча Дивастича шесть
лет есть месяц *mż. βwγ'yč* (день) *'rt[γ]wšt*
rwč и получил Ахухсравак
от пятерки *'rtγwst* вплоть до *n'wsrδyč*
первого (?) *δtsrwč* 70 (?) кож
самых отборных получил Ахухсравак
дал Акузер Ахухсраваку
кожи дал (?) (день) *'sp'nt'rmt [r]wč*
и получил кожи и получил Ахухсравак
от Кузер 31 кожи день *'γš'ywr* (?)
rwč и дал Акузер Ахухсраваку
13 кож и одну бычью шкуру ... *nysnyč*
месяца и дал Акузер Ахухсраваку
три кожи и одну бычью шкуру.

На обороте две строчки.

rty δ'βr [']γ[w]γsrβk //////////[1] *pwst*
żkw ///// *'γw..*// ////////// /////
и дал (?) Ахухсравак.....

Документ 26А4, так же как и 30А8, датирован годами Дивастича, господина пяти или Панча, — в первом случае шестью годами, во втором — восемью. Повидимому, этот документ — нечто вроде лицевого счета, отражающего деловые отношения известного уже нам по документу 30А8

[1] Повидимому, цифры.

Ахухсравака к Акузеру. Не вполне ясно название дня в пятой строке снизу. Другие названия дней здесь: *'rtγwšt rwč* и первый (если правильно чтение стертых знаков) *δtsrwč*. Названия месяцев: *n'wsrδyč* «новый год» — первый месяц, приведен у Аль-Бīрӯнī, *mż.βwγyč* — десятый месяц по Аль-Бīрӯнī — засвидетельствован и в других документах. И наконец — название добавочных дней: *wp'nčk* — термин близкий к тому, который привел Аль-Бīрӯнī خنجه. Помимо того здесь дано и название одного из этих дней *'rtγwšt*. Очевидно, это اردمیس[1] Аль-Бīрӯнī — последний из пяти добавочных дней. В документах 30А8 и 26А4, так же как и в некоторых других, Дивастич назван господином Панча или пяти, по-согдийски *pnčy MRY'*.[2] О настоящем значении этого слова *pnčy* в данном контексте приходилось бы догадываться; к счастью, в числе наших документов есть и такие, которые могут, как кажется, разъяснить, что следует понимать под этим словом *pnčy*. Это прежде всего документ 35А13[3] (фиг. 4). Этот документ был найден сшитым в форме мешочка, причем текст написан был на внутренней стороне (фиг. 5). По краям документа видны следы шва. Текст гласит:

MN pnčy knδč β'zkr'm ZY
MN n'β kw trγ'n ZY βγy
pr'w rty čn'kw rm ptz'nkh
pčwzδ rty δβryδ MN 'βtmy
šm'rky ZKn čnkw pr'mnδ'r 'wtkwy
100-20-20-10 δrγmy rty wyδ
ptz'nkh ptsγw δ'ryδ ZKn
pnčy MR'Y δyw'styč 10-4
srδ 'γ m'γy γwryz nyčh rty 'βt wm ..βčy myδy rty

Перевод:

От пенджикентского *β'žkr'm* и
от народа тархану и государю
и когда извещение
получите то дайте от седьмого
числа ... начальнику уделов (?)

[1] Где четвертую букву ʾ следует исправить на ʾ (?).
[2] Или MR'Y.
[3] См. «Согдийский сборник», стр. 44.

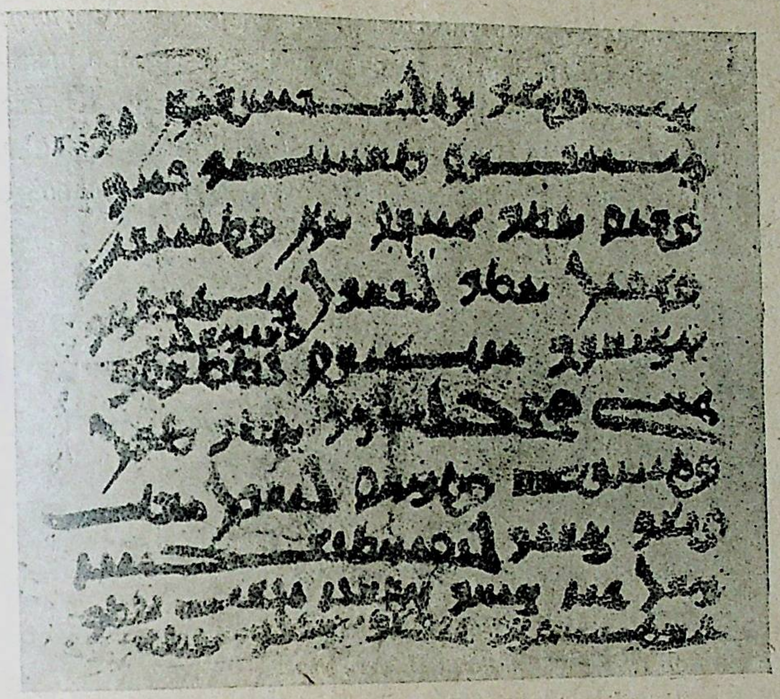
150 дирхемов и это
извещение ответом[1] имейте
господина Панча Дивастича 14
лет есть месяца *γwryz nyčh* и
седьмой (?) ... день и (?)

Контекст документа прежде всего показывает, что встречавшееся нам выше и повторяющееся здесь в конце документа, где дата, слово *pnčy* есть первая часть сложного слова *pnčykndč* 'пять городов', 'пятиградие', — название города, сохранившееся по сегодняшний день, этимология которого здесь таким образом подтверждается. Данный документ представляет собой письмо, повидимому, установленной, имеющей значение денежного документа, формы с установленной терминологией, — письмо, отправленное в 14-й год Дивастича от имени пенджикентского *β'žkr'm* и от народа тархану — с поручением выплатить 150 дирхемов. Данное извещение должно служить оправдательным документом. Неясно, кто такой *β'žkr'm* или *β'nkr'm*, как можно прочесть это слово. Оно засвидетельствовано уже в одном из старых писем, изданных Рейхельтом,[2] и читается им *β'nkr'm*.[3] Рейхельт считает это слово собственным именем. В контексте нашего документа понимание этого слова как собственного имени не дает смысла. Кто такой пенджикентский *β'žkr'm* (в нашем чтении), от имени которого посылается письмо тархану? Повидимому, какое-то должностное лицо, притом имеющее отношение к денежным делам, финансам. В таком случае, позволительно думать, что это слово сложное из двух, и первая часть его есть *β'ž* 'подать', 'налог', соответствующее новоперсидскому باج, древнеперсидскому *bāǰi-*; *β'žkr'm* — нечто в роде 'сборщика налогов'. Контекст документа не дает материала для суждения о том, кто тот тархан, которому письмо адресовано. К этому вопросу еще вернемся.

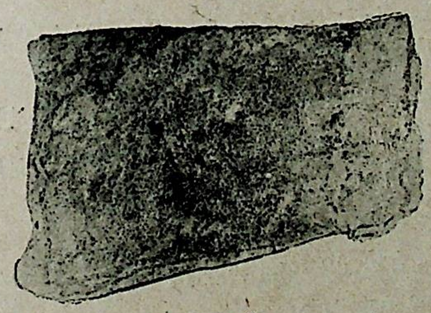
В документе приводится название месяца *γwryznyčh*. Последний в списке согдийских месяцев Аль-Бīрӯнӣ не значится. Чтение этого слова не подлежит сомнению; ясна его этимология и значение: *γwryznyčh* 'поклонение солнцу'. Этот месяц помимо данного документа засвидетельствован в нашем собрании еще несколько раз.

Документ 6 *nov.*[4] (на коже) представляет собою датированную годами царя Дивастича безыменную запись, заприходование денежных поступлений.

[1] Т. е. оправдательным документом (?).
[2] Именно в первом письме строка 4-я; см. стр. 8 его издания.
[3] Буквы z и n трудно отличимы даже в старых письмах.
[4] См. «Согдийский сборник», стр. 33, прим. 2.



Фиг. 4.



Фиг. 5.

Кроме месяца *γwryznyč* упоминаются здесь названия месяцев *nysn'yč*, *βwγyč* и дни *γwšrwč*, *'rtγwrwč*, *r'mrwč*.

Выше упоминалось уже название *tγm'yčh*, отмеченное в одном из старых писем, изданных Рейхельтом.[1] Этот месяц, так же как и *γwryznyč*, не засвидетельствован у Аль-Бīрӯнī, но он встречается четыре раза в одном из наших документов (на коже), а именно 13B11[2] (фиг. 6). Краска в этом документе сильно поблекла, как бы смыта водою. Тем не менее документ на лицевой стороне читается полностью. В документе (на лицевой стороне) 11 строк.

Текст гласит:

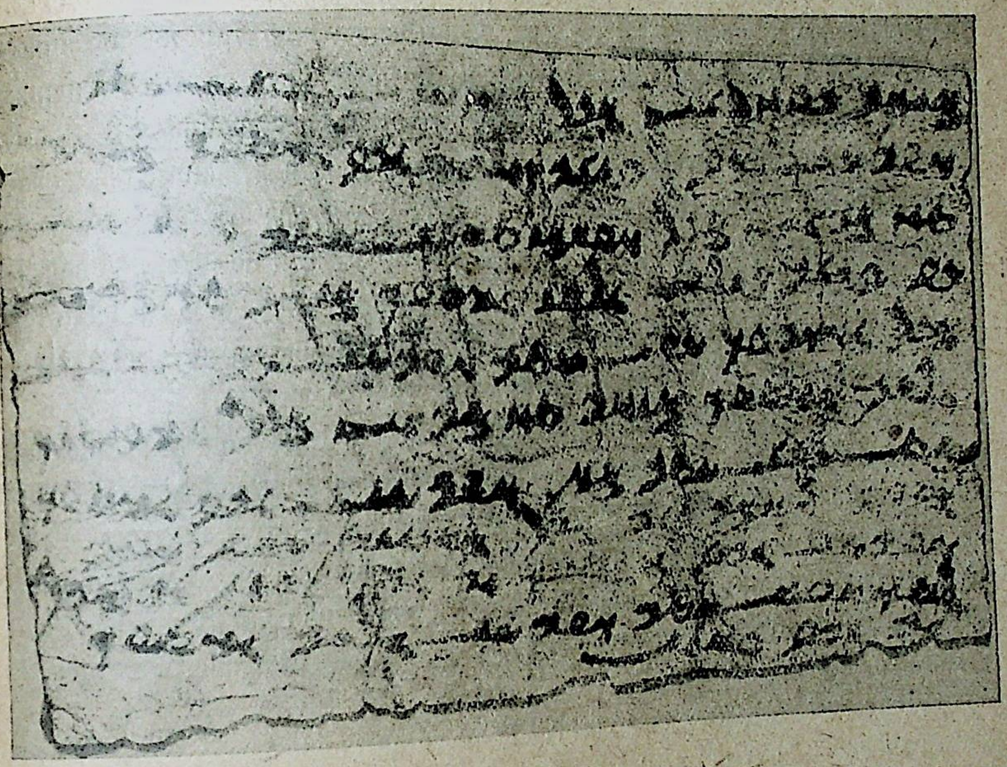
m'γy βwγyčh myδ 'nγrnh rwč rty
γwyr' kw pnčy knδh 'yw 'stwr m'γy
tγmyčh myδ γwrmztrwč rty γwyr'
kw pnčy knδh 'δ y 'stwr m'γy tγmyčh
myδ 'γšywr rwč rty γwyr' kw pnčy knδ
'δry 'stwr m'γy tγmyčh myδ 'spnt'r
mt rwč rty ms γwyr' 'yw 'stwr
m'γy tγmyčy myδ mrt't rwč rty
γwyr' 'yw 'stwr ZY 'yw wr'k ZY myδ
δtsrwč rty γwyr' 'δry 'stwr
ZY 'yw wr'k

Перевод:

Месяца *βwγyčh* день *'nγrnh rwč* и
съедена в Пенджикенте одна овца месяца
tγmyčh день *γwrmztrwč* и съедены
в Пенджикенте три овцы месяца *tγmyčh*
день *'γšywr rwč* и съедены в Пенджикенте
три овцы месяца *tγmyčh* день *'spnt'r*
mt rwč и далее съедена одна овца
месяца *tγmyčy* день *mrt't rwč* и
съедена одна овца и один барашек и день
δtsrwč и съедены три овцы
и один барашек.

[1] См. стр. 18 его издания: *pr tγmy'čw m'γw*.
[2] См. «Согдийский сборник», стр. 37.

Эта безыскусственная запись дает возможность установить место, которое занимал месяц *tγmyčh* в числе других. Первая отметка об израсходованной овце относится к месяцу *βwγyčh* и дню *'nγrnh rwč*, т. е. к последнему дню месяца *βwγyčh*, а следующая — к дню *γrmztrwč* месяца *tγmyčh*, т. е. к первому дню месяца *tγmyčh*; следующая за ней — к дню *'γšywr rwč* того же месяца (четвертому дню), затем — *'spnt'rmt rwč* (к пятому),



Фиг. 6.

далее — *mrt't rwč* (к седьмому) и *δtsrwč* (к восьмому). Последовательность дней записей (30-й день, 1-й, 4-й, 5-й, 7-й и 8-й) с несомненностью указывает, что месяц *tγmyčh*, согласно нашим документам, следовал за месяцем *βwγyčh*, тридцатый день которого в документе предшествовал первому дню *tγmyčh*; между тем в списке Аль-Бīрӯнī после месяца فوغ (буквой ف Аль-Бīрӯнī отмечал согдийский звонкий губной спирант, отсутствующий в арабском языке) следует مسافوغ, т. е. «'следующий' (?), 'второй' (?), или 'большой' (*mz*) فوغ», месяц, который отмечен и в нескольких наших документах. С другой стороны, подлинность нашего *tγmyčh* подтверждается также наличием его в упомянутом уже одном старом согдийском письме.[1] Выход из этого противоречия

[1] См. стр. 18 упомянутого уже издания Х. Рейхельта.

может быть найден в предположении, что *tγmyčh*,[1] отсутствующее в списке Аль-Бīрӯнī, представляет собою другое, параллельное, популярное, интимное, народное название месяца *mzβwγγyčh*, сложного слова, в первой части которого и имеется определение 'большой', близкое к *tγmyčh*, — поэтому оно и не отмечено у Аль-Бīрӯнī. Но в наших документах засвидетельствовано еще одно название месяца, — это *γwryznyčh* 'поклонение солнцу', имевшее совершенно очевидный подлинный иранский характер, место которого среди других названий пока не определено, и которое точно так же не представлено, как мы видим, у Аль-Бīрӯнī. Быть может, что наличие в наших документах названий *mzβwγγyčh* и *tγmyčh*, как будто относящихся к одному и тому же месяцу, обусловливается различием традиций, нашедших свое отражение и в нашем собрании, что название *mzβwγγyčh* отражает западную, самаркандскую традицию, а *tγmyčh* — восточную, и потому оно засвидетельствовано в старом письме в Китае. Быть может все же и это кажется наиболее вероятным, название *mzβwγγyčh* в наших документах и مسانوغ у Аль-Бīрӯнī относятся к разным месяцам.

В документе 6В5[2] засвидетельствовано еще одно название месяца, а именно *mz'yγγntyčh*. Это — небрежно исписанный неправильной формы кусок кожи — запись о выдаче кож; действующее лицо его — тот же Ахухсравак.

Название месяца *mz'yγγntyčh* у Аль-Бīрӯнī засвидетельствовано. В его списке это 6-й месяц مزيخند. Орфография нашего документа помогает выяснить этимологию этого слова. Слово это — сложное, и в первой части его — *mz'yγ* 'большой'.

Документ 2В1 (на коже) (фиг. 7)[3] представляет собою только начало незаконченного документа, где написана только дата; в ней отмечен месяц *'γšwmyčy* — двенадцатый месяц по Аль-Бīрӯнī. В документе небольшие лакуны во второй строке; оторваны две конечные буквы второй строки и первая — третьей:

δyw'styč γwβw 10-3 srδ 'γ
m'γy 'γšwmyčy ZY m[yδ] βrw'r[tn]
[r]wč.

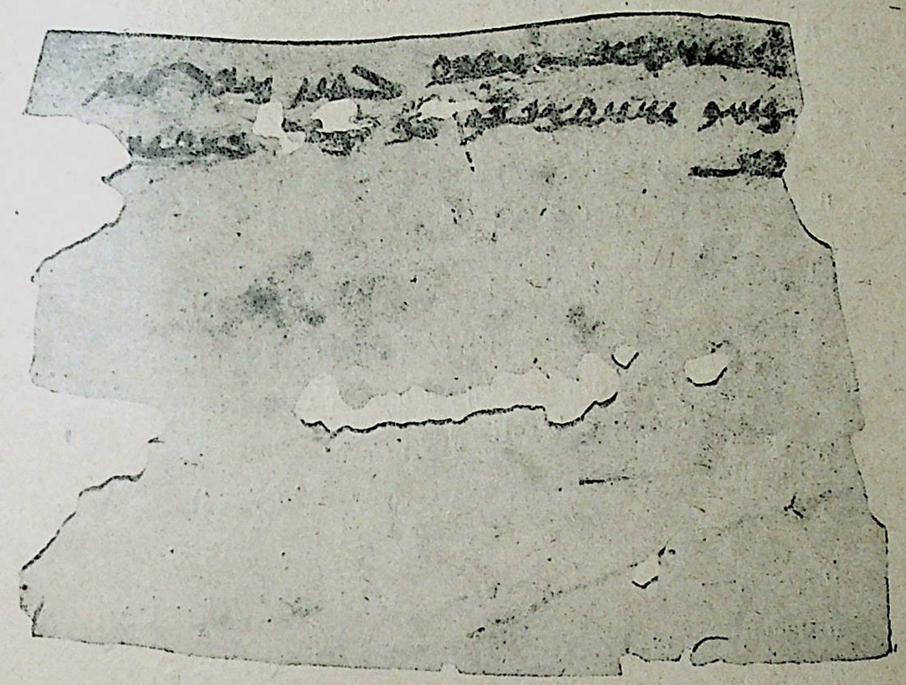
Перевод:

Дивастича государя 13 лет есть
месяц *'γšwmyčy* и день *βrw'r[tn]*
[r]wč.

1 Что значит 'сильный, богатырский'.
2 См. «Согдийский сборник», стр. 35.
3 Там же, стр. 34.

В документе 47Б4[1] (на палке) встречается название месяца *rβγγntyč*, где первая часть *rβy* — семитическое слово в значении 'большой', — совершенно очевидно, представляет собой идеограмму, соответствующую согдийскому слову *mz'yγ* 'большой', и *rβγγntyč* — есть известный уже нам *mz'yγγntyč*.

Такую же замену первой части идеограммы в названии месяца *mz'yγγntyčh* мы имеем и в документе 4В3,[2] датированном 11-м годом



Фиг. 7.

Дивастича, господина Панча. Слово год в этом документе и в документе 5В4,[3] который датирован 1-м годом Дивастича, «согдийского царя, господина Самарканда», обозначено идеограммой *ŠNT*, а не знаками *srδ*, как обычно. Мы имеем таким образом в наших документах новые идеограммы, не засвидетельствованные ранее.

Выше уже говорилось о документе 45Б2,[4] содержание которого составляют записи о расходовании продуктов в течение последних трех дней одного месяца и семи первых дней месяца *nysnyč*. К сожалению, поверхность палки в этом месте, в самом начале документа, где дано-

1 См. «Согдийский сборник», стр. 48.
2 Там же, стр. 34.
3 Там же, стр. 34—35.
4 Там же, стр. 48.

название этого месяца, предшествующего месяцу *nysnyč*, повреждена, и трудно пока восстановить первоначальный ее вид. В зороастрийском календаре этот месяц был посвящен «лучшей праведности» — **Artahe Vahištahe*, — что отмечено и Аль-Бīрӯнī для персидского اردیبهشت и хорезмийского اردوست календарей. Название, приведенное Аль-Бīрӯнī для согдийского календаря, جرجن — мало понятно и не в состоянии помочь выяснению нашего названия; оно, очевидно, исковеркано.

Последний из засвидетельствованных в наших документах месяцев — это месяц *žymtyčy*, очевидно одиннадцатый месяц у Аль-Бīрӯнī ژیمدا. Название этого месяца встречается у нас два раза: в названном выше документе 5B4 первого года Дивастича и в документе 10B8.[1]

Таким образом в наших документах засвидетельствованы следующие месяца, находящие себе место в таблице Аль Бīрӯнī:

1 месяц —	*n'wsrδyč*	نوسرذ (نوسرد)
2 месяц —	от названия его сохранилось 5 букв из 9: *šn*....*yčy* (начало и конец); недостает самая существенная часть слова; у Аль-Бīрӯнī جرجن.	
3 месяц —	*nysnyč*	نیسن (نیسنج)
4 месяц —		بساک (نساکنج)
5 месяц —		اشناخندا (اشناخندا)
6 месяц —	*mz'yγγntyčh* (*rβyyntyč*)	مژیخندا (مرخندا)
7 месяц —		فغار (فغکان)
8 месяц —		ابانج
9 месяц —	*βwγyč*	فوغ
10 месяц —	*mzβwγyč*	مسافوغ
11 месяц —	*žymtyčy*	ژیمدا (ژیمدنج)
12 месяц —	*'γšwmyčy*	خشوم

И кроме того два названия *γwryznyčh* и *tγmyčh*, для которых в таблице Аль-Бīрӯнī эквивалента не находится. Итого 10 (или 11) названий из 12 возможных. Как мы видели, данные наших документов оказываются небесполезными для восстановления действительной картины согдийского календаря. Они сослужат свою службу при новом издании Аль-Бīрӯнī.

[1] См. «Согдийский сборник», стр. 36.

II. Дивастич — Тархун

При первом же просмотре наших документов было обращено внимание на то обстоятельство, что Дивастичу присвоен титул «*sγwδyk MLK' sm'rknδč MR'Y*» «согдийского царя, господина Самарканда» — титул идентичный с тем, который носил, согласно арабским источникам, его сверстник согдийский ихшид Гурек, возведенный на ихшидский престол самаркандцами после свержения ими в 710 г. его предшественника Тархуна за уступчивость последнего арабам.[1] Однако этот титул «согдийского царя, господина Самарканда» носит Дивастич не во всех документах, а лишь в известном числе недатированных писем на бумаге и коже и в двух датированных его именем документах, из которых один, на коже, датирован его первым годом, а другой, на бумаге, — вторым. Но уже в следующем по времени датированном документе нашего собрания — 6-го года Дивастича[2] — Дивастич не назван уже «господином Самарканда, согдийским царем», а носит титул «господина Панча», т. е., как мы видели, Пенджикента,[3] и в позднейших документах титул «согдийского царя, господина Самарканда» более не встречается. Среди документов, в которых Дивастич назван господином Пенджикента, нет ни одного документа на бумаге, потому, очевидно, что в ту пору бумага в Пенджикенте как материал импортированный из Китая, была еще весьма редка.[4] Поэтому можно думать, что документы нашего собрания, написанные на бумаге, писались в центре Согдианы — в Самарканде и его округе. Документов, датированных годами Дивастича, до сих пор обнаружено 10. Они обнимают время от 1 до 14 лет Дивастича. Это: документ 5B4[5] — «согдийского царя, господина Самарканда» Дивастича 1 год, т. е. 1-й год, — на коже с подвешенной печатью; 38A16 «от согдийского царя, господина Самарканда, 2 года»[6] — на бумаге; и далее, остальные документы, датированные годами Дивастича — все на коже: документ 26A4[7] — «господина Панча Дивастича 6 лет»; 1 nov.[8] — «Дивастича государя 7 лет»; документ

[1] См. «Согдийский сборник», стр. 12 и 64.

[2] Там же, стр. 41.

[3] См. выше, стр. 154.

[4] Что подтверждается наличием в нашем собрании китайских документов, не имеющих в противоположность согдийским документам никакого отношения к данному месту и обстановке. На обороте одного из них — согдийский текст.

[5] См. «Согдийский сборник», стр. 34—35.

[6] Там же, стр. 45.

[7] Там же, стр. 41.

[8] Там же, стр. 33, прим. 2.

30A8[1] — «Господина Панча Дивастича 8 лет»; документ 6 nov.[2] — «Дивастича царя 10, 12 и 13 лет»; документ 4B3[3] — «Господина Панча Дивастича 11 лет»; документ 32A10[4] — «Государя Дивастича 11 лет»; документ 2B1[5] — «Дивастича государя 13 лет»; документ 35A13[6] — «Господина Панча Дивастича 14 лет».

Представлены, как мы видим, все годы Дивастича от 1 до 14, за исключением 3-го, 4-го, 5-го и 9-го.

В Согдийском сборнике, в статье В. А. и И. Ю. Крачковских[7] уже указывалось, согласно данным Табари, как судьба Дивастича трагически оборвалась в 722 г., когда он был взят в плен арабами и затем казнен. Последний по времени датировки годами Дивастича документ нашего собрания, датированный 14 годами его,[8] не мог быть поэтому составлен после 722 г., когда должна была прекратиться власть Дивастича в Пенджикенте и, естественно, также и датирование его именем документов. Отправляясь от 722 г., года прекращения деятельности Дивастича, мы можем путем вычитания определить начало политической деятельности Дивастича, год документа 5B4. Это должно было быть во всяком случае не позже 708 г., время, когда на самаркандском престоле не сидел еще Гурек, так как последний был избран самаркандцами только в 710 г., а Тархун. Очевидно, таким образом, что Дивастич был сверстником обоих хорошо известных в истории согдийских царей первой половины VIII в.: Тархуна и Гурека, и это обстоятельство обязывает нас выяснить отношения Дивастича к этим последним. Первым документом, в котором Дивастич назван не господином Самарканда, а господином Пенджикента, является документ 26A4, документ, датированный шестым его годом, т. е. пять лет спустя после документа первого года — 5B4. Таким образом, как мы видим, число лет, в течение которых Дивастич мог называться «согдийским царем, господином Самарканда», — не более пяти.

Вспомним, что говорят об этом времени в Согдиане китайские источники, перевод которых приведен Шаванном:[9] «Во время периода *wan-*

1 См. «Согдийский сборник», стр. 43.
2 Там же, стр. 33, прим. 2.
3 Там же, стр. 34.
4 Там же, стр. 43-44.
5 Там же, стр. 34.
6 Там же, стр. 44.
7 Там же, стр. 64—65.
8 35 A13, там же, стр. 44.
9 E. Chavannes. Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux, St.-Pétersbourg, 1903, стр. 135.

soei-t'ong-t'ien (696) назначили царем великого начальника *Tou-so-po-t'i*. После его смерти ему наследовал его сын *Ni-nie-che-che*. Когда он умер, люди страны дали титул царя *Tou-hoen*» (под этим именем обыкновенно понимается Тархун). Таким образом, очевидно, Тархун воцарился значительно позже 696 г., так как еще до него успели процарствовать *Tou-so-po-t'i* и *Ni-nie-che-che*. 704 год указан в «Согдийском сборнике», в статье В. И. и И. Ю. Крачковских,[1] как год, когда Тархун впервые упоминается в истории Табари. Очевидно, навряд ли можно считать, что Тархун появился на арене истории ранее 704 г., скорее позже. Таким образом, Тархун процарствовал 5—6 лет (704 — ± 710) и в ± 710 г. он был уже сменен Гуреком. Это число чрезвычайно близко подходит, если не совпадает полностью с числом лет, которое протекло между первым годом Дивастича, когда он носил титул «согдийского царя, господина Самарканда» и 6-м его годом, когда впервые засвидетельствован его скромный новый титул «господина Пенджикента». А Дивастич — не самозванец. Ведь «согдийским царем, господином Самарканда» называет не только он сам себя, но так его называют и его корреспонденты. Очевидно, он был «согдийским царем, господином Самарканда» в те самые годы, когда им, согласно арабским и китайским источникам, был Тархун.

Единственным объяснением такого поразительного совпадения может быть только признание, что Тархун и Дивастич — одно и то же лицо. И первый год его царствования есть ± 705 год документа 5B4, его шестой год (спустя пять лет), — 710-й год — год документа 26A4, когда Дивастич носит уже скромный титул господина Пенджикента.

Для этого, однако, потребовалось бы признать недостоверным сообщение источника (Табари, Ибн-аль-Асир),[2] что Тархун после низложения в отчаянии лишил себя жизни, или был убит, и предположить, что его низложение не окончилось столь трагически для него самого, а что он удалился из Самарканда в Пенджикент. Сохранившийся за ним некоторый ореол, авторитет как бывшего «согдийского царя, господина Самарканда» естественная, быть может, оппозиция против сменившего его Гурека сделали возможным сосредоточение впоследствии вокруг него недовольных (арабами) элементов в Согдиане, двинувшихся вопреки советам Гурека, во главе с Дивастичем,[3] в Фергану, что привело в конце концов к пленению и смерти Дивастича. Некоторым, но не непреодолимым препятствием

1 Стр. 63.
2 См. «Согдийский сборник», стр. 63.
3 Там же, стр. 65.

30A8[1] — «Господина Панча Дивастича 8 лет»; документ 6 nov.[2] — «Дивастича царя 10, 12 и 13 лет»; документ 4B3[3] — «Господина Панча Дивастича 11 лет»; документ 32A10[4] — «Государя Дивастича 11 лет»; документ 2B1[5] — «Дивастича государя 13 лет»; документ 35A13[6] — «Господина Панча Дивастича 14 лет».

Представлены, как мы видим, все годы Дивастича от 1 до 14, за исключением 3-го, 4-го, 5-го и 9-го.

В Согдийском сборнике, в статье В. А. и И. Ю. Крачковских[7] уже указывалось, согласно данным Табари, как судьба Дивастича трагически оборвалась в 722 г., когда он был взят в плен арабами и затем казнен. Последний по времени датировки годами Дивастича документ нашего собрания, датированный 14 годами его,[8] не мог быть поэтому составлен после 722 г., когда должна была прекратиться власть Дивастича в Пенджикенте и, естественно, также и датирование его именем документов. Отправляясь от 722 г., года прекращения деятельности Дивастича, мы можем путем вычитания определить начало политической деятельности Дивастича, год документа 5B4. Это должно было быть во всяком случае не позже 708 г., время, когда на самаркандском престоле не сидел еще Гурек, так как последний был избран самаркандцами только в 710 г., а Тархун. Очевидно, таким образом, что Дивастич был сверстником обоих хорошо известных в истории согдийских царей первой половины VIII в.: Тархуна и Гурека, и это обстоятельство обязывает нас выяснить отношения Дивастича к этим последним. Первым документом, в котором Дивастич назван не господином Самарканда, а господином Пенджикента, является документ 26A4, документ, датированный шестым его годом, т. е. пять лет спустя после документа первого года — 5B4. Таким образом, как мы видим, число лет, в течение которых Дивастич мог называться «согдийским царем, господином Самарканда», — не более пяти.

Вспомним, что говорят об этом времени в Согдиане китайские источники, перевод которых приведен Шаванном:[9] «Во время периода *wan-*

1 См. «Согдийский сборник», стр. 43.
2 Там же, стр. 33, прим. 2.
3 Там же, стр. 34.
4 Там же, стр. 43-44.
5 Там же, стр. 34.
6 Там же, стр. 44.
7 Там же, стр. 64—65.
8 35 A13, там же, стр. 44.
9 E. Chavannes. Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux, St.-Pétersbourg, 1903, стр. 135.

soci-t'ong-t'ien (696) назначили царем великого начальника *Tou-so-po-t'i*. После его смерти ему наследовал его сын *Ni-nie-che-che*. Когда он умер, люди страны дали титул царя *Tou-hoen* (под этим именем обыкновенно понимается Тархун). Таким образом, очевидно, Тархун воцарился значительно позже 696 г., так как еще до него успели процарствовать *Tou-so-po-t'i* и *Ni-nie-che-che*. 704 год указан в «Согдийском сборнике», в статье В. И. и И. Ю. Крачковских,[1] как год, когда Тархун впервые упоминается в истории Табари. Очевидно, навряд ли можно считать, что Тархун появился на арене истории ранее 704 г., скорее позже. Таким образом, Тархун процарствовал 5—6 лет (704 — ± 710) и в ± 710 г. он был уже сменен Гуреком. Это число чрезвычайно близко подходит, если не совпадает полностью с числом лет, которое протекло между первым годом Дивастича, когда он носил титул «согдийского царя, господина Самарканда» и 6-м его годом, когда впервые засвидетельствован его скромный новый титул «господина Пенджикента». А Дивастич — не самозванец. Ведь «согдийским царем, господином Самарканда» называет не только он сам себя, но так его называют и его корреспонденты. Очевидно, он был «согдийским царем, господином Самарканда» в те самые годы, когда им, согласно арабским и китайским источникам, был Тархун.

Единственным объяснением такого поразительного совпадения может быть только признание, что Тархун и Дивастич — одно и то же лицо. И первый год его царствования есть ± 705 год документа 5B4, его шестой год (спустя пять лет), — 710-й год — год документа 26A4, когда Дивастич носит уже скромный титул господина Пенджикента.

Для этого, однако, потребовалось бы признать недостоверным сообщение источника (Табари, Ибн-аль-Асир),[2] что Тархун после низложения в отчаянии лишил себя жизни, или был убит, и предположить, что его низложение не окончилось столь трагически для него самого, а что он удалился из Самарканда в Пенджикент. Сохранившийся за ним некоторый ореол, авторитет как бывшего «согдийского царя, господина Самарканда» естественная, быть может, оппозиция против сменившего его Гурека сделали возможным сосредоточение впоследствии вокруг него недовольных (арабами) элементов в Согдиане, двинувшихся вопреки советам Гурека, во главе с Дивастичем,[3] в Фергану, что привело в конце концов к пленению и смерти Дивастича. Некоторым, но не непреодолимым препятствием

1 Стр. 63.
2 См. «Согдийский сборник», стр. 63.
3 Там же, стр. 65.

мог бы быть арабский документ нашего собрания, где речь идет о двух сыновьях Тархуна, так как мы не знаем точно, о каком Тархуне речь идет.[1]

Но для этого необходимо также согласиться с мнением тех источников[2] и ученых,[3] которые считают, что Тархун — не собственное имя, а титул, по существу равнозначный с титулом тархан.

Напомним, что столь достоверный источник, каким является Аль-Бīрӯнӣ, уроженец Средней Азии, приводит термин 'тархун' в качестве титула царей Самарканда. Очевидно, китайские и некоторые арабские источники (Табари) знали Дивастича тех лет как тархана по преимуществу, как главного тархана и сочли это название собственным именем.

Чересчур близки, в самом деле, эти два слова, оба несомненно не согдийские, а турецкие в согдийском. Они могли быть в действительном произношении еще ближе и отражать по существу одно и то же слово. Буква و в слове طرخون, написанном семитическим, арабским алфавитом, не должна была непременно выражать гласный звук, она могла быть написана для передачи согласного *v*, и это слово могло по-согдийски произноситься близко к *trγwn* (*tarχvan*), и сочетанием *γw*, часто встречавшимся в согдийском, согдийцы могли желать передавать точнее подлинный турецкий велярный *q* слова *trqn*, которого в согдийском языке не было, и передавали его в одних случаях через *γw*, а в других через *γ*,[4] и уже позднее тембр гласного *a* под влиянием предшествовавшего *v* перешел в *ō* или *ū* (в зависимости от реальной фонематики того или иного языка, например, в персидском).

Вспомним, что в документе 35A13, датированном 14 годами Дивастича, господина Панча, упоминается *trγ'n*: ему направлено письмо от пенджикентского *β'ž̌kr'm* и народа. Весьма вероятно, что этот *trγ'n* есть сам Дивастич. Очевидно, титул *trγ'n* присваивался в Средней Азии владетельным князьям, находившимся под покровительством турок, как мауля — клиентам рабов. И Дивастич, «согдийский царь, господин Самарканда» мог носить вместе с тем, когда это нужно было или если это нужно было, и титул тархана или тархуна.

Согласившись со всем этим, мы поймем, каким образом среди наших документов могли оказаться два, датированные одним и тем же числом, 10 годами Тархуна-царя (3 nov. и 4 nov.)[5] (на коже). Если начало царствования Тархуна Дивастича относится к 704—705 гг., то 10-й год его есть 713—714 гг., т. е. 3—4 года после прекращения политической деятельности Тархуна, если согласиться с источниками, утверждающими, что в 710 г. он покончил жизнь самоубийством, или был убит,[1] или же пенджикентское время Дивастича-Тархуна, — поэтому в этих документах нет титула «согдийского царя, господина Самарканда»: он уже им не был, им был тогда уже Гурек, но он не переставал быть тархуном или тарханом.

Вот результат попытки привести в систему даты наших документов. Насколько она убедительна, судить не нам. Нам кажется, этих дат достаточно все же для того, чтобы подвергнуть еще раз пересмотру вопрос о тархуне в целом.

Ленинград, май 1935 г.

1 См. «Согдийский сборник», стр. 53.
2 См. Аль-Бīрӯнӣ: «Chronology of Ancient Nations, стр. 109.
3 См. J. Wellhausen. Das arabische Reich und sein Sturz. Berlin, 1902, стр. 270.
4 Ср. *γwtlwγ-Qutluγ*, стр. 58 цит. издания Х. Рейхельта.
5 См. «Согдийский сборник», стр. 33, прим. 2.

1 См. «Согдийский сборник», стр. 63.

П. И. ВОРОБЬЕВ

К истории русско-китайских отношений в XVII в.

Русская историческая наука уделила довольно большое место изучению русско-китайских отношений начального периода Цинской династии, т. е. XVII в.

В первом ряду исследователей этого вопроса необходимо поставить Миллера, Герарда Фридерика, который первый обратил внимание на сибирские архивы и сумел вывезти оттуда во время так наз. «Второй камчатской» экспедиции Акад. Наук в 1733—1743 гг. значительное количество подлинных дел (45 дел, хранящихся ныне в Моск. гл. архиве б. Мин. ин. дел за № 478).[1] Еще более значительное количество дел было скопировано «через данных от Академии студентов и копиистов».[2] Общеизвестно, что миллеровские списки были изготовлены крайне небрежно ввиду «...безграмотности... и неопытности в чтении старинных письмен» переписчиками, употребленными в это дело Г. Ф. Миллером. Квалификация недостатков исчерпывающим образом дана в «Дополнениях к Актам Историческим»,[3] а также в труде Н. Н. Оглоблина «К русской Историографии. Герард Миллер и его отношение к первоисточникам».[4]

Не отрицая серьезности упреков, делаемых по адресу Г. Ф. Миллера, необходимо вместе с тем учесть, что благодаря его инициативе оказались спасенными многочисленные документы, подлинники которых погибли в местных архивах и дубликатов которых не имеется в центральных.[5]

---

1 В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. ИАН, 1919, стр. 819.

2 Ibid.

3 Т. VIII, стр. VII; т. X, стр. VII; см. Котвич, указ. соч., стр. 820.

4 Библиогр. Вестн. литературы, науки и искусства, изд. под редакцией Н. М. Лисовского, 1889, № 1, стр. I—II, см. Котвич, ibid. Библиографию о Миллере (Müller) см. В. И. Межов. Сибирская библиография, т. III. Азбучный указатель..., стр. 78 и 174.

5 Котвич, стр. 820—821.

Из научных трудов, написанных по интересующему нас вопросу самим Миллером, кроме известного всем «Описания Сибирского царства»,[1] необходимо иметь в виду его же: «История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением»,[2] и «О первых российских путешествиях и посольствах в Китай».[3]

В связи с Миллером необходимо упомянуть и о капитальной работе И. Э. Фишера «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием».[4] Следующими по важности привлекаемого архивного материала должны быть отмечены издания Археографической комиссии, учрежденной в 1834 г. Первоначально, как известно,[5] обилие материалов, поступивших в распоряжение этой комиссии, не только касавшихся Сибири, принудило комиссию применить выборочную систему издания документов, при которой «сибирские документы опубликовывались в перемежку с другими актами». Так обстоит дело в «Актах исторических», «Дополнениях к Актам историческим» и «Русской Исторической библиотеке».[6] В последующие периоды комиссия «усвоила другой метод издания: систематический с территориальной группировкой».[7] Так появились «Памятники Сибирской истории XVIII в.»,[8] затем т. VIII (1884 г.) «Русской исторической библиотеки», почти наполовину (стр. 327—891) посвященный Сибири (документы периода 1625—1630 гг., взятые из столбцов Сибирского приказа, и «ведомость о ясачных, десятинных... доходах и расходах в сибирских городах за 1698 и 1699 гг.»)[9] и наконец три следующих издания комиссии: 1) Краткая Сибирская летопись (Кунгурская), СПб.,

---

[1] Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его российской державе по сии времена. Соч. проф. Миллера. Перев. с нем. СПб., 1750 (Сиб. библ., т. II, № 6455); то же, изд. 2-е. СПб., 1787 (Сиб. библ., т. II, № 6456; Котвич, стр. 1071—1072).

[2] Перев. Ив. Голубцов (Ежемес. сочинения к пользе и увеселению служащие, 1757 г., т. VI); см. Сиб. библ., т. II, № 6938; на нем. яз.: Nachrichten von dem Amurflusse und an ihm gelegenen Ländern. Von G. F. Müller. Büschings Magazin, 1740; см. Сиб. библ., ibid., № 14601.

[3] Ежемес. сочин., 1755, т. II, стр. 15.

[4] СПб., 1774. Пер. с нем.: Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen. St. Petersburg, 1766. О Фишере («который, как известно ныне, пользовался рукописными материалами, собранными Миллером и находившимися в распоряжении академии». Сиб. библ., II, № 6459), см. Сиб. библ., т. III Азбучный указатель, стр. 139.

[5] Котвич, стр. 1074.

[6] Там же, стр. 1074.

[7] Ibid.

[8] Памятники Сибирской истории XVIII века. Книга 1 и 2. 1700—1724. СПб., 1882—1885; Сиб. библ., 1, № 65.

[9] Котвич, ibid.

1880 г. (так наз. Ремезовская);[1] 2) Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.,[2] и 3) Сибирские летописи (СПб., 1907 г.), «где изданы по разным спискам три летописи: Строгановская, Есиповская и Ремезовская,[3] а также чрезвычайно интересные материалы «Описание Сибири XVII в.»[4] Значительный интерес для нашей темы представляют «Дополнения к Актам историческим», тт. III—XII, СПб., 1848—1867 гг. (данные о покорении Амура).[5]

В этой связи имеют большое архивно-библиографическое значение работы М. П. Пуцилло[6] и Н. Н. Оглоблина:[7] «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.)», М., 1895—1901 гг.

---

[1] Котвич, стр. 1075. Издана А. Зостом, фототипическим способом (стр. 1—40), русский текст (стр. 1—58) и указатели (стр. I—III).

[2] СПб., 1882. Котвич, ibid. Сиб. библ., II, №№ 17011—17014 и В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Ленинград, 1925, стр. 202.

[3] Котвич, ibid.

[4] Ibid. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. А. Титов, изд. г. Юдина. Москва, 1890. Сиб. библ., II, № 6514, см. еще Бартольд, указ. соч., стр. 202 и Сиб. библ., I, № 66.

[5] И к «Актам историческим...» и к «Дополнениям...» были изданы указатели. К XI и XII т. «Дополнений...» указатели напечатаны вместе. Документы, относящиеся к Сибири, из этих обеих серий (17 том) расписаны и включены в Сиб. библ.

[6] Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Главному Архиву Министерства иностранных дел. Составлен М. П. Пуцилло. Москва, 1879. Котвич, стр. 793. Аннотацию и о рецензиях см. в Сиб. библ., I, № 64.

[7] Напечатано в серии «Чтения в Общ. ист. и древностей российских при Московском Университете» в кн. II за 1895 г. часть первая. Документы воеводского управления 422 + VIII стр.; за 1898 г. кн. I, часть вторая. Документы таможенного управления (с дополнениями к первой части), 162 стр.; за 1900 г. кн. III Часть третья. Документы по сношениям местного управления с центральным, IV + 394 стр.; за 1902 г. кн. I. Часть четвертая. Документы центрального управления (с предметным указателем к I—IV частям), 288 стр. Были отдельные отписки. В этой же серии (за 1866 г., кн. IV, и за 1867 г., кн. I) помещены «Материалы для истории Сибири: 1. Состояние укреплений в войск. 2. Пограничные дела и положение инородцев. 3. Цены на разные предметы. 4. Невольничество, кабала и полон. 5. Торговля и промышленность», сообщенные Г. Н. Потаниным, и некоторые другие данные (см. Указатель к «Чтениям...» за 1846—1916 гг.), как, напр., за 1861 г., кн. I, где помещены сообщенные М. Шестаковым: Инструкция письменному голове Пояркову (стр. 1—14); отписка якутскому воеводе Приклонскому о неприязненных действиях китайцев (стр. 15—16); челобитная воеводы Приклонского царю Федору Алексеевичу о разгромлении тунгусов в Албазинском остроге по наущению пятидесятника Данила Михайлова (стр. 17—19); объявление о запрещении удским тунгусам богдойскими людьми промышлять соболей по рекам Торону, Тугиру и на Хамунских вершинах (стр. 20); донесение боярского сына А. Амосова об оспенном поветрии у ясачных якутов и тунгусов (стр. 21—22).

Нельзя не выразить сожаления о том, что данные по сношениям России с Китаем (и по истории Сибири) настолько разбросаны и распылены по разным изданиям (особенно современным), что даже такими прекрасными и полными справочниками, как книга П. Е. Скачкова «Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке, 1730—1930» М.-Л. 1932 (рец. о ней в Deütsche Literaturzeitung за 1935 г.) не могли быть учтены (из-за их распыленности и фрагментарности).

Особое место занимает работа Н. Бантыш-Каменского,[1] не потерявшая своего значения и до настоящего времени в виду наличия большого архивного материала по истории русско-китайских отношений. В этом же ряду должны быть отмечены работы Корсак[2] и Х. Трусевич,[3] а также работа проф. Н. В. Кюнера.[4]

Из работ западноевропейских ученых представляет большое значение труд Du Halde,[5] а также работа G. Cahen'a[6] и Henri Cordien, Histoire des relations des Puissances occidentales avec la Chine, в 3 томах, и наконец исключительная по богатству использованного архивного материала не только русского, но и основных западноевропейских хранилищ — это работа Baddeley'a.[7]

Интересной работой по характеристике архивных документов и по богатству привлеченного материала является использованная в настоящей статье работа В. Л. Котвича «Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.»[8] Хотя эта работа и касается архивных материалов по сношениям с ойратами, но значение ее далеко выходит за рамки указанной темы, так как проф. В. Л. Котвичем, с присущими ему эрудицией и тщательностью, привлекаются и даются исчерпывающая

---

1 Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии иностранных дел, в 1792—1803 г., Николаем Бантыш-Каменским. Издано ... В. М. Флоринским с прибавлением издателя. Казань, 1882. Котвич, стр. 1073. Сиб. библ., II, № 7935 и (Рец.) III, № 24660.

2 Историческое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857 г. См. Сиб. библ., III, № 19714.

3 Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). Москва, 1882 г. См. также Бартольд, стр. 202, а также (ibid.) Договоры России с Востоком, политические и торговые, собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869.

4 Новейшая история стран Дальнего Востока, ч. II. Обзор сношений Китая с европейскими державами с XVI столетия до 1842 г. Выпуск 3-й. Сношения с Россией. Владивосток, 1910 г.

5 Description géographique historique, chronologique, politique et physique de l'empire de de la Chine et de la Tartarie chinoise ... par le P. du Halde, de la Compagnie de Jésus (Le Haye, 1735), т. IV, где помещено (стр. 87—422) описание путешествий с императором Кан-си иезуита Жербильона (Jerbillon). Котвич, стр. 806; см. еще Бартольд, стр. 99, 101 и 104.

6 Котвич, 802, 805.

7 Russia, Mongolia, China... (приведена обширная библиография). Рец. В. А. Котвича и некоторые поправки и дополнения в ЗКВ, I, стр. 542—551; см. также рец. в Journal de l'Ecole Français d'Extreme Orient, Hanoi, 1923, pp. 311—315.

8 ИАН, 1919, стр. 791—822 и 1071—1092. Пгр., 1921, и Азиатский сборник. Пгр., 1921. На стр. 806 ошибочно указан год издания труда Du Halde, 1736, надо 1735 (MCCDXXXV). См. еще поправку Бартольда, указ. соч., стр. 202, в работе Котвича, на стр. 1081: «документ от 1 января 1597 г... приписан Михаилу Федоровичу».

библиография вопроса и оценка монгольских, китайских, манджурских и других источников по вопросу о сношениях с Россией.

Переходя, наконец, к работам, непосредственно основанным на использовании манджурских источников, касающихся русско-китайских отношений в XVII в., — прежде всего нужно упомянуть о работе А. О. Ивановского.[1]

Эта работа представляет собою почти дословный перевод специально заведенного «Дела» по поводу прибытия Н. Г. Спафария в Пекин (1676 г.) и представления им грамот Алексея Михайловича на имя Кан-си. Это «Дело», чрезвычайно типичное для манджурских официальных документов подобного рода, несмотря на сухость и официальность стиля этого документа, изобилует рядом интересных деталей исторического, этнографического и бытового порядка. Дефектом этой работы является излишнее стремление к дословности перевода, часто затемняющего самый смысл документа. Однако же при всех своих недостатках названная работа А. О. Ивановского является основным документом по изучению всех обстоятельств, связанных с посольством Н. Г. Спафария[2] в Китай, его пребыванием в Пекине и неудачным концом его миссии, — документом, объясняющим все эти обстоятельства с точки зрения противоположной стороны, а именно — китайской.

Другим исследованием, всецело основанным на манджурских материалах, является работа А. Е. Любимова «Некоторые манджурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII веке»,[3] в которой он подвергает сомнению подлинность двух «зазывных грамот китайских богдыханов», датируемых 1619 и 1649 гг. и считавшихся самыми древнейшими. Эти грамоты, по сообщению Н. Бантыша-Каменского, были найдены в Посольском приказе в царствование Алексея Михайловича и переданы Н. В. Спафарию при его отправлении в Китай[4] для перевода в Пекине на латинский язык. Спафарий по поводу этих грамот написал Алексею Михайловичу из Тобольска: «и я холоп твой в Тобольску сыскал

---

1 «Китайская реляция о посольстве Николая Спафари в Китай». Манджурский текст в переводе А. О Ивановского с предисловием П. А. Сырку, в Зап. вост. отд. Русск. археол. общ., т. III, стр. 183—196 (отд. оттиск, СПб., 1889, стр. 1—44) и т. II, стр. 81—124 и 195—220 (русский перевод и примечания).

Нужно отметить, что первый по времени перевод, неточный и неполный по сравнению с текстом, опубликованным А. О. Ивановским без приведения манджурского текста, был дан в «Сибирском Вестнике» за 1823 г., кн. 14, 15, 16 и 17.

2 Библиографию о Спафари см. Библиографию Китая, стр. 821, а также Бартольд, стр. 202, Сиб. библ., III, Азбучный указатель..., стр. 122. См. также о его посольстве: Бантыш-Каменский, указ. соч., стр. 23—36.

3 Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XXI, 1911—1912 г.

4 См. также Бартольд, стр. 193—196.

человека китайского языка и только государь тот человек перевел два листа, а в двух листах не перевел только ханово имя и лето, а про письмо сказал что то письмо перевесть он не умеет...».[1]

В Пекине относительно этих двух грамот иезуиты сообщили Спафарию, что они писаны были более 200 лет тому назад и не к московскому государю, а к «боярам», жившим по реке Шингалу, от нинаньского хана Унгли-ея. Между тем в сохранившихся русских переводах этих грамот имя Унгли-ея нигде не упоминается, и сама датировка представляется совершенно неубедительной в виду отсутствия в это время русских в этой части Дальнего Востока. Дальше А. Е. Любимов из звукового сопоставления имен ханов Валли и Ванлила-хана сына Джуханди приходит к заключению, что если и есть некоторые основания ассоциировать Валли с императором Минской династии годов правления Вань-ли (1573—1620 г.), то уже полностью отсутствуют какие-либо исторические данные для Джуханди, сына Ванлила-хана, якобы царствовавшего в 1649 г. (по словам тобольского переводчика). Таким образом в отношении этих древнейших грамот А. Г. Любимов придерживается того мнения, что до отыскания китайских оригиналов названных грамот вопрос об их подлинности надо считать открытым.

В дальнейшей части своей работы А. Е. Любимов приводит манджурские тексты и переводы четырех документов: 1) бумагу Ли-фан-юан'я о русских перебежчиках, 2) грамоту к албазинцам, 3) указ Кан-си об отправлении грамот к белому царю и 4) грамоту к белому царю. Причем в отношении второй грамоты, адресованной к албазинцам в 22-м году правления Кан-си, А. Е. Любимов сообщает, что текст этой грамоты сохранился в копиях цицикарского цзян-цзюнь'ского архива и в несколько измененной редакции имеется в так наз. «Ендуріңге таціхіјан», изд. в 4-й год Цянь-лун'а (1739).

Относительно четвертого, основного документа — грамоты Кан-си в Москву — подлинники (в двух экземплярах) этой грамоты были доставлены в Москву: один через «торгового иноземца Аврама Адольфова сына Гутмана», другой подлинник доставил «езуит Кондратей Терпиловский». Обе эти бумаги сохранились в подлинниках до настоящего времени в Гл. арх. Мин. ин. дел.[2] Собственный богдыханский указ, весьма отличный от текста этих грамот, помещен в вышеупомянутых «Engуріңге таціхіјан».

[1] Любимов, стр. 66.

[2] Дела Китайские 1690 г., картон № 3.

При дальнейшем перечислении манджурских источников по истории русско-китайских отношений необходимо отметить ряд манджурских документов, данных В. П. Васильевым в его хрестоматии,[1] а именно «Покорение Албазина».[2] При более внимательном ознакомлении с этим текстом выяснилось, что в данном случае мы имеем ряд отдельных документов, имеющих в своей совокупности отношение к подготовке похода на Албазин и самое покорение Албазина. Если быть точным, то названный В. П. Васильевым текст «Покорение Албазина» представляет собой: 1) извлечение из биографии Лантан'я в части участия его в походах против Албазина (стр. 120—152), 2) документ 24 года правления Кан-си о мероприятиях в связи с предстоящим походом на Албазин (стр. 152—162), 3) предписание Кан-си от 29-го года о снятии осады с Албазина в связи с получением известия о прибытии посольства Головина (стр. 162—163), 4) грамота Кан-си на имя Спафария в связи со слухами об оказываемом русскими покровительстве Галдану (стр. 163—164), 5) бумага из военного министерства об организации специальной ниру (роты) из русских, перешедших на сторону манджур (стр. 165—166).

Из всех перечисленных документов на русский язык переведена биография Лан-тан'я с манджурского языка Разсохиным[3] и в извлечении из китайской версии Па-ци-тун-чжи;[4] перевод Лань-тань-ле-чжуань помещен в Ирк. епарх. вед.[5]

Особое место при дальнейшем изучении первоисточников по интересующей нас теме должны занять «Ендуріңге таціхіјан», кит. «Шэн-сюнь»[6]— «августейшие наставления». Никем из советских ориенталистов (китаистов и манджуристов) в систематическом порядке «Ендуріңге таціхіјан» не изучались, тогда как они, представляя собою сборники официальных документов (указов императоров и докладов им, иногда с изложением сопутствовавших им обстоятельств), могут дать громадный фактический материал

[1] Манджурская хрестоматия, для первоначального преподавания составленная... Васильевым, СПб., 1863.

[2] Стр. 120—166.

[3] Обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего, СПб., 1784, т. X, гл. 153, стр. 129—152.

[4] История реки Амура, составленная из обнародованных источников. С картою реки Амура. СПб., 1859, стр. 109—134. Сиб. библ., II, № 6936 (указаны рецензии). Автором этого сочинения является Щукин (см. С.-Петербург. ведом. за 1856 г. №№ 19, 21, 26 и 30, где оно было напечатано в первый раз).

[5] №№ 30 и 31 за 1872 г.

[6] Котвич, стр. 801—802 (указана библиография); B. Laufer Skizze der Manjurischen Literatur, стр. 37—38 (приведено краткое содержание «священных поучений» императора Цянь-Луна). См. еще мою заметку в Зап. ИВ, т. V (сноска 1 на стр. 116).

для изучения сношений России с Китаем. Не останавливаясь на ряде весьма важных по своему значению китайских источников — как то: Дунхуа-лу, Шэн-у-цзи, Цинь-чжен-пин-дин-шо-мо-фан-лио, хэй-лун-цзян-вай-цзи (или цзи-ши), чжэнь-фуши-и (автор Сун-цзюнь), мань-чжоу-мин-чэн-чжуань, хань-мин-чэнь и т. д. как непосредственно не входящих в тему настоящей статьи — перехожу к основной части моего сообщения. Советские манджуроведы при разработке данных по истории отношений между Россией и Китаем могут занять совершенно исключительное место благодаря тем громадным научным архивным ценностям, обладателем которых является СССР, и каковыми не располагает ни одно научное собрание ни в Европе, ни даже в Китае.

Дело в том, что среди архивных богатств, которые сосредоточены в фондах Главного архивного управления, имеется специальный архивный фонд, который по официальным данным б. Восточного института во Владивостоке имел наименование «Копии дел главного китайского архива Хэйлун-цзян'ской провинции и Цицикарского речного ведомства». Этот архив по приблизительному подсчету составляет около 20 000 тетрадей и заключает в себе дела (копии и различные сводки) по всем отраслям областного управления главным образом на манджурском ($^2/_3$) и китайском языках и обнимает собою период времени от второй половины XVII до конца XIX века. В фондах этого архива заключается очень много материалов для истории русских воеводств в бассейне р. Амура, начиная со второй половины XVII века. По сообщениям лиц, имевших доступ к этому архиву, самые ранние документы датируются 17 годом правления Кан-си (1679 г.) и самые поздние 1900 годом. По официальной классификации эти документы разбиваются на документы, шедшие из:

1) Тулерги голо бе дасара цурган (кит. Ли-фань-юань), причем эти фонды представляют особую историческую ценность, так как в них отложилась вся переписка по вопросам всех многочисленных русских посольств в Китай, главным образом в XVII и начале XVIII века (Спафарий Головин,[1] Избранд Идесо[2] и т. д.).
2) Документы чоохаі цурган — военного министерства в Мукдене.
3) » боігоні цурган — министерства финансов.

[1] О посольстве Головина см. Библ. Китая, стр. 807, Бантыш-Каменский, указ. соч., стр. 40—66; Бартольд, указ. соч., стр. 195—196 и 202, Сиб. библ., III, Азбучный указатель..., стр. 30.

[2] См. о нем: Библ. Китая, стр. 810, Бантыш-Каменский, указ. соч., стр. 66—74; Бартольд, указ. соч., стр. 196 и 202.

4) Документы беідере цурган — юстиции (уголовного).
5) » weilepe цурган — министерство работ.
6) » мукдені доролоні цурган — министерство обрядов (или просвещения).
7) » хафані цурган — министерство чинов гражданских.
8) » мукдені моңго цурган — монгольская палата в Мукдене.
9) » доргі ямун — дворцовая канцелярия.
10) » доргі баіта бе ухері кадалара јамун — дворцовое управление.

Самое примечательное заключается в том, что настоящий архив,[1] находясь в распоряжении наших ученых ориенталистов около 35 лет, чрезвычайно мало изучен и полностью отсутствует какая-либо публикация его документов, за исключением приведенной мною выше грамоты к албазинцам от 22 года правления Кан-си, извлеченной из этого архива А. Е. Любимовым.

В конце 1934 г. в числе богатейших манджурских фондов рукописного отдела Института востоковедения Академии Наук СССР мне удалось обнаружить рукопись за № 984/2 на манджурском языке под названием Елхе таіфіні орін суңдаці анија дуін бијаі јабубуха бітхе бе еңеме араха дәңсе, т. е. «Журнал копий отношений, начиная с 4-го месяца 25-го года правления Кан-си». Как усматривается из самого заглавия этой рукописи, начальная дата этих двух документов относится к 25 году правления Кан-си, начиная с 4-го, т. е. месяца 1686 г., а последний из помеченных документов датируется 12 месяцем этого же года. По своему же содержанию эта рукопись содержит собрание всех официальных отношений (в копиях), которые направлялись из канцелярии Цзянь-цзюн'я Сахалянь-ула'йского (Амурского) района в различные центральные учреждения и министерства.

Всего описываемая рукопись имеет 199 стр., причем на каждой странице имеется квадратная печать (красной краски) с надписью на левой стороне обычным манджурским алфавитом «Сахалијан улаі цергі бабе тувакијара зијаңгијуні дорон, т. е. 'печать цзянь-цзюня управляющего районом Сахалянь-ула', а на правой — та же надпись квадратным манджурским письмом. Документы, как и можно предполагать, написаны разными почерками, но почти все прекрасной читаемости и сравнительно хорошей сохранности, за исключением первых 14 страниц, которые от ча-

[1] См. Kotwicz. Sur le besoin de la bibliographie complète de la Mandjourie, помещено в Rocznik Orientalisticzny, p. 8, note 5.

стого перелистывания имеют дефекты в правом нижнем углу каждой из 14 указанных страниц.

Наименование рукописи, содержание документов и печать не оставляют никакого сомнения в том, что в данном случае мы имеем одну из многочисленных тетрадей упомянутого выше архива, к тому же относящуюся к самым ранним годам этого фонда. С другой стороны, особый интерес ее состоит в том, что здесь мы имеем ряд новых неизвестных ранее документов по последнему этапу албазинской эпопеи.[1] Всех документов, непосредственно относящихся к албазинским событиям 1686 г., в составе этой рукописи имеется двенадцать, из которых один в настоящем сообщении приводится полностью в сделанном мною русском переводе (см. прил. 1).

Переходя к более детальному ознакомлению с содержанием названной рукописи, прежде всего нужно отметить, что подавляющее число документов написано от имени: «Сахалijан улаі цергі бабе тувакijара зijаңгijун Сабсу», т. е. 'Амбань Сабсу, охраняющий район Сахалянь-ула' (район нынешней провинции Хэй-лун-цзян). Доклады, адресованные на имя Кан-си, обычно идут в настоящей рукописи за подписями самого Сабсу с присоединением подписей: «гоціка цаі цергі хіja біме іціхijара хафань амбан Гувамбао, хебеі араха меірені цангін амбан Лантан, хебеі меірені цангін амбан Бандарша, хебеі араха меірені цаңгін амбан Мала», т. е. от имени той группы лиц, которая принимала весьма активное участие в перипетиях албазинской эпопеи вплоть до участия в нерчинских переговорах и подписании самого Нерчинского договора в 1689 г.[2] Подробные биографии всех вышеупомянутых лиц имеются в «Мань-джоу-мин-чэн-чжуань». Стереотипная начальная формула каждого документа, кроме обращенного в порядке доклада на имя Кан-си, гласит: «Сахалijан улаі цергі бабе тувакijара зijаңгijун амбан Сабсуі бітхе ... (чоохаі) цурган де уңгіхе, т. е. отношение (или бумага) Сабсу главноуправляющего районом Сахалянь-ула, адресовано в ... (военное) министерство».

Министерства, в которые по преимуществу направлялись отношения в рецензируемой рукописи, были: чоохаі цурган, боігоні цурган, беіідере цурган, weілере цурган, тулергі голо бе дасара цурган и хафані цурган,

[1] Библиографию об Албазине см. Библ. Китая, стр. 803, Сиб. библ., III, Азбучный указатель ..., см. также Бантыш-Каменский, указ. соч., стр. 36—54. (См. еще сноску на стр. 183.)

[2] Нерчинский договор 27 августа 1689 г. (русский, латинский и манджурский текст) в книге «Сборник договоров России с Китаем» 1689—1881 гг. Изд. Мин. ин. дел. СПб., 1889, стр. 1—10. Манджурский текст также в упомянутой хрестоматии В. Васильева, стр. 166—171.

а также целый ряд отношений, направленных в отдельные гуса, т. е. знамена.

Документы могут быть классифицированы следующим образом: а) доклады, приносимые на имя хана (Кан-си) по вопросам, требующим санкции хана, б) отношения, направляемые в различные министерства как в порядке возбуждения какого-либо вопроса, так и в порядке ответа на запрос того или иного министерства и, наконец, в) распоряжения, отдаваемые самим цзянь-цзюн'ем Сабсу.

Не ставя себе в настоящей статье задачу критического анализа документов по истории русско-китайских отношений, имеющихся в этой рукописи, я хочу пока лишь на основании приводимых здесь отдельных данных, почерпнутых из этой рукописи, подчеркнуть, что так наз. «манджурский фонд» даже при ознакомлении с ним за один случайно попавший в наши руки год представляет собою уникум, имеющий совершенно исключительное значение.

Даже часть этого фонда, взятая в рамках периода правления Кан-си за вторую половину XVII в., систематизированная в плане нашей тематики, снабженная переводом, критически освоенная и корректируемая русскими архивными данными, даст безусловную возможность более верного понимания этого во многом сложного периода русско-китайских отношений и в частности решит вопрос о неясной пока проблеме Нерчинского договора.

Не требует, как кажется, особого доказательства тот факт, что наши архивные документы по истории сношений России с Китаем, как то: отписки, статейные списки и пр., чрезвычайно скудны, в большей своей части наивны, совершенно безграмотны в передаче собственных имен и географических названий и, что самое главное, почти не затрагивают политико-экономических сторон жизни Китая того периода, не предоставляя тем самым возможности вскрыть истинную причину того или иного события, а преподносят его как совершившийся факт, или в лучшем случае дают совершенно внешнее объяснение (напр., о неудаче посольства Н. Г. Спафари).

Все это проистекало главным образом от почти полного незнакомства со страной и необходимости пользоваться для общения с манджурами и китайцами услугами невежественных и безграмотных переводчиков. Если к этому добавить часто сознательное искажение фактов со стороны русских посланцев в целях ограждения себя при обратном возвращении в Москву, то станет еще более понятным то значение, которое может иметь манджурский корректив.

Для иллюстрации и сравнения с русскими архивными данными позволю себе привести в переводе манджурский эквивалент описания положения Албазина в конце второй его осады манджурами в 1685—1686 гг., имеющийся в указанной рукописи в виде специального доклада Сабсу на имя Кан-си:

«Почтительнейший доклад Сахалијан улаі цергі бабе тувакијара зијаңгијун Сабсу и других.

Испрашивается указ по поводу следующего:[1]

В 11-й день 12-го месяца помощник воеводы города Албазина Байдон,[2] прислав специального человека, просил о доставке в Албазин съестных припасов. 12-го числа, послав нашего человека, поручили ему доставить в Албазин съестные припасы и вино. Он, вошедши в город, увидел, что почти весь гарнизон вымер и уцелело женщин и мужчин 20 с небольшим человек.

Когда наш посланный вернулся и доложил о виденном, то 13-го числа того же месяца вновь командировали в Албазин русского старика Ифан (Иван), присоединив к нему еще двух человек с целью окончательного выяснения количества русских, находящихся в Албазине. Ифан, побывав в Албазине, по возвращении рассказал следующее: войдя в город и ознакомившись с положением, он узнал, что воевода Албазина Байдон тяжело болен; затем, мужчин и женщин всего 20 человек с небольшим и то больных; людей здоровых можно насчитать два-три человека. Трупы умерших к тому же не похоронены и валяются в разных местах.

После того мы, амбани, захватив одного албазинца, подвергли его допросу, на котором он показал следующее: русских к началу осады Албазина было тысяча с лишком человек; в результате осады и болезней к настоящему времени их осталось 20 с небольшим человек, причем все они больны и в настоящее время из оставшихся в живых постоянно кто-нибудь умирает, так что если это будет продолжаться дальше, то к моменту оттаивания Амура вряд ли кто из них останется в живых.

И вот мы, амбани, вспомнили, что Хуанди всегда склонен оказывать покровительство ко всему живущему в поднебесной. И когда мы в течение нескольких раз убеждали русских в соответствии с данным нам указом, гласившим о том, что никоим образом не должно убивать русских, изъявивших покорность, а наоборот, облекая их великими милостями, по освобождении возвращать в свое государство, русские, словно дикие звери, не могут действовать в гармонии с велением сердца.

[1] Ср. изложенное ниже с хрестоматией В. П. Васильева, стр. 142 и след.

[2] Афанасий Бойтон, енисейский сын боярский, был послан в осажденный «богдойскими людьми» (они же «никанцы») Албазин и после убийства Алексея Толбузина заступил его место.

И теперь, когда русские все еще продолжают борьбу против наших больших сил, всемилостивейший указ хана, будучи проникнут единственным стремлением к небу, действительно является таким, о котором не было слышно со времен глубокой древности. Ибо, если забыть тысячу с лишком русских, уже убитых нами в прежних сражениях, тем самым оставшаяся горсточка в 20 с небольшим человек русских может быть истреблена нами буквально в несколько дней.

В силу изложенного мы, амбани, по этому поводу полагаем, поскольку русский чаган хан, находясь за пределами 10 000 ли, уповая на милость и великодушие хана, просит о снисхождении, то не представляется ли целесообразным издать указ примерно такого содержания: «если в настоящее время, сняв осаду и прекратив войну, всех уцелевших русских направить в Нерчинск, то они, из-за болезни, безусловно не дойдут до Нерчинска в такое холодное время, и их смерть никоим образом не будет соответствовать гуманным намерениям хана. А вот в будущем году, весной, по наступлении теплой погоды, если все же какое-то количество русских уцелеет, то, смотря по обстоятельствам и с учетом уцелевших, можно будет отправить их всех в Нерчинск или на лошадях или на лодках».

Не будучи в состоянии самостоятельно решить этого дела, мы, амбани, почтительнейше об этом докладываем и просим соответствующего указа». (Следуют подписи Сабсу, Лантаня, Бандарша и Бодин'а.)

Для дальнейшей истории этого документа необходимо добавить, что этот доклад Сабсу получил одобрение Кан-си, и весной 1687 г. русским действительно была дана возможность уйти в Нерчинск, и тем самым Албазин был окончательно оставлен русскими.

Затем весьма на первый взгляд непонятное «милосердие» Кан-си, фигурирующее во всех указах, обращенных к русским, а также и в настоящем документе, есть не что иное, как «фразеология», за прикрытием которой таились причины совершенно не гуманитарного порядка, а именно: 1) преувеличенное представление манджур о вооруженных силах и возможностях московского государства, 2) необходимость известной оттяжки времени для концентрации больших военных сил в районе Амура, требующей больших предварительных мероприятий, и наконец, 3) борьба с Галданом, которая чрезвычайно сильно беспокоила правительство Кан-си и связывала руки для принятия решительных мер против русских.

Упоминаемый в настоящем тексте русский перебежчик Ифан, использованный манджурами для разведки истинного положения дел в Албазине, не является каким-либо исключительным фактом. В ряде документов (Лю-

бимов, Васильев) мы встречаемся с фактами использования манджурами при сношениях с албазинскими и нерчинскими воеводами русских перебежчиков, из которых наиболее известны имена Агафона и Михайло-молодого. Более того, в опубликованном В. П. Васильевым манджурском тексте[1] и в рукописи Леонтьева[2] имеется представление военного министерства на имя Кан-си об организации специальной ниру (роты) из русских, перешедших на сторону манджур. Указ Кан-си по этому поводу гласил следующее:[3] «Русских, перешедших к нам, весьма много. Поэтому необходимо организовать их в специальную роту. Если они будут жить, присматривая друг за другом, то от этого нам будет большая польза (амба туса омби)». Затем несколько туманное выражение в тексте документа: «поскольку русский чаган хан, находясь за пределами 10 000 ли, уповая на милость и великодушие хана, просит о снисхождени...» — имеется в виду приезда в Пекин русских посланцев Венюкова и Фаворова[4] с извещением о посылке Москвою специального посольства Головина с одновременной просьбой о снятии осады Албазина. По этому поводу в нашей рукописи имеется (см. приложение II) самостоятельный доклад Сабсу, текст которого и часть перевода привожу: «Почтительнейший доклад Сабсу сахалиj ан улаі цергі бабе тувакіjара зіjангіjун и других. Хунги, командующий солонами, в 15-й день 9-го месяца 25-го года правления Елхе таіфін (1687 г.) сообщил нам, передавая высочайший указ: «говорят, что идет к нам посол, командированный русским чаган ханом и уже вступил во владения Халхаского Тушету хана и Чжебзундамба хутухты. Так как его верховые лошади и верблюды изнурены, он будет вынужден просить лошадей и вьючный скот. Поэтому необходимо срочно командировать одного бітхесі и одного бошоку[5] для получения у него необходимых сведений, и когда посол обратится с просьбой и вы, в связи с этим, узнаете благоприятные для нас вести, то надлежит немедленно послать к нам специального верхового. Далее, если в данный момент побудить русских вернуть наших беглецов,[6] то по всей вероятности это дело может теперь притти к благополучному концу. В-третьих, поскольку посылавшиеся нами неоднократно грамоты к русским не достигали никакой цели, то в этом году мы послали их через послов государства Хо-лань и Си-ян,[7] которые приходили к нам с представлением дани. Как говорят, эти государства весьма близки к территории

[1] Указ. соч., стр. 165—166. [2] Аз. музей, № 12.
[3] Манджурская хрестоматия, ibid. [4] О них см. Байтыш-Каменский, указ. соч., 40—48
[5] Бітхесі 'писарь, делопроизводитель'; бошоку 'десятский'.
[6] Имеется в виду Гантимур. [7] Т. е. Голландия и Зап. Европа.

русского государства и поэтому можно надеяться, что эти грамоты безусловно дойдут до русских»...[1]

Возвращаясь к первому докладу Сабсу и сравнивая его с русскими данными, мы видим их известное несоответствие, так, напр., «узнав о свирепствовавшей в Албазине цынге, манджуры предложили им своих лекарей, но Бейтон отвечал им, что теперь не нуждается в их помощи, а для доказательства избытка в съестных припасах послал манджурскому начальнику (полководцу)[2] в подарок пирог весом в пуд». Нам кажется, что в данном случае истина не совсем на стороне русских источников.

Не меньшее значение имеет вторая категория отношений, которые посылались в упомянутые выше центральные учреждения и министерства. Эти документы с предельной ясностью вскрывают внутренний механизм управления Амурской областью, осуществлявшийся цзян-цзюнем Сабсу. Целый ряд документов говорит о том, что в сферу компетенции цзян-цзюня входили не только вопросы чисто военного характера, но и все остальные вопросы жизни области. Правда, количественно, число отношений, направляемых в высшие учреждения, по вопросам военного характера превалирует над другими документами. Но и в этом случае мы с наглядностью убеждаемся в том, что предпринятая военная экспедиция Кан-си против русских носила строго обдуманный характер. Ей предшествовали годы напряженной подготовки, направленной к стягиванию военных частей в район Сахалянь-ула, но с таким расчетом, чтобы вместе с тем не ослабить силы гарнизонов, находящихся в других провинциях Китая. Сам национальный состав направляемых в район Амура войск привлекал к себе внимание Кан-си, и в связи с этим имеется ряд предписаний об усилении манджурского и монгольского элементов в составе экспедиционных войск за счет незначительного количества войск зеленого знамени, т. е. китайского. При направлении значительных вооруженных сил в район Амура правительство Кан-си встретилось с весьма большими препятствиями, благодаря чрезвычайно малой освоенности этой области. Отсюда проистекала лихорадочная деятельность Кан-си по проложению новых сухопутных путей сообщения, использование речных артерий и в связи с этим постройка специального речного флота главным образом для транспортировки осадных орудий, хлеба и пр.

Так, в числе документов имеется отношение Сабсу на имя weilere цурган по поводу жалобы плотников Мяо-вэнь-дэң, Чжан-вэнь-сяо и др.

[1] Как указано выше, эти грамоты действительно дошли до русских.
[2] История реки Амур (см. сноску 4 на стр. 177), стр. 96.

в числе 70 человек, нанятых в Гирине для постройки военных судов, о невыполнении условий найма, о выдаче денег в размере 1 яна вместо съестных припасов в натуре.

Следующий документ (см. приложение III) говорит о вновь организованном почтовом тракте от Мохін-сусу (место слияния Сунгари и Нонни) до Мергеня в количестве четырнадцати гіjамун'ей[1] и от Мергеня до Сахалянь-улаі хотон в количестве пяти гіjамун'ей, а также о привлечении к несению почтовой службы сибо, солонов, дагуров и монголов. Для облегчения тягот от несения этой повинности специальным указом Кан-си от от 25 года 6 месяца 21 числа местное население, привлеченное к выполнению этой обязанности, было освобождено от внесения налогов (солон дагур сеі ере анijаі албан бе гувебуфі) на один год. Вновь построенные города-крепостцы (наши сибирские остроги) — Сахалян-ула-хотон, Мергень и др. комплектуются соответствующим штатом военных чиновников — отсюда (приложение V) предписание военного министерства на имя Сабсу о принятии мер к предоставлению продовольствия и средства передвижения семьям военных чиновников, командированным на службу в г. Мергень, а также об откомандировании дополнительно двух бітхесі из Цицикара в Мергень (приложение VI).

О присвоении цзянь-цзюн'ю функций судебной власти над местным населением красноречиво свидетельствует отношение Сабсу в беіідере цурган по делу некоего китайца Чжань-да (см. приложение IV). Дело же само заключалось в том, что Чжань-да, будучи слугой ніруі цаңгін'а[2] Хубуне, был приставлен к охране трупа умершей матери последнего. Ночью Чжань-да снял с трупа одежды, выкрал подстилку и прочее и затем сжег труп. По выяснении этого дела и сознании самого Чжань-да он был приговорен Сабсу, на основании законов, к смерти путем обезглавления (саціме вамбі).

Одновременно район Сахалянь-ула являлся местом ссылки преступников из провинций внутреннего Китая, что видно из возбужденного перед военным министерством Сабсу ходатайства (приложение V) о предоставлении уксін'ам[3] преимущественного права использования в качестве слуг (кутуле) преступников (weiленге), сосланных из Китая и имеющих быть переданными кому-либо в качестве рабов (аха буре weiленге урсе бе jадара уксін де аха буребе баіре цалін).

Не безинтересным является отношение Сабсу (см. приложение VII) на имя гусаі еңен гуи и туі цангін'ов о распределении между начальствующим составом войска с точным поименованием захваченных в качестве военной добычи 3 русских мальчиков и 13 русских девочек с матерями, а также одного якута.

[1] гіjамун 'ям', почтовая станция = монг. уртóн. [2] Командир роты. [3] Уксін' 'латник'.

Разнохарактерность материалов, охватывающих разнообразные стороные жизни сахалян-улай'ской территории[1] и являющихся к тому же в основном документальными первоисточниками, а также наличие материалов на русском языке (опубликованных, а еще в большем размере неопубликованных), думается, должны поставить вопрос об исследовании и разработке этих данных, так как они дают интереснейшие сведения и по истории (в частности, сношений России с Китаем, а также русских воеводств на Амуре), и по экономике, и по быту, и другим вопросам.

---

[1] Дополнительно к сноске 1 на стр. 176 можно указать еще Baddeley, loc. cit., vol. I, Index. Кроме того, имеются библиографические указания в статье: Л. Ульяницкий, Албазин и албазинцы в Записках Приамурского общества востоковедения, вып. I, Хабаровск, 1912, стр. 67—91. См. еще посмертную статью Gaubil'a, изданную Cordier в T'oung Pao, 1915 г., vol. XVI (стр. 526, 542—544 и др.) Имеются также неопубликованные материалы (см., напр., статью С. А. Козица в Библиографии Востока, вып. 5—6, стр. 61 и М. Г. Курдюмов. Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии. 1. Акты кунгурские. 2. Акты Соликамские, СПб., 1909, № 851).

Далее (см. сноску 6 на стр. 173): цянь-лун'овские «Священные поучения (см. P. G. von-Möllendorff, Essay on Manchu Literature, № 207), несмотря на утверждение, что их «voll-ständige Ausgaben sind wohl nirgends vorhanden» (B. Laufer, Skizze der manjurischen Literatur, S. 37) в Институте востоковедения Акад. Наук имеются полностью, т. е. 300 бэней.

I

Въ 1667 г. Іоаннъ Ивановичъ Мышецкій, [159 a] бывшій
[illegible] Сибирскаго приказа, былъ назначенъ
[illegible] Китайскаго государства, и
[illegible] Китайскаго государства, и
[illegible] Китайскаго государства, и

II

Видел я в Енисейске Ивашка Ерофеева, а сказывал он, что ходил он с Ленского волока на Лену реку, а с Лены реки пришел в Енисейск, а с Енисейска пошел на Тунгуску реку, а с Тунгуски реки пришел на Илим, а с Илима пошел на Ангару реку, а с Ангары реки пришел в Братской острог, а с Братского острога пошел на Шаманской порог, а с Шаманского порога пришел в Иркутской острог, а с Иркутского острога пошел на Байкал море, а с Байкала моря пришел в Селенгинской острог, а с Селенгинского острога пошел на Удинской острог, а с Удинского острога пошел на Нерчинской острог, а с Нерчинского острога пошел на Шилку реку, а с Шилки реки пришел в Албазинской острог, а с Албазинского острога пошел на Амур реку, а с Амура реки пришел в Дючерской острог, а с Дючерского острога пошел на Зею реку, а с Зеи

[119б]

[120а]

[120б]

Китайцы крайне подозрительно относились к иностранцам, стараясь всячески ограничить их пребывание в стране. Иностранцы, приезжавшие в Китай, должны были являться в Пекин, где они помещались в специальных домах, называвшихся хуэйгуань, и могли выезжать оттуда только с разрешения правительства. Выезд из Пекина был строго воспрещен, и нарушение этого запрета каралось смертью. Иностранцам запрещалось также вступать в какие-либо сношения с китайцами, кроме официальных. Все эти ограничения распространялись и на русских, приезжавших в Китай. Однако, несмотря на все эти ограничения, русские, как и другие иностранцы, старались проникнуть в Китай, чтобы торговать, и, несмотря на все запрещения, русские купцы проникали в Китай и торговали.

III

О приезде русских в Китай впервые достоверно стало известно в 1608 г., когда в Пекин прибыли «послы от Шелкового государства». Они привезли с собой 1 сорок соболей, 1 сорок куниц, 1 сорок белок, 1 сорок лисиц, 1 сорок зайцев, 1 сорок горностаев, 1 сорок выдр, 1 сорок рысей, 1 сорок волков, 1 сорок медведей, 1 сорок оленей, 1 сорок диких коз, 1 сорок сайгаков, 1 сорок кабанов, 1 сорок барсов, 1 сорок тигров, 1 сорок львов, 1 сорок верблюдов, 1 сорок ослов, 1 сорок мулов, 1 сорок лошадей, 1 сорок баранов, 1 сорок быков, 1 сорок коров, 1 сорок свиней, 1 сорок собак, 1 сорок кошек, 1 сорок кур, 1 сорок уток, 1 сорок гусей, 1 сорок голубей, 1 сорок воробьев, 1 сорок ворон, 1 сорок сорок, 1 сорок ласточек, 1 сорок соловьев, 1 сорок попугаев, 1 сорок перепелов, 1 сорок фазанов, 1 сорок журавлей, 1 сорок цапель, 1 сорок аистов, 1 сорок лебедей, 1 сорок орлов, 1 сорок ястребов, 1 сорок соколов, 1 сорок кречетов, 1 сорок коршунов

мы выехали вчера [184] февраля между нагорною рекою и горами, держа путь
между ними, пока они сходятся с обеих сторон с высокими неприступными скалами,
оканчивающимися, наконец, одною высокою горою, которая стоит в самом
конце, и тогда уже открывается пространная долина, в которой расположен
город Нерчинск. Сия гора называется Шаман-гора, потому что на ней
находится капище, в котором тунгусы приносят жертвы своим идолам.
Нерчинск стоит на правом берегу реки Нерчи, которая, соединяясь с Шилкою,
составляет реку Амур. Нерчинск построен на косогоре, и состоит из
деревянных строений, которые, по большей части, ветхи и худы. Церквей
каменных две, одна в крепости, а другая в городе. Крепость, которая
построена на самом берегу Нерчи, имеет в длину 200 сажен, а в ширину
150 сажен. Она окружена деревянною стеною, которая [185] имеет
в вышину 3 сажени, а в толщину 2 сажени. Ворота в ней одни, и
обращены к городу. Пушек на стенах 10, а годных только 4. Гарнизон
состоит из 200 человек казаков, которые живут в городе. Воевода
живет в крепости, в каменном доме, который построен на горе. Город
обнесен деревянною стеною, которая имеет в вышину 3 сажени, а в
толщину 2 сажени. Ворота в ней одни, и обращены к городу. Пушек
на стенах 10, а годных только 4. Гарнизон состоит из 200 человек
казаков, которые живут в городе. Воевода живет в крепости, в
каменном доме, который построен на горе. Город обнесен деревянною
стеною, которая имеет в вышину 3 сажени, а в толщину 2 сажени.
Ворота в ней одни, и обращены к городу. Пушек на стенах 10, а
годных только 4. Гарнизон состоит из 200 человек казаков, которые
живут в городе. Воевода живет в крепости, в каменном доме, который
построен на горе. Город обнесен деревянною стеною, которая

тамъ пріѣзжіе ѣздятъ и ѣздятъ въ немногіе мѣсяцы торговлю имѣютъ, однако въ нихъ
[24a]
ничего не платятъ, кромѣ того что въ таможенныя книги записываютъ, а сколько
чего привезутъ и увезутъ, и съ того ничего не емлютъ. Также и на Москвѣ
гостямъ и всякимъ торговымъ людямъ, которые пріѣзжаютъ изъ иныхъ государствъ
и городовъ, никакихъ пошлинъ не емлютъ, кромѣ того что въ таможенныя книги
записываютъ, а сколько чего привезутъ и увезутъ, и съ того ничего не емлютъ.
Также и на Москвѣ гостямъ и всякимъ торговымъ людямъ, которые пріѣзжаютъ
изъ иныхъ государствъ и городовъ, никакихъ пошлинъ не емлютъ, кромѣ того
что въ таможенныя книги записываютъ, а сколько чего привезутъ и увезутъ,
и съ того ничего не емлютъ. Также и на Москвѣ гостямъ и всякимъ торговымъ
людямъ, которые пріѣзжаютъ изъ иныхъ государствъ и городовъ, никакихъ
пошлинъ не емлютъ, кромѣ того что въ таможенныя книги записываютъ, а
сколько чего привезутъ и увезутъ, и съ того ничего не емлютъ. Также и на
Москвѣ гостямъ и всякимъ торговымъ людямъ, которые пріѣзжаютъ изъ иныхъ
государствъ и городовъ, никакихъ пошлинъ не емлютъ, кромѣ того что въ
таможенныя книги записываютъ, а сколько чего привезутъ и увезутъ, и съ

VI

Вскорѣ послѣ того, какъ я имѣлъ честь представить Вашему Императорскому Величеству мой докладъ о моемъ путешествіи въ Персію, Ваше Императорское Величество, по Вашей Монаршей милости, удостоили меня назначенія на должность Посланника при Персидскомъ Дворѣ. Я поспѣшилъ выѣхать изъ Петербурга, чтобы не заставлять Ваше Императорское Величество долго ожидать моего прибытія. Я ѣхалъ черезъ Москву, Нижній Новгородъ, Казань, Астрахань, Кизляръ, Моздокъ, Тифлисъ, Эривань, Нахичевань, Тавризъ, Султанію, Казвинъ, Тегеранъ, Кашанъ, Кумъ, Сава, Хомъ, Кашанъ, Ардистанъ, Исфаганъ, Ширазъ, Буширъ, Бендеръ-Конгонъ, Бендеръ-Лингу, Бендеръ-Конгонъ, Бендеръ-Рисгатъ, Бендеръ-Буширъ, Бендеръ-Шираз, Бендеръ-Исфаганъ, Бендеръ-Кашанъ, Бендеръ-Кумъ, Бендеръ-Сава, Бендеръ-Хомъ, Бендеръ-Тегеранъ, Бендеръ-Султанію, Бендеръ-Тавризъ, Бендеръ-Нахичевань, Бендеръ-Эривань, Бендеръ-Тифлисъ, Бендеръ-Моздокъ, Бендеръ-Кизляръ, Бендеръ-Астрахань, Бендеръ-Казань, Бендеръ-Нижній Новгородъ, Бендеръ-Москву, Бендеръ-Петербургъ. [326]

VII

Ваше Императорское Величество, по Вашей Монаршей милости, удостоили меня назначенія на должность Посланника при Персидскомъ Дворѣ. Я поспѣшилъ выѣхать изъ Петербурга, чтобы не заставлять Ваше Императорское Величество долго ожидать моего прибытія. Я ѣхалъ черезъ Москву, Нижній Новгородъ, Казань, Астрахань, Кизляръ, Моздокъ, Тифлисъ, Эривань, Нахичевань, Тавризъ, Султанію, Казвинъ, Тегеранъ, Кашанъ, Кумъ, Сава, Хомъ, Кашанъ, Ардистанъ, Исфаганъ, Ширазъ, Буширъ, Бендеръ-Конгонъ, Бендеръ-Лингу, Бендеръ-Конгонъ, Бендеръ-Рисгатъ, Бендеръ-Буширъ, Бендеръ-Шираз, Бендеръ-Исфаганъ, Бендеръ-Кашанъ, Бендеръ-Кумъ, Бендеръ-Сава, Бендеръ-Хомъ, Бендеръ-Тегеранъ, Бендеръ-Султанію, Бендеръ-Тавризъ, Бендеръ-Нахичевань, Бендеръ-Эривань, Бендеръ-Тифлисъ, Бендеръ-Моздокъ, Бендеръ-Кизляръ, Бендеръ-Астрахань, Бендеръ-Казань, Бендеръ-Нижній Новгородъ, Бендеръ-Москву, Бендеръ-Петербургъ. [328]

1-60.

[286]